

Том 12, № 3, 2022

ISSN 2226-7867 (Print)
ISSN 2629-1482 (Online)

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ВЕСТНИК ФИНАНСОВОГО УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

DOI: 10.26794/2226-7867

Издание перерегистрировано
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций:
ПИ № ФС77-67071
от 15 сентября 2016 г.

The edition is reregistered
in the Federal Service for Supervision
of Communications,
Informational Technologies and Media Control:
PI No. ФС77-67071
of 15, September, 2016

Периодичность издания – 6 номеров в год

Publication frequency – 6 issues per year

Учредитель: Финансовый университет

Founder: Financial University

Журнал входит в перечень периодических
научных изданий, рекомендуемых ВАК
для публикации основных результатов
диссертаций на соискание ученых степеней
кандидата и доктора наук, включен в ядро
Российского индекса научного цитирования
(РИНЦ)

The Journal is included in the list
of academic periodicals recommended
by the Higher Attestation Commission for
publishing the main findings of PhD and
ScD dissertations, included in the core of the
Russian Science
Citation Index (RSCI)

Журнал распространяется по подписке.
Подписной индекс 44090 в объединенном
каталоге «Пресса России»

The Journal is distributed by subscription.
Subscription index: 44090 in the consolidated
catalogue “The Press of Russia”

Vol. 12, No. 3, 2022

**GUMANITARNYE NAUKI. VESTNIK FINANSOVOGO
UNIVERSITETA (HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES.
BULLETIN OF THE FINANCIAL UNIVERSITY)**

SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL

НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ
БИБЛИОТЕКА
LIBRARY.RU

elpub.

RePEc

ROAR

СОЦИОНЕТ

EBSCOhost

Google Scholar

OCLC WorldCat®

ВЫСШАЯ
АТТЕСТАЦИОННАЯ КОМИССИЯ (ВАК)
при Министерстве образования и науки Российской Федерации

CYBERLENINKA

DOAJ DIRECTORY OF
OPEN ACCESS
JOURNALS

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ШАТИЛОВ А.Б., кандидат политических наук, профессор, декан Факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ПЛЯЙС Я.А., доктор исторических наук, доктор политических наук, председатель Профессорского клуба Финансового университета, Москва, Россия

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Алексеев С.В., доктор исторических наук, профессор кафедры истории и исторического архивоведения Московского государственного института культуры, председатель Историко-просветительского общества «Радетель», Москва, Россия

Байчунь Ч., доктор философских наук, профессор Пекинского педагогического университета, директор Культурного центра китайско-российских отношений, Пекин, Китай

Белоконов С.Ю., кандидат политических наук, доцент, научный руководитель Факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Борисов Н.А., доктор политических наук, доцент, заведующий Кафедрой теоретической и прикладной политологии, начальник Управления по научной работе, РГГУ, Москва, Россия

Бродовская Е.В., доктор политических наук, профессор Департамента политологии ФСН и МК, директор Центра политических исследований, Финансовый университет, Москва, Россия

Долгополов Н.М., заместитель главного редактора «Российской газеты», член Союза журналистов РФ, член Союза писателей Москвы и Межрегионального союза писательских организаций, Москва, Россия

Елишев С.О., доктор социологических наук, профессор кафедры современной социологии Социологического факультета, МГУ, Москва, Россия

Зубец А.Н., доктор экономических наук, директор Центра социально-экономических исследований Финансового университета, Москва, Россия

Кафтан В.В., доктор философских наук, заместитель руководителя Департамента массовых коммуникаций ФСН и МК по научной работе, Финансовый университет, Москва, Россия

Лукьянов Ф.А., председатель Президиума Совета по внешней и оборонной политике (СВОП), главный редактор журнала «Россия в глобальной политике», Москва, Россия

Мацузато К., доктор права, профессор, Токийский университет, Токио, Япония

Мамедзаде И., доктор философских наук, профессор, директор Института философии, социологии и права НАН Азербайджана, Баку, Азербайджан

Маттес Й., профессор коммуникации, декан Факультета массовых коммуникаций Венского университета, Венский университет, Вена, Австрия

Мелешкина Е.Ю., доктор политической науки ИНИОН РАН, профессор кафедры сравнительной политологии, МГИМО(У) МИД РФ, Москва, Россия

Музашвили Д.З., кандидат философских наук, заместитель декана Факультета социальных наук и массовых коммуникаций по научной работе, Финансовый университет, Москва, Россия

Осипова Н.Г., доктор социологических наук, профессор, декан Социологического факультета, заведующая Кафедрой современной социологии Социологического факультета МГУ, Москва, Россия

Островский А.В., доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Института Дальнего Востока Российской академии наук (РАН), Москва, Россия

Полевая М.В., доктор экономических наук, доцент, руководитель Департамента психологии и развития человеческого капитала ФСН и МК, Финансовый университет, Москва, Россия

Расторгуев С.В., доктор политических наук, профессор Департамента политологии ФСН и МК, Финансовый университет, Москва, Россия

Силласте Г.Г., доктор философских наук, научный руководитель Департамента социологии ФСН и МК, Финансовый университет, Москва, Россия

Симонов К.В., кандидат политических наук, профессор, руководитель Департамента политологии ФСН и МК, Финансовый университет, Москва, Россия

Трюэль Ж.-Л., доктор экономических наук, консультант по развитию международных отношений в РФ и странах СНГ, вице-президент Ассоциации экономистов Le Cercle Kondratieff («Кружок Кондратьева»), профессор Университета Париж-12, Париж, Франция

Фёдоров В.В., кандидат политических наук, генеральный директор Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Москва, Россия

Цуй Чжэн. кандидат политических наук, доцент, заместитель директора Центра исследований экономики и политики стран с переходной экономикой Ляонинского университета, Шэньян, Китай

Цыганков П.А., доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, заместитель заведующего Кафедрой международных отношений и интеграционных процессов, МГУ, Москва, Россия

Шаповалов В.Л., кандидат исторических наук, заместитель директора Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет; доцент кафедры политологии, МПГУ; доцент кафедры сравнительной политологии, МГИМО МИД России, Москва, Россия

Шрейдер В.Ф., доктор политических наук, Депутат Государственной Думы VI–VII созыва

Уилкоккс К., доктор политических наук, заслуженный профессор кафедры управления Университета Джорджтаун, Вашингтон, США

Эскиндаров М.А., доктор экономических наук, профессор, Президент Финансового университета, Научный руководитель, Финансовый университет, Москва, Россия

Южно А.С., кандидат юридических наук, заместитель руководителя Аппарата по взаимодействию с органами государственной власти и правовым вопросам Общественной палаты Российской Федерации, Директор программы Executive MPA, ИГСУ РАНХиГС, Москва, Россия

EDITOR-IN-CHIEF

SHATILOV A.B., Cand. of Political Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

PLYAYS YA.A., D. Sc. of History, Doctor of Political Sciences, Chairman of the Professors' Club of the Financial University, Moscow, Russia

MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD

Alekseev S.V., D. Sc. of History, Professor at the Department of History and Historical Archival Studies of the Moscow State Institute of Culture, Chairman of the Historical and Educational Society "Radetel", Moscow, Russia

Baichun Ch., D. Sc. of Philosophy, Professor, Beijing Normal University, Director of the Cultural Center for Sino-Russian Relations, Beijing, China

Belokonev S.Yu., Cand. of Political Sciences, Associate Professor, Academic Supervisor of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

Borisov N.A., D. Sc. of Political Science, Associate Professor, Head of the Department of Theoretical and Applied Political Science, Head of the Research Department, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Brodovskaya E.V., D. Sc. of Political Science, Professor, Department of Politology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Director of the Center for Political Studies, Financial University, Moscow, Russia

Dolgopolov N.M., Deputy Editor-in-Chief of Rossiyskaya Gazeta, member of the Journalists' Union of the Russian Federation, member of the Writers' Union of Moscow and the Interregional Union of Writers' Organizations, Moscow, Russia

Elishev S.O., D. Sc. of Sociology, Professor, Department of Modern Sociology, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Zubets A.N., D. Sc. in Economics, Director of the Center for Socio-Economic Research of the Financial University, Moscow, Russia

Kaftan V.V., D. Sc. of Philosophy, Deputy Head for Research of the Department of Mass Communications, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

Lukyanov F.A., Chairman of the Presidium of the Council on Foreign and Defense Policy (SVOP), Editor-in-Chief of "Russia in Global Affairs" magazine, Moscow, Russia

Matsuzato K., D. Sc. of Laws, Professor, University of Tokyo, Tokyo, Japan

Mammadzade I., D. Sc. of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Philosophy, Sociology and Law of the National Academy of Sciences of Azerbaijan, Baku, Azerbaijan

Matthes J., D. Sc. of Political Sciences, Professor of Communication Science, Chair of the Department of Communication, University of Vienna, Vienna, Austria

Meleshkina E.Yu., D. Sc. of Political Sciences, Head of the Department of Political Sciences, INION RAS, Professor of the Department of Comparative Political Sciences, MGIMO(U) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia

Muzashvili D.Z., Cand. of Philosophical Sciences, Deputy Dean for Research of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

Osipova N.G., D. Sc. of Sociology, Professor, Dean of the Faculty of Sociology, Head of the Department of Modern Sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Ostrovsky A.V., D. Sc. in Economics, Professor, Deputy Director of the Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences (RAS), Moscow, Russia

Polevaya M.V., D. Sc. in Economics, Associate Professor, Head of the Department of Psychology and Human Capital Development, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

Rastorguev S.V., D. Sc. of Political Science, Professor, Department of Politology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

Sillaste G.G., D. Sc. of Philosophical Sciences, Scientific Supervisor of the Department of Sociology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

Simonov K.V., Cand. of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Politology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

Truel J.-L., D. Sc. in Economics, Consultant on the development of international relations in the Russian Federation and the CIS countries, Vice-President of the Association of Economists Le Cercle Kondratieff ("Kondratieff Circle"), Professor at the Paris-12 University, Paris, France

Fedorov V.V., Cand. of Political Sciences, General Director of the All-Russian Public Opinion Research Center (VTsIOM), Moscow, Russia

Cui Zheng, Cand. of Political Sciences, Associate Professor, Deputy Director of the Center for Economics and Policy Studies of Countries in Transition, Liaoning University, Shenyang, China

Tsygankov P.A., D. Sc. of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Deputy Head of the Department of International Relations and Integration Processes, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Shapovalov V.L., Cand. of Historical Sciences, Deputy Director of the Institute of History and Politics, Moscow State Pedagogical University; Associate Professor, Department of Politology, Moscow State Pedagogical University; Associate Professor, Department of Comparative Politology, MGIMO MFA of Russia, Moscow, Russia

Shreider V.F., D. Sc. of Political Sciences, Deputy of the State Duma of the VI-VII convocation

Wilcox K., D. Sc. of Political Sciences, Distinguished Professor at the Department of Government, Georgetown University, Washington, USA

Eskindarov M.A., D. Sc. in Economics, Professor, President and Scientific Chairman of the Financial University, Financial University, Moscow, Russia

Yukhno A.S., Cand. Sci. of Law, Deputy Head of the Apparatus for Interaction with Government Authorities and Legal Affairs at the Civic Chamber of the Russian Federation, Director of the Executive MPA Program, IGSU RANEPa, Moscow, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМА НОМЕРА:

АНАЛИТИЧЕСКОЕ И PR-СОПРОВОЖДЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКИ И БИЗНЕСА

<i>Деникин А.В., Деникина З.Д.</i> Роль коммуникативного подхода в современном социально-гуманитарном знании.	6
<i>Шатилов А.Б.</i> Аналитическое сопровождение специальной военной операции России: опыт первого этапа	16
<i>Курбанова К.М.</i> Типология позиционирования и управленческого стиля «новых губернаторов» в РФ в 2017–2022 гг.	22
<i>Горшкова Е.Д.</i> Особенности рекламной коммуникации на рынке биологически активных добавок.	26
<i>Кармова М.Р., Максимова О.И.</i> Межкультурная коммуникация: путь к солидарности между этническими сообществами	30

ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ

<i>Рафикова К.Ф.</i> Социологические исследования в цифровую эпоху: формирование базы знаний вычислительной социологии	36
<i>Теплякова М.Ю., Хабиб М.Д., Ларионова Е.И.</i> Статистическая оценка состояния кадрового потенциала в российской науке	41
<i>Каримов Ш.И., Кисляков А.С.</i> Геополитическое взаимодействие России со странами Закавказья на рубеже XX–XXI веков	52
<i>Зубец А.Н., Хоконов А.А.</i> Качество жизни, протестная активность населения и проблемы обеспечения национальной безопасности России	57
<i>Крутаков Л.В.</i> О политической природе «рыночного доминирования» в энергетической сфере (кризис 2008 года)	65
<i>Короткова М.Н.</i> Социальная политика государства в системе здравоохранения: возрождение модели Семашко	74

АКТУАЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Чепель С.Л.</i> Экономическое голосование как фактор электоральной подвижности в РФ (на примере регионов Центрального федерального округа)	81
<i>Рябчикова Л.Н.</i> К вопросу о значении советского концессионного опыта для современной России.	89
<i>Пилипенко А.Д.</i> Роль СО НКО в формировании основ новой гражданственности в России.	95

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

<i>Шапкин И.Н.</i> От средневекового к современному университету: этапы развития и концептуальные решения.	102
<i>Ганина Е.В., Полякова Р.И., Матвеев В.Э.</i> Обучение китайских студентов русской политической речи	110
<i>Махаматов Т.Т.</i> Высшее образование в Китае и России: сравнительный духовно-ценностный аспект	117
<i>Пономарева А.В., Яковлева Е.Н.</i> Особенности обучения английскому языку студентов поколения Z в неязыковом вузе (на примере студентов, обучающихся по направлению «Реклама и связи с общественностью»)	123
<i>Кондрахина Н.Г., Петрова О.Н., Староверова Н.П.</i> Особенности индивидуализации обучения иностранному языку в неязыковом вузе.	130

СТАРТАП МОЛОДОГО УЧЕНОГО

<i>Ульянов Д.В.</i> Анализ социального конструкционизма на примере Франкфуртской школы	137
<i>Кудрина Ю.А., Печенкин Н.М., Косарева А.А.</i> Политическое участие молодежи на выборах в Государственную Думу в 2021 году: ценностные установки, электоральные предпочтения и политическое поведение.	142

CONTENTS

COVER STORY:

ANALYTICAL AND PR SUPPORT OF MODERN POLITICS AND BUSINESS

- Denikin A.V., Denikina Z.D.** The Role of the Communicative Approach in Modern Social and Humanitarian Knowledge.6
- Shatilov A.B.** Analytical Support of the Special Military Operation of Russia: Experience of the First Stage16
- Kurbanova K.M.** Typology of Positioning and Management Style of “New Governors” in the Russian Federation in 2017–202222
- Gorshkova E.D.** Features of Advertising Communication in the Market of Biologically Active Additives26
- Karmova M.R., Maksimova O.I.** Intercultural Communication: The Road to Solidarity Between Ethnic Communities30

FUNDAMENTAL SCIENTIFIC KNOWLEDGE

- Rafikova K.F.** Sociological Research in the Digital Age: Forming the Knowledge Base of Computational Sociology36
- Teplyakova M. Yu., Khabib M.D., Larionova E.I.** Statistical Assessment of the State of Human Resources in Russian Science.41
- Karimov Sh.I., Kislyakov A.S.** Geopolitical Interaction of Russia with the Countries of Transcaucasia at the Turn of the 20th – 21st Centuries52
- Zubets A.N., Hokonov A.A.** Quality of Life, Protest Activity of the Population and Problems of Ensuring the National Security of Russia57
- Krutakov L.V.** On the Political Nature of “Market Domination” in the Energy Sector (the 2008 Crisis)65
- Korotkova M.N.** Social Policy of the State in the Healthcare System: The Revival of the Semashko Model.74

CURRENT SOCIO-POLITICAL RESEARCH

- Chepel S.L.** Economic Voting as a Factor of Electoral Volatility in Russian Federation (on the example of regions of the Central Federal District)81
- Ryabchikova L.N.** To the Question of the Significance of the Soviet Concession Experience for Modern Russia89
- Pilipenko A.D.** The Role of Social-oriented NPOs in Shaping the Foundations of a New Citizenship in Russia95

PEDAGOGICAL PRACTICES: HISTORY AND MODERNITY

- Shapkin I.N.** From Medieval to Modern University: Stages of Development and Conceptual Solutions.102
- Ganina E.V., Polyakova R.I., Matveenko V.E.** Teaching Chinese Students to the Russian Political Speech110
- Makhamatov T.T.** Higher Education in China and Russia: Comparative Spiritual and Value Aspect117
- Ponomareva A.V., Yakovleva E.N.** Specific Features of Teaching Generation Z English in a Non-linguistic University (Based on the Example of Students Majoring in Public Relations).123
- Kondrakhina N.G., Petrova O.N., Staroverova N.P.** Features of Individualization of Teaching a Foreign Language in a Non-linguistic University130

STARTUP OF YOUNG RESEARCHER

- Ulianov D.V.** Analysis of Social Constructionism on the Example of the Frankfurt School.137
- Kudrina Yu.A., Pechenkin N.M., Kosareva A.A.** Political Participation of Youth in the State Duma Elections in 2021: Value Attitudes, Electoral Preferences and Political Behaviour142

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ.
ВЕСТНИК ФИНАНСОВОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Международный
научно-практический журнал
Том 12, № 3 (57), 2022

Главный редактор –
А.Б. Шатилов
Заведующий редакцией
научных журналов –
В.А. Шадрин
Выпускающий редактор –
Ю.М. Анютин
Корректор – **С.Ф. Михайлова**
Верстка – **С.М. Ветров**
Переводчик – **З.Э. Межва**

Адрес редакции:
125993, Москва, ГСП-3,
Ленинградский пр-т, 53, к. 5.6
Тел.: **8 (499) 553-10-74**
(вн. 10-88)

E-mail: julia.an@mail.ru
<http://www.fa.ru/dep/jgn/about/Pages/default.aspx>

Оформление подписки
в редакции
по тел.: **8 (499) 553-10-71**
(вн. 10-80)
e-mail: sfmihajlova@fa.ru
С.Ф. Михайлова

Подписано в печать 15.07.2022
Формат 60 x 84 1/8.
Объем 17,44 усл. п. л.
Заказ № 682
Отпечатано в Отделе
полиграфии

Финансового университета
(Ленинградский пр-т, д. 51)
© Финансовый университет

Editor-in-Chief – **A.B. Shatilov**
Head of Scientific Journals
Editorial Department –
V.A. Shadrin
Managing editor –
Yu.M. Anyutina
Proofreader – **S.F. Mihaylova**
Design, make up – **S.M. Vetrov**
Translator – **Z. Mierzwa**

Editorial address:
53, Leningradsky prospekt, office 5.6
Moscow, 125993
tel.: **+7 (499) 553-10-74**
(internal 10-88)

E-mail: julia.an@mail.ru
<http://www.fa.ru/dep/jgn/about/Pages/default.aspx>

Subscription in editorial office
tel.: **+7 (499) 553-10-71**
(internal 10-80)
e-mail: sfmihajlova@fa.ru

Signed for press on 15.07.2022
Format 60 x 84 1/8.
Size 17,44 printer sheets.
Order № 682
Printed by Publishing House
of the Financial University
(51, Leningradsky prospekt)
© Financial University

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-3-6-15
УДК 141.132(045)

Роль коммуникативного подхода в современном социально-гуманитарном знании

А.В. Деникин, З.Д. Деникина
Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются онтологические и гносеологические основания коммуникативных взглядов с позиций различения типов научной рациональности. Методологическую основу анализа составляет дифференциация трех типов рациональности. Исследование базируется также на компаративистском подходе. При проведении исследования использовался методологический прием градации системного анализа. Авторы приходят к выводу, что современный эпистемологический статус коммуникативного подхода связан с тремя аспектами социального бытия: системностью, рациональностью и коммуникативностью. Переход от сильнонеравновесных состояний к устойчивому социальному развитию предполагает социальную значимость коммуникаций, их подлинность и осуществление рациональности через системные механизмы. Коммуникативный подход выступает в форме интегральной коммуникативной концепции, вида системного анализа. Метатеоретический статус коммуникативного подхода определяется его выраженными системными ресурсами.

Ключевые слова: коммуникативный подход; интегральная коммуникативная концепция; метаабстракция; социальная система; системный подход; коммуникативная рациональность; системная рациональность; интерсубъективность

Для цитирования: Деникин А.В., Деникина З.Д. Роль коммуникативного подхода в современном социально-гуманитарном знании. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(3):6-15. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-3-6-15

ORIGINAL PAPER

The Role of the Communicative Approach in Modern Social and Humanitarian Knowledge

A.V. Denikin, Z.D. Denikina
Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

We consider the ontological and epistemological foundations of communicative views from the standpoint of distinguishing the types of scientific rationality. The methodological basis of the analysis is the differentiation of three types of rationality. The study is also based on a comparative approach. When conducting the research, we used the methodological technique of gradation of system analysis. The modern epistemological status of the communicative approach is associated with three aspects of social existence: consistency, rationality, and communicativeness. The transition from strongly non-equilibrium states to sustainable social development presupposes the social significance of communications, their authenticity, and the implementation of rationality through systemic mechanisms. The communicative approach takes the form of an integral communicative concept, a type of system analysis. the meta-theoretical status of the communicative approach is determined by its expressed system resources.

Keywords: communicative approach; integral communicative concept; meta-abstraction; social system; systemic approach; communicative rationality; systemic rationality; intersubjectivity

For citation: Denikin A.V., Denikina Z.D. The role of the communicative approach in modern social and humanitarian knowledge. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of Financial University*. 2022;12(3):6-15. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-3-6-15

Вопрос о специфике коммуникативного подхода относится к числу актуальных проблем современной социальной философии. По меньшей мере, пять исследовательских позиций получили широкое распространение. Согласно одной из них коммуникативный подход является внутридисциплинарным способом описания политических, правовых, лингвистических и других феноменов [23, 14, 20–22, 4]. В данной точке зрения акцентируется конструктивная природа социальных процессов.

Во втором случае коммуникативный подход выступает в роли онтологической концепции. Социальная коммуникация становится предметом рассмотрения в персонализме, герменевтике, постпозитивизме, экзистенциализме и других философских направлениях [10]. В третьем варианте коммуникативный подход определяется в качестве гносеолого-онтологического параметра теории рациональности [18].

Согласно четвертой точке зрения коммуникативный подход анализируется в качестве онто-гносеологического параметра теории систем [5]. (Терминологическая классификация третьей и четвертой исследовательских позиций предложена авторами статьи).

В пятом случае коммуникативный подход к социальному бытию расширяется до масштабов признания коммуникации в качестве атрибутивного свойства бытия вообще, способа связи объектов материального и духовного мира [24]. Такое понимание коммуникативности затрудняет ее эпистемологическую экспликацию. Зачастую феномен коммуникативности служит основанием объяснения многочисленных социальных процессов. При размытости базового понятия сокращается аналитический потенциал предлагаемых концепций. Так, например, при отождествлении понятий движения, развития, взаимодействия, коммуникации исследователь может «деформировать» неклассическую предметную сферу, привнося туда классический способ анализа с его устоявшимся категориальным арсеналом.

В некоторых исследованиях предлагается информационная трактовка коммуникативности [19, 12, 13]. В случае полного отождествления понятий информации и коммуникации возможно появление релятивистского эффекта. Как известно, понятие информации — одно из самых проблемных в плане определения его логического объема. В результате одно недостаточно эксплицированное понятие определяется через другое.

При выявлении метатеоретического статуса коммуникативного подхода ключевой момент заключается в признании intersubjectивности социального мира и определении роли коммуникативных процессов в становлении равновесной социальности. В настоящее время складываются предпосылки для уточнения метатеоретических функций коммуникативного подхода, связанные с взаимопроникновением установок философии — науки и социальной философии. Речь идет об анализе метатеоретической роли коммуникаций в границах системного подхода. В этом контексте коммуникативный подход выступает способом системного холизма.

В данном исследовании нас будет интересовать четвертая исследовательская позиция.

Цель исследования — уточнить эпистемологический статус коммуникативного подхода к социальной реальности.

Основные задачи — сравнить содержание концепта «коммуникативный подход» в различных парадигмах социально-философского знания: классической, неклассической и постнеклассической.

Определение роли коммуникативного подхода связано с достижениями философско-научного знания, в частности с различиями трех типов научной рациональности [16]. Такой методологический интервал рассмотрения задает критерий гносеологических и онтологических представлений. Во-первых, предполагается, что коммуникативность не принадлежит к разряду атрибутивных природных свойств, таких как движение и развитие. Во-вторых, коммуникативность понимаемая в аспекте рациональности, может быть утрачена, и для ее восстановления необходимы специальные субъектные и системные усилия. В-третьих, бытие коммуникативности имеет многоуровневую природу: микроуровень, макроуровень и мегауровень. В-четвертых, рациональность может быть не только коммуникативной, равно как и коммуникативность может быть нерациональной. В таком случае коммуникативные процессы служат эмпирическим фоном для выявления социальных тенденций. Соответственно, в онтологическом и гносеологическом планах коммуникации вторичны по отношению к общению, функциональному взаимодействию, социальному действию и т.д.

Различение типов научной рациональности составляет методологическую базу для исследования природы коммуникаций. Каждому типу

рациональности свойственны свой онтологический профиль и представления о реальности. Теоретико-познавательные средства соответствуют данному стилю мышления и не дублируются за его границами. Такой методологический прием не имеет ничего общего с концептуальным произволом или навязыванием эпистемологических схем. Как убедительно показал академик В. Степин, в данной методологической позиции воспроизводится естественная эволюция научного знания.

Выдвинем гипотезу о том, что диспозиция — коммуникация, рациональность и системность — является исходной единицей анализа не только равновесных, но и неустойчивых состояний социального бытия. Коммуникации приобретают социальную значимость, подлинность, а рациональность осуществляется через определенные системные механизмы.

С эпистемологических позиций можно предположить, что понятие коммуникации — дитя неклассического социально-гуманитарного знания. У него нет классического *детерминационного* оттенка, присущего понятию «общественные отношения». Последние использовались в марксистской социальной философии для презентации диалектики основы и обоснованного, причины и следствия. В классическом мышлении понятие общественных отношений обслуживает мир социальных сущностей, не теряющих основные признаки-свойства, а закономерно их воспроизводящих.

Наличие данной абстракции в социальной теории способствует приоритету объяснительных схем реализма. Классическое мышление — это, прежде всего, рассуждение об общем как закономерном. Общественные отношения определенного типа формируют общее и гарантируют его бытие в качестве целого, выражая полноту проявления сущности и универсальные механизмы общественной жизни.

В классическом социальном знании марксистского толка предполагается объективация общественных отношений. Производственные отношения составляют суть социальной материальности, в которых выражается объективная обусловленность социальных феноменов. Субъектная нагрузка понятия отношений практически не определена. Термин «отношения» в категориально-понятийном аппарате социальной философии функционирует вне рамок субъектного и субъективного прочтения общественной жизни.

Для нейтрализации антисубъектной нагрузки общественных отношений в отечественной философии с 90-х гг. XX в. применяется термин «общение». В качестве коррелята межличностного диалога он играет роль субъективации объективных механизмов общественной жизни и является предвестником неклассического анализа [9].

Коммуникации понимаются как вид субъектных взаимодействий, один из механизмов общезначимого *существования* социальной жизни. Неклассические понятийные средства еще удерживают онтологическую взаимосвязь общего и единичного, целого и части, социума и индивида, однако она утрачивает диалектический контекст. В силу признания многомерности бытия часть становится целым, единичное — общим в рамках множественных форм выражения единого. Предметно-вещное объяснение общественной жизни уступает место процессуальной социальности. Основной онтологический тезис заключается в признании объективного различия существующих форм и целесообразности их согласования.

Коммуникативные процессы не тождественны *функциональным взаимосвязям*, приобретающим роль системного средства и системного понятия, отражающего *объективное* бытие социальной структуры, социального макроуровня. Понятие же «коммуникация» в качестве субъектно-субъектного взаимодействия релевантно для описания личностно-психологических и межличностных состояний социального микроуровня и коллективного сознания макроуровня [3, 15]. Подобное понимание характерно, например, для микросоциологической концепции Дж. Мида. Мид анализирует разные формы коммуникации с эволюционной точки зрения, оставаясь в рамках антропологической концепции. Механизм коммуникативного действия у человека остается одним и тем же: «принятие установки другого». Для Мида тема становления внутреннего мира индивида первична, межличностные отношения должны регулироваться легитимно. «Индивид (person) является индивидуальностью (personality) постольку, поскольку перенимает в своем собственном поведении установления этого сообщества» [8]. В этом плане коммуникации аккумулируют в себе внутригрупповое бытие, становление его идентичности и целостности.

Понятие коммуникации, находящееся на «задворках» классической философии, играет ключевую роль в современном социально-гу-

манитарном знании. С целью демонстрации данного обстоятельства проследим некоторые смысловые линии. Ревизия онтологических и гносеологических оснований имеет несколько контекстов, в каждом из которых востребовано понятие коммуникации. Неклассическая трактовка субъективности задает онтологический диапазон коммуникативным действиям. Субъективное нельзя элиминировать из реальности, мир является сознанию субъекта. Складывается реестр интенциональных феноменов, и необходимы дополнительные усилия по фиксации множественности онтологий и описаний, поиску их возможного сближения. Классическая трансцендентальная субъектность замещается коммуникативной общностью, понимаемой как интерсубъективность. Онтологическая ситуация отягощается моментом «непроницаемости» одного субъекта для другого. Появляется шлейф нерациональности субъективного, социальные следствия которого нейтрализуются в рамках коммуникативной рациональности.

Неклассическое социальное знание постулирует рациональность общественной жизни различного толка. В понимающей социологии М. Вебера социальное действие считается рациональным при известных условиях, включающих ценности протестантизма, наличие бюрократии и т.д. *Социальное действие* онтологически поглощает коммуникативные процессы, в нем присутствуют личностная мотивация и предполагаемый образ будущего результата. Рациональность определяется Вебером «в смысле логической или телеологической “последовательности” какой-либо интеллектуально-теоретической или практически-этической позиции» [2]. Как видим, в этом случае еще нет эпистемологической нужды в активации понятия «коммуникативность».

В структурно-функциональной онтологии Т. Парсонса также предполагается существование рационального системного бытия, способного к адаптациям. Объяснительная схема социального бытия по Парсонсу: рациональность без коммуникации и системность без субъекта. Парсонс придерживается неклассической идеи многомерности сущностных признаков, констатируя факт дифференциации общества, роста его сложности. Системный анализ распространяется на функционально-специализированные подсистемы, поэтому общество рассматривается как система социальных взаимодействий, а не коммуникаций:

- Социетальное сообщество: основная функция — интеграция.
- Воспроизводство образца или фидуциарная подсистема: основная функция — воспроизводство образца.
- Политика: основная функция — целедостижение.
- Экономика: основная функция — адаптация [11].

У Парсонса нет абстракции значимости, ценности, и сама система как структура вовсе не субъектна. Более того, еще не актуальна проблема ее подлинности, поскольку решается задача правильности функционирования, адаптации к среде. Этим объясняется невостребованность коммуникативного подхода, хотя в достаточной степени задействованы принципы холизма и структурно-функциональной рациональности.

Номиналистическая позиция Вебера и структурно-функциональные взгляды Парсонса, казалось бы, «закрывают» поле рассмотрения социальной жизни. Тем не менее в эволюции социального знания все более ощущается потребность в консолидации коммуникативных идей и оформлении статуса коммуникативной рациональности. Становится понятным, что целерациональные действия индивида (М. Вебер) во многом зависят от внешних устойчивых факторов. Парсонс вообще выносит ценностные условия за рамки рассмотрения, полагаясь на функциональный потенциал общества. В том и другом случае социальная рациональность подразумевается как само собой разумеющееся, имеющее долгосрочный характер.

На необходимость непосредственной регуляции социальной рациональности указывает Ю. Хабермас. Схема рассмотрения социального бытия по Хабермасу: рациональность и коммуникативность. Коммуникативный подход служит автономным способом описания «текучей» общественно-политической жизни и необходимости ее дискурсивной «остановки». Теперь коммуникативный понятийный каркас первичен по отношению к другим деятельностным параметрам социального. Коммуникативный подход оказывается именно *подходом*, когерентным представлением об общественной жизни, в которой время от времени нейтрализуются риски неопределенности. Социальность соткана из субъектно-субъектных и субъектно-объектных взаимосвязей, функционирующих в двойственном режиме — в рамках сложившихся условий и в ди-

скурсивных границах перманентно возникающих, интерактивно устанавливаемых правил.

С одной стороны, коммуникативная практика локализуется в повседневности, в многочисленных формах своего выражения. С другой стороны, она является видом дискурса, претендующего на формально-конвенциональную универсальность. В таких дискуссиях субъектный, ценностный плюрализм снимается в итогах интересубъективной рефлексии.

По Хабермасу, коммуникативный подход относится к числу гносеологических средств, пригодных для историко-социального познания. Хабермас создает модель понимания рациональной общественной жизни. Коммуникативный подход становится одновременно видом онтологического описания, наподобие идеального типа у Вебера. Субъектом познания выступает общественность, а социальные действия в ходе практического дискурса образуют возможности «дорационализации», выработки правил социального взаимодействия. В практическом дискурсе сосуществуют и проявляются формальные и ценностные характеристики коммуникации.

Хабермас придерживается гносеолого-онтологической версии коммуникативной рациональности. Он начинает с коммуникативных действий, которые погружаются в когнитивное поле. «Когда мы используем выражение «рациональное», мы полагаем, что существует тесное отношение между рациональностью и знанием. Наше знание имеет структуру суждения; мнения могут быть представлены в форме утверждений» [17, с. 8].

Мозаичная модель реальности у разных авторов существенно изменяется в ходе дискурса, посредством которого «различные участники преодолевают свои чисто субъективные мнения и, благодаря общности рационально мотивированного мнения, получают уверенность как в единстве объективного мира, так и в интересубъективной связанности своего жизненного мира» [17, с. 10].

Так социальная наука продвигается от изучения социального должноствования к ценностно-нормативному бытию. По Хабермасу, коммуникативный подход является способом институционального видения социально-политической жизни. Коммуникации образуют нормативно-смысловую структуру, в которой локализуется рациональность как способ линейного мышления в условиях бесконечного дискурса. В этом смысле

интерсубъективность несет на себе печать трансцендентализма, а социальное бытие выступает в форме «Мы». Правильно выстроенные коммуникации конституируют рационально общее, институционально однородный мир смыслов.

Учение Хабермаса — вершина коммуникативного подхода в неклассической парадигме с ее абсолютизацией диалоговых отношений, множественностью онтологических и ценностных форм, вниманием к конвенциональной детерминации. Хабермас говорит не столько о рациональных коммуникациях, сколько о коммуникативной рациональности. Его волнует проблема подлинного бытия не в смысле истинности, а в смысле значимости для различных субъектов. Определение подлинности (рациональности) требует актов коллективной рефлексии. Этим объясняется интересубъективный способ познания (понимания) социального мира.

Двойственность существования общественной жизни учитывается в способе обеспечения максимальной рационализации разнородного личностного и общественного сознания. Неклассическая социальная онтология предполагает имманентную разнокачественность целостностей, которые даже фактом своего существования демонтируют предзаданную однородность и однотипность общественной жизни. Влечет ли за собой подобный демонтаж нарастание рисков и неопределенности? И да, и нет — проблема заключается в установлении режима согласованного существования социокультурных и социоисторических субъектов, который для неклассической онтологии ценностно предпочтителен и рационален. Субъектное разнообразие само по себе не приводит к стратегической неустойчивости социального бытия, подобные абстракции чужды неклассическому социальному мышлению. Вопросы об истинности бытия компонентов социального множества бессмысленны, сами по себе их наличные признаки гарантируют подлинность реальности.

Проблема заключается в другом: как взаимодействуют данные компоненты внутри одной системы? Может ли их взаимодействие быть неподлинным? Может ли взаимодействие быть подлинным, но *не системным*? Ответы на эти вопросы содержатся в коммуникативной трактовке реальности, предложенной Н. Луманом.

При сопоставлении коммуникативных взглядов Хабермаса и Лумана четко прослеживается линия демаркации неклассического и постне-

классического социального знания. Неклассические основания социальности связаны с идеей взаимодополнительности разных целостностей, т.е. с онтологией *общего*. Соответственно, коммуникативный подход, во-первых, приобретает холистскую окраску, а во-вторых, занимает свое место в семействе средств социального описания. По методологической «силе» коммуникативный подход однотипен с герменевтическим, феноменологическим, структурно-функциональным и др. По сути дела, каждый исследовательский подход концептуально фиксирует динамику и статику социума.

Коммуникативные представления существенным образом трансформируются в постнеклассическом социальном знании. Они применяются при описании сверхсложных состояний, осмыслении ситуаций влияния или невлияния системы и внешней среды. Для построения модели социума Хабермасу было достаточно соединить две линии анализа: рациональность и коммуникативность. Обновление практических дискурсов не предполагает идеи обязательного отграничения системы от внешней среды, поскольку дискурсивные смыслы сами и задают системность как текущую структурность, совпадающую с рациональной средой. В лумановской социальной модели апробируются три онтологических сюжета: системный коммуникативный и рациональный. Н. Луман выдвигает тезис о коммуникативной природе системы на первый план. В социальной системе осуществляется поток событий, операций, присутствует содержательное разнообразие внутри системного единства. Коммуникации транслируют системный смысл синхронно и диахронно в любые компоненты системы, обеспечивая появление новых операций и событий в едином системном поле. Коммуникации выступают способом системной взаимосвязи, в которой проявляется системная детерминация. Каждая подсистема (культура, экономика, политика, право, образование и т.д.) является сущностью (в духе Аристотеля), обладая неизменными признаками. Рациональность предстает как сохранение кода системы. Мир системного бытия должен быть рациональным, псевдокоммуникации не приводят к соответствию системных целей и средств.

Рациональность выражается также в способности системы к внутреннему наблюдению. Рефлексия — это даже не функция, функцию можно заменить — это атрибут системного бытия. Саморефлексия совпадает с системным смысло-

образованием. Таким образом, в широком смысле коммуникации включают действие и познание самореферентов, т.е. коммуникации являются средством системной самоорганизации.

В размышлениях Лумана о природе социальных систем коммуникативный инструментарий выполняет функцию построения новой эссенциалистской онтологии, в которой межсубъектные взаимодействия выносятся за скобки. Социальная система, по Луману, обладает нестационарной, подвижной сущностью, отграничивающей ее от других систем. Коммуникативные процессы внутри системы служат индикатором *подлинности* ее сущностных признаков, в противном случае она бы не состоялась.

Луман допускает существование неравновесных состояний общественной жизни — как системы, так и среды, но, в отличие от синергетики, им не присваивается статус базовой реальности. По аналогии с неклассическими установками: «Я-Чужой» и «Я-Другой» можно утверждать, что Луман фиксирует проблему видимости и кажимости, системного псевдобытия. Согласно синергетике любая становящаяся структура имеет право на существование, по Луману же, система не должна функционировать в режиме «Чужого» или «Другого». Системная рациональность совпадает со способностью системы к самореференции, столь необходимой для онтологии целого. В этом смысле коммуникативный подход встраивается в концепцию *системности*, приобретающей статус междисциплинарной картины мира.

Проблема подлинности решается через процедуру отграничения системы от среды. Ее самоорганизация происходит согласно внутреннему коду, сходно, по сути дела, с системной детерминацией. Система субъектна, она отслеживает свои состояния, редуцируя сложность во взаимосвязи с другими системами и средой. Устранение неопределенностей влечет за собой сохранение целого, системного холизма и воспроизводства системной *значимости*. Любые необратимые события и операции, происходящие в системе, должны находиться в кодовых рамках этой значимости. Благодаря коммуникациям циркулируют внутрисистемные смыслы, которые и делают систему подлинной, а значит, и рациональной.

В каком смысле в учении Лумана коммуникативный подход получает онто-гносеологическую окраску? Системный анализ выходит на новый уровень. Луман обращается к системам, способным поддерживать свою автономию и единство

посредством собственных операций. «Социальная система состоит из имеющих значение коммуникаций — только из коммуникаций и из всех коммуникаций» [6].

Система может рефлексировать возможные изменения во внешнем окружении, но, самое главное, — она создает свой образ реальности. И эта модель встраивается в коммуникации [7]. Иначе говоря, системная рациональность является продуктом самой системы коммуникаций. Возможно, радикальный тезис об автономии социальных систем был связан, в том числе, с попыткой сохранения кодовой подлинности и настроенным отношением к сверхсложным, неопределенным состояниям.

Вклад Лумана в теорию систем и в теорию коммуникаций заключается в определении способа существования целого в условиях чрезвычайной сложности и относительного порядка в «средовом бытии». В этом случае коммуникативный подход органично вплетается в системные представления и выступает важнейшим параметром онтологии системности. Понятие коммуникации включается в категориальный аппарат *системного* подхода в его постнеклассическом понимании. Эпистемологическое решение Лумана выглядит следующим образом. Он избавляется от инфинитной трактовки коммуникативной рациональности, свойственной концепции Хабермаса. Благодаря коммуникациям рациональность должна стать непрерывной, постоянно конституируемой внутри системного бытия. Системная рациональность способна нейтрализовать средовые «шумы». В то же время проблема взаимосвязи системы и среды в условиях сильной неравновесности еще не была предметом специального лумановского анализа. В дальнейшей эволюции социального знания она выносится на повестку дня.

Включение коммуникативного подхода в каркас неклассического и постнеклассического социального знания позволяет определить градации этой метаабстракции. По-видимому, в настоящее время коммуникативный подход не однопорядковый с феноменологическим, герменевтическим и другими подходами, выступающими в роли исследовательских программ. Коммуникативный подход обнаруживается в содержательном «теле» феноменологии, семиотики, логики, герменевтики и т.д. [1]. С другой стороны, коммуникативный подход вряд ли ассоциируется с философско-научными парадигмами, классификация которых в предельном значении была представлена В. Сте-

пиним. Коммуникативный подход выступает метаабстракцией в понятийно-категориальном аппарате только современного социально-гуманитарного знания. В любых вариантах, в концептуальных конструкциях различных школ и направлений он несет на себе нагрузку системного онтологического принципа, как в свое время это делали понятия «практика», «деятельность», «диалог» и т.д. Метатеоретичность данного понятия выражается в его холистическом содержании. Коммуникации образуют подвижную нормативную структуру социальной жизни. С другой стороны, без коммуникации невозможны существенные константы социальной системы.

Метатеоретичность данного понятия выражается также в его смыкании с идеалом рациональности. В современном значении подлинность элементов коммуникативного процесса гарантирует его рациональные последствия. Метатеоретический статус коммуникативного подхода определяется его выраженными системными ресурсами. С помощью коммуникации поддерживаются системные смыслы и значения.

Трансформация коммуникативных взглядов совпадает с эволюцией социального познания. Коммуникативные идеи возникли в лоне социологического номинализма, интерсубъективного холизма, теории аутопойезиса. В каждом случае с помощью коммуникативного подхода решались специфические задачи. Одно оставалось неизменным: кратное повышение роли коммуникативных идей при постановке целей рационального бытия.

В современных социальных условиях стратегической нестабильности коммуникативный подход, как и системный анализ, приобретает новое звучание. Переход к устойчивому развитию может быть эксплицирован с помощью специальных метатеоретических средств: коммуникативного и системного подходов, трактуемых в аспекте достижимого рационального бытия. При экстраполяции взглядов Лумана на мегауровень, природно-социальное бытие человечества обнаруживается ценностный характер системной рациональности. В аспекте должного выявляется аксиологическая природа коммуникаций. Неклассическое мышление зачастую выносило ценности за онтологические «скобки». Действительно, за ценностями закрепились способность «тиражирования» множественности, преодоления унификации разнокачественного мира. Как утверждает неклассическая наука,

функции и правила могут удерживать системность при условии возобновляемости социальных коммуникаций по поводу согласованного существования.

В постнеклассической науке коммуникативный подход постепенно приобретает черты интегральной коммуникативной концепции, вида системного анализа. Существование природно-социального бытия в качестве экосистемы предполагает наличие аксиологического кода. Выражаясь языком Лумана, функциональная значимость коммуникаций определяется их

ценностно-системной значимостью. В противном случае возможны любые апокалипсические сценарии.

Таким образом, коммуникативный подход по-прежнему выступает методологическим средством межсубъектного диалога, взаимодополнительным в отношении теории рациональности. Одновременно в условиях деглобализации коммуникативный подход все больше играет роль системной онтологической концепции, презентующей устойчивые тенденции рациональной организации социальной системы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Большунов А. Я., Большунова С. А., Тюриков А. Г. Межкультурная коммуникация: вызовы глобальной трансформации жизненных миров. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2019;9(6):6–9. URL: <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2019-9-6-6-9>
2. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс; 1990.
3. Jiyeon So, Kai Kuang. Information Seeking Upon Exposure to Risk Messages: Predictors, Outcomes, and Mediating Roles of Health Information Seeking. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/0093650216679536>
4. Икрамова Л. Б. Сущность коммуникативного метода обучения иностранным языкам. URL: <http://mino.esrae.ru/173-1440>
5. Луман Н. Общество как социальная система. Пер. с нем. М.: Логос; 2004.
6. Luhman N. The Unity of the Legal System. *Autopoietic Law: A New Approach to Law and Society* (ed. by G. Teubner). Berlin: Walter de Gruyter; 1990.
7. Luhman N. *Closure and Openness: On Reality in the World of Law*. Florence: European University Institute; 1986.
8. Мид Дж. *Аз и я*. М.: Издание Международного университета бизнеса и управления; 1996.
9. Митрова Н. О., Мигаенко К. С. Общение как социально-психологическая и коммуникационная категория. Майкоп: МГТУ; 2006.
10. Назарчук А. В. Теория коммуникации в современной философии. М.: Прогресс-традиция; 2009.
11. Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект-Пресс; 1998.
12. Reines S. A., Brunner S. R. The results of broadcasting self-disclosure using new communication technologies: Responses to information disclosure differ in different social networks. *Communication Studies*. 2018;(45):659–687. URL: <https://doi.org/10.1177/0093650215598836>
13. Raines S. A., Wright K. B. Social support and computer communication: a modern overview and an agenda for future research. *Annals of the International Communication Association*. 2016;(40):175–211. URL: <https://doi.org/10.1080/23808985.2015.11735260>
14. Садуов Р. Т. Феномен политического дискурса Барака Х. Обамы: лингвокультурологический и семиотический анализ. Монография. Уфа: РИЦ БашГУ; 2012.
15. Siyue Li, Guanjin Zhang. Intergroup Communication in Online Forums: The Effect of Group Identification on Online Support Provision. *Communication Research*. 2018;48(6):874–894. URL: <https://doi.org/10.1177/0093650218807041>
16. Степин В. С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция. М.: Прогресс-Традиция; 2003.
17. Habermas J. *The Theory of Communicative Action*. Vol. 1: Reason and the Rationalization of Society. Cambridge: Polity Press; 1984.
18. Habermas J. *The Theory of Communicative Action*. Boston: Beacon Press; 1987.
19. Heylighen, F. Bollen J. & J. Bollen. The world-wide web as a super-brain: from metaphor to model. URL: <http://pespmc1.vub.ac.be/Papers/WWW-Super-Brain.pdf>
20. Честнов И. Л. Постклассическая теория права. Монография. СПб.: Издательский Дом «Алеф-Пресс»; 2012.
21. Чикеева З. Ч. О понимании коммуникативной теории права. *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2015;(4):45–53.

22. Чувакин А. А. Коммуникация как объект исследования современной филологии. Университетская филология — образованию: регулятивная природа коммуникации. Материалы Второй международной научно-практической конференции «Коммуникативистика в современном мире: регулятивная природа коммуникации». Часть 1, 2. Барнаул: Издательство Алтайского университета; 2009.
23. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т; 2003.
24. Чусовитин А. Г. Концепция взаимодействия (историко-методологический анализ). Новосибирск: Изд-во НГПУ; 1993.

REFERENCES

1. Bolshunov A. Ya., Bolshunova S. A., Tyurikov A. G. Intercultural communication: challenges of global transformation of life worlds. *Humanities. Bulletin of the Financial University*. 2019;9(6):6–9. URL: <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2019-9-6-6-9>. (In Russ.).
2. Weber M. Selected works. Moscow: Progress; 1990. (In Russ.).
3. Jiyeon So, Kai Kuang. Information Seeking Upon Exposure to Risk Messages: Predictors, Outcomes, and Mediating Roles of Health Information Seeking. *Communication Research*. November. 24, 2016. Research Article. URL: <https://doi.org/10.1177/0093650216679536>
4. Ikramova L. B., Ikramova A. A., Ruzieva D. S. The essence of the communicative method of teaching foreign languages. *Interdisciplinary research in science and education*. 2014;3. URL: <http://mino.esrae.ru/173-1440> (accessed on 19.12.2021). (In Russ.).
5. Luhman N. Society as a social system. Trans. from German. Moscow: Logos; 2004. (In Russ.).
6. Luhman N. The Unity of the Legal System. In: *Autopoietic Law: A New Approach to Law and Society*, ed. by G. Teubner. Berlin: Walter de Gruyter; 1990. 337 p.
7. Luhman N. Closure and Oppenness: On Reality in the World of Law. Florence: European University Institute; 1986.
8. Mid J. Az and I. In: *American Sociological Thought: Texts*. Edited by V. I. Dobrenkov. Moscow: Edition of the International University of Business and Management; 1996. P. 233. (In Russ.).
9. Mitrova N. O., Migaenko K. S. Communication as a socio-psychological and communication category. Maykop: MSTU; 2006. (In Russ.).
10. Nazarchuk A. V. Theory of communication in modern philosophy. Moscow: Progress-tradition; 2009. (In Russ.).
11. Parsons T. The system of modern societies. Moscow: Aspect-Press; 1998. (In Russ.).
12. Reines S. A., Brunner S. R. The results of broadcasting self-disclosure using new communication technologies: Responses to information disclosure differ in different social networks. *Communication Studies*. 2018;45:659–687. URL: <https://doi.org/10.1177/0093650215598836>
13. Raines S. A., Wright K. B. Social support and computer communication: a modern overview and an agenda for future research. *Annals of the International Communication Association*. 2016;40:175–211. URL: <https://doi.org/10.1080/23808985.2015.11735260>
14. Saduov R. T. The phenomenon of political discourse of Barak H. Obamas: linguoculturological and semiotic analysis. Monograph. Ufa: RIC Bashgu; 2012. (In Russ.).
15. Siyue Li, Guanjin Zhang. Intergroup Communication in Online Forums: The Effect of Group Identification on Online Support Provision. *Communication Research*. 2018;48(6):874–894. URL: <https://doi.org/10.1177/0093650218807041>
16. Stepin V. S. Theoretical knowledge: structure, historical evolution. Moscow: Progress-Tradition; 2003. (In Russ.).
17. Habermas J. The Theory of Communicative Action. Vol. 1: Reason and the Rationalization of Society. Cambridge: Polity Press; 1984.
18. Habermas J. The Theory of Communicative Action. Vol. 2. McCarthy T., ed. Boston: Beacon Press; 1987.
19. Heylighen F., Bollen J. The world-wide web as a super-brain: From metaphor to model. In: *Cybernetics and Systems '96*. R. Trappl, ed. Austrian Society for Cybernetic Press; 1996:917–922.
20. Chestnov I. L. Postclassical Theory of Law. Monograph. St. Petersburg: Publishing House Alef-Press; 2012. (In Russ.).

21. Chikeeva Z. Ch. On understanding the communicative theory of law. *Right. Journal of the Higher School of Economics*. 2015;(4):45–53. (In Russ.).
22. Chuvakin A. A. Communication as an object of research in modern philology. University philology – education: the regulatory nature of communication. Materials of the Second International Scientific and Practical Conference “Communication Studies in the modern world: the regulatory nature of communication”. Part 1,2. Barnaul: Altai University Publishing House; 2009. URL: <https://refdb.ru/look/2753322-p16.html> (accessed on 12.18.2021). (In Russ.).
23. Chudinov A. P. Metaphorical mosaic in modern political communication: Monograph. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University; 2003. (In Russ.).
24. Chusovitin A. G. The concept of interaction (historical and methodological analysis). Novosibirsk: Publishing House of NGPU; 1993. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Анатолий Васильевич Деникин — доктор философских наук, профессор департамента гуманитарных наук, Финансовый университет, Москва, Россия

Anatoly V. Denikin — Dr Sci. (Philosophy), Professor, Department of Humanities, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-2466-0703>

AVDenikin@fa.ru

Зоя Дмитриевна Деникина — доктор философских наук, профессор департамента гуманитарных наук, Финансовый университет, Москва, Россия

Zoya D. Denikina — Dr Sci. (Philosophy), Professor, Department of Humanities, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-3119-1546>

ZDDenikina@fa.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 16.02.2022; принята к публикации 15.05.2022.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 16.02.2022; accepted for publication on 15.05.2022.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-3-16-21
УДК 32(045)

Аналитическое сопровождение специальной военной операции России: опыт первого этапа

А.Б. Шатилов

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Статья представляет собой политологическое осмысление результатов первого этапа специальной военной операции на Украине, начавшейся 24 февраля 2022 г. Прежде всего, автор концентрируется на проблеме аналитического сопровождения СВО, констатируя, что в этом плане российская сторона столкнулась с серьезными просчетами и ошибками как гражданских, так и военных экспертов, в своем большинстве неверно оценивших общественный потенциал противника, а также расклады внутри украинской элиты. Автор рассматривает политические, экономические, социальные, ценностно-идеологические трансформации, произошедшие за последние 8 лет на Украине и серьезно подорвавшие там позиции пророссийских сил. Одновременно отмечается слабость российской политики «мягкой силы» в 2014–2022 гг., а также негативные последствия Минских соглашений.

Ключевые слова: специальная военная операция; Украина; Россия; аналитика; общество; элита; аналитическое сопровождение; информационная война; денацификация

Для цитирования: Шатилов А.Б. Аналитическое сопровождение специальной военной операции России: опыт первого этапа. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(3):16-21. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-3-16-21

ORIGINAL PAPER

Analytical Support of the Special Military Operation of Russia: Experience of the First Stage

A. B. Shatilov

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article is a political understanding of the results of the first stage of the special military operation (SMO) in Ukraine, which began on 24 February 2022. First of all, the author focuses on the problem of analytical support of the SMO, stating that in this regard the Russian side faced serious mistakes and mistakes of both civilian and military experts, mostly misjudged opponent's social potential, and the deal within the Ukrainian elite. The author considers the political, economic, social, value and ideological transformations that have occurred in the last 8 years in Ukraine and have seriously undermined the positions of pro-Russian forces there. At the same time, the weakness of the Russian policy of "soft power" in 2014–2022 is noted, as well as the negative consequences of the Minsk agreements.

Keywords: special military operation; Ukraine; Russia; analytics; society; elite; analytical support; information war; denazification

For citation: Shatilov A. B. Analytical support of the special military operation of Russia: Experience of the first stage. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(3):16-21. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-3-16-21

Военно-политические конфликты и противоборства XXI в. — это не только столкновение военных технологий, боевого мастерства и оперативных талантов генералитета, но и жесткое противостояние в «сопредельных» сферах, прежде всего в области массовых коммуникаций и аналитики. Современные политтехнологии и агитационно-про-

пагандистская работа широко используются для воздействия на «внутреннее» и «внешнее» общественное мнение, а грамотная аналитическая подготовка позволяет предусмотреть трудности и проблемы «небоевого» порядка, оценить степень сопротивляемости противника, найти у него «болевые точки» в политике, экономике, социальной жиз-

ни, разработать программу взаимодействия с гражданским населением подконтрольных территорий.

При всем том, что российская СВО в военном плане в целом развивается достаточно успешно, тем не менее, в области аналитики и PR мы существенно проигрываем не только Западу, но и украинской стороне. Справедливости ради надо сказать, что последнее время (май-июль 2022 г.) ситуация стала постепенно изменяться к лучшему, однако первый этап СВО требует серьезного осмысления, в том числе, политологического характера.

Если обратиться к проблеме аналитической подготовки и сопровождения СВО, то в этом отношении был сделан ряд ошибок.

Первая относится еще к 2014 г., когда российские власти позволили Западу и Украине навязать себе абсолютно невыгодные, а где-то абсурдные Минские соглашения (так называемые «Минск-1» и «Минск-2»). Более того, долгое время они провозглашались главным залогом «хорошего мира» с Киевом. Тогда (в 2014–2015 гг.) в российской элите преобладали «прекраснодушные» настроения относительно взаимоотношений с западными партнерами. В частности, доминировала точка зрения, что Россия настолько вписана в политический и особенно экономический миропорядок («глобальное акционерное общество»), что Запад «простит» ей реинтеграцию Крыма и патронаж ДНР и ЛНР и постепенно возобновит прерванное в результате политики санкций взаимовыгодное сотрудничество [1]. Также существовала иллюзия относительно того, что Евросоюз как наиболее «завязанный» на Россию актер не позволит англосаксам идти ва-банк. При этом, однако, не были учтены ни безволие европейских элит, ни их неолибертарианский настрой, исключавший идеологический компромисс с «консервативной» и «нетолерантной» Москвой. Некоторые надежды возлагались также на европейский бизнес, который, по мнению многих кремлевских аналитиков, мог стать центром сопротивления эмоциональному и непродуманному санкционному курсу европейских политиков. Причем сначала прагматичное европейское предпринимательское сообщество действительно пыталось фрондировать и протестовать против политики изоляции России, однако после крайне странной и трагической гибели в авиакатастрофе своего лидера — главы

французского энергетического концерна Total Кристофа де Маржери, бизнесмены предпочли «лечь в дрейф» и поддержать санкции¹.

Еще одним стратегическим просчетом российской стороны являлись надежды на то, что Запад не возьмет на свой «кошт» постмайданную Украину, не предоставит ей «безвиз», не окажет ей мощную военно-политическую поддержку. Тогда считалось, что для США и ЕС это будет слишком невыгодно и затратно. В этом случае вполне логичным представлялся вариант бескровной нейтрализации враждебных украинских элит либо за счет процессов «федерализации», либо за счет прихода к власти электоральным путем «Януковича № 2» — относительно приемлемого и договороспособного нового украинского лидера. Однако при этом были проигнорированы факты, свидетельствующие в пользу того, что Запад не собирается бросать на произвол судьбы территорию, завоеванную в ходе «революции достоинства». Во-первых, в Вашингтоне никто не отказывался от стратегии З. Бжезинского, которая была обозначена в его «Великой шахматной доске». В данной книге он проводил мысль о том, что для сдерживания «великодержавных» амбиций России США должны всеми силами удерживать в сфере своего влияния Украину, способствуя ее максимальному разрыву с «москалями»: «Украина, новое и важное пространство на евразийской шахматной доске, является геополитическим центром, потому что само ее существование как независимого государства помогает трансформировать Россию. Без Украины Россия перестает быть евразийской империей» [2]. Соответственно, политика Запада (прежде всего, англосаксов) на украинском направлении периода 2014–2022 гг. была четко ориентирована на то, чтобы разрушить фундамент российско-украинских отношений, сохранившийся со времен СССР и первых двух десятилетий постсоветского развития. Во-вторых, в условиях «войны санкций» и кризиса «униполярности» англосаксонские элиты открыто заявили о своей политике «сдерживания России». Соответственно, территория Украины рассматривалась (и до сих пор рассматривается) как плацдарм для давления на Российскую Федерацию, как зона нестабильности у ее границ. В качестве доказательства подобного утверждения мож-

¹ URL: <https://cont.ws/@cherchill/59456>

но привести убедительные фактические данные последних 8 лет: регулярные совместные учения военных Украины и НАТО, открытие от 11 до 40 засекреченных биолaborаторий «двойного назначения» в Киевской области, под Харьковом, Одессой, Николаевом, Днепропетровском, Львовом, Тернополем², создание опорных точек для размещения военных баз Североатлантического альянса на территории Украины (например, в Очакове или на Яворовском полигоне³) и пр. Более того, еще задолго до Майдана 2013–2014 гг. представители американских спецслужб начали готовить (и в плане повышения боевой подготовки, и психологически) украинских военных к перспективам столкновения с ВС РФ⁴. Соответственно, надежды определенной части российской элиты на пассивность Запада на украинском треке явно не оправдались — США и их союзники не только не оставили Украину «на произвол судьбы», но оказали ей массивную политическую, военно-техническую и экономическую помощь. В частности, за период 2014–2021 гг. только Евросоюз выделил Украине € 17 млрд в виде грантов, льготных кредитов и гуманитарной помощи⁵. Примечательно, что даже в настоящий момент (июль 2022 г.), когда украинская государственность вступила в полосу системного кризиса, западные страны продолжают регулярно выделять средства на поддержку режима В. Зеленского.

Крайне серьезной недоработкой в сфере аналитики на украинском направлении стали неверные оценки общественных настроений в «Незалежной» накануне СВО. Агитационные материалы первых недель и публичные выступления руководителей России показывают, что имело место недопонимание изменений политической и идеологической позиции населения как Украины в целом, так и Юго-Востока в частности, произошедших за последние 8 лет. Представляется, что при планировании СВО они исходили из социологических данных образца 2014 г., когда пророссийские

настроения были существенно выше: на Юго-Востоке они колебались от 50–55% поддержки России в Днепропетровской области до 70–75% — в Одессе и Харькове (в «сепаратистских» Донецке и Луганске уровень симпатий к Российской Федерации был еще выше). Однако за последние годы произошли существенные изменения, которые значительно снизили «пророссийские показатели», о чем свидетельствовали опросы общественного мнения и результаты голосования местного населения на украинских президентских и парламентских выборах. Это явилось следствием целого ряда обстоятельств.

Во-первых, убедившись в 2014 г. в ненадежности населения Юго-Востока, украинские власти предприняли достаточно эффективные меры по нейтрализации пророссийского ядра как в органах власти и управления подконтрольных областей, так и в среде местной общественности. В частности, по линии СБУ прошли массовые аресты пророссийских активистов, был осуществлен жесткий прессинг политических и «бытовых» сепаратистов со стороны праворадикальных организаций, сопровождавшийся, в том числе, избиениями и убийствами «агентов Москвы», была запрещена деятельность целого ряда оппозиционных политических партий и организаций, поставлена под жесткий контроль деятельность украинских СМИ [3].

Во-вторых, сворачивание темы «русской весны» российской стороной и заключение противоречивых Минских договоренностей серьезно демотивировало пророссийскую общественность, оставшуюся на подконтрольной Киеву территории [4]. При этом негативный опыт воюющих республик Донбасса также оказал удручающее воздействие на умонастроения населения Юго-Востока Украины, которое в 2014 г. явно рассчитывало на безболезненный «крымский сценарий».

В-третьих, при помощи целого ряда мер украинская сторона попыталась «разбавить» пророссийскую общественность. Для этого использовались весьма разнообразные и достаточно эффективные методы. Прежде всего речь шла о целенаправленной идеологической обработке молодежи как в ходе обучения в школах и вузах, так и в ходе реализуемой молодежной политики. В итоге за 8 лет украинской власти удалось взрастить себе на Юго-Востоке значительную «группу поддержки»

² URL: https://tsargrad.tv/investigations/biooruzhie-ssha-raskryty-dannye-sekretnyh-laboratorij-na-ukraine_510135

³ URL: <https://www.kp.ru/daily/28345/4491907/>

⁴ URL: <https://rg.ru/2022/05/11/kirbi-priznal-cto-ssha-gotovili-ukrainu-k-vojne-v-techenie-8-let.html>

⁵ URL: https://tass.ru/ekonomika/13545027?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru

и инициировать конфликт «отцов и детей» — если у первых в своем большинстве были и есть пророссийские симпатии, то у вторых — как раз наоборот. Кроме того, в некоторых случаях речь шла о прямой «диффузии» населения. Так, известно, что в «политически неблагонадежные» Славянск и Мариуполь целенаправленно переселялись «идеологически правильные» кадры с Западной Украины.

В-четвертых, достаточно эффективными оказались агитация украинских СМИ, а также ряд идеологических «приманок» со стороны власти. В последнем случае весьма привлекательно на украинское общество подействовала пропаганда проектов «евроинтеграции» и «безвиза», которые создали у местного населения иллюзию грядущего «светлого будущего». В противовес данной радужной перспективе украинские СМИ нагнетали ситуацию вокруг России, убеждали общество в ее изоляции и геополитическом поражении, гипертрофировали ее издержки от санкционного давления Запада. Одновременно активно продвигалась идея о том, что «Украина — это не Россия», что украинская нация интегрирована в европейскую культуру, а США и ЕС являются гарантами безопасности Украины и не допустят «агрессии со стороны России». Все это также привело к «перетеканию» неустойчивой части пророссийского электората к идеологическим оппонентам.

Отдельно надо отметить крайне слабую российскую политику «мягкой силы» на украинском направлении. Долгое время (в том числе в 2014–2016 гг.) ее фактически курировал посол России на Украине М. Ю. Зурабов, который действовал весьма инерционно и пассивно, предпочитая латентные договоренности с представителями украинского истеблишмента. Затем идеологическое и мировоззренческое обеспечение украинского направления перешло под контроль помощника Президента Российской Федерации В. Ю. Суркова, который попытался активизироваться на данном направлении, реализовав проекты «Шатун» и «Троя», но особого успеха данные инициативы не принесли. В итоге было принято спорное решение делать ставку на внутриукраинскую оппозицию (В. Медведчук, Ю. Бойко, В. Рабинович, Д. Фирташ, отчасти Р. Ахметов) и на «постмайданную» эмиграцию (О. Царев, Н. Азаров и др.), которые обещали аппаратно-политический реванш [5].

Однако такого рода обещания так и остались нереализованными. Более того, главная оппозиционная партия «Оппозиционная платформа — За Жизнь» провалила парламентские и президентские выборы 2019 г., получив всего 13% и 11,68% голосов соответственно. А в ходе президентской кампании выдвигенец ОПЖ Ю. Бойко занял лишь 4-е место.

При этом любые иные попытки российского руководства по традиции закулисно договориться с украинскими элитами о полюбовном разрешении кризиса, затянувшегося с 2014 г., наткнулись либо на жесткое противодействие со стороны кураторов Киева из Вашингтона, Лондона и Брюсселя, либо приводили к бесполезной трате сил и средств.

Все это привело к тому, что уровень внутриукраинской поддержки российской СВО на первом ее этапе оказался гораздо ниже ожидаемого. При этом даже «пророссийская» часть украинского общества разделилась на три подгруппы. Первая безоговорочно поддержала операцию ВС РФ в надежде на освобождение страны от «бандеровщины», вторая — напротив, осудила Россию «за агрессию», третья — затаилась, поскольку в условиях «военного времени» не без оснований опасалась репрессий со стороны «заукраинцев».

Сродни недооценке общественных настроений на Украине была и недооценка потенциала ее вооруженных сил. Действительно, в 2014 г. «Северный ветер» относительно легко справился с ВСУ: потери украинских войск составили от 5 до 35 тыс. чел. (по разным оценкам), одновременно было уничтожено до 80% украинской боевой техники. Более того, в тот период противостояния украинские солдаты были слабо мотивированными, идеологически аморфными, политически дезориентированными. Тогда лишь отдельные подразделения ВСУ и нацбатальоны («Правый сектор», «Айдар», «Торнадо», «Донбасс», «Азов») являлись серьезным и, главное, принципиальным противником. К тому же среди военнослужащих украинской армии в 2014 г. имелись существенные разногласия по поводу методов ведения «АТО», населения Юго-Востока, идеологических и геополитических приоритетов украинской государственности. Однако за 8 прошедших лет в ВСУ произошли серьезные изменения. Во-первых, были проведены значительные чистки комсостава и назначены новые политработники в большинстве

своим из числа украинских националистов⁶. Во-вторых, была проведена интенсивная и эффективная идеологическая «накачка» украинских силовиков в духе «незалежности» и русофобии. В-третьих, целенаправленно в рядах ВСУ были «перемешаны» кадровые и националистические подразделения, это привело к тому, что ранее маргинальная нацистская и прозападная идеология широко проникла в ряды «збройных сил» и обусловила их мировоззренческую мотивацию. Кроме того, идеологическая мотивация с 2014–2015 гг. подкрепляется существенными окладами и надбавками⁷, которые в условиях системного социально-экономического кризиса на Украине делают службу в армии достаточно престижной и выгодной.

Соответственно, первые недели СВО явились для российской стороны серьезным разочарованием — украинская общественность в массе своей поддержала режим Зеленского, а украинские военные продемонстрировали верность присяге и не спешили сдаваться в плен. Более того, даже «обычные» части ВСУ воевали идеологически мотивированно, мало чем отличаясь от нацистских батальонов.

Учитывая все вышесказанное, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, при подготовке к СВО были допущены серьезные ошибки в области ее

аналитического сопровождения, что привело к неадекватной оценке как боевого, так и идеологического потенциала противника.

Во-вторых, такого рода просчеты, судя по всему, стали результатом несовершенства кадровой политики. С одной стороны, в качестве экспертов зачастую привлекались достаточно возрастные люди, которые «по старинке» продолжали верить в «братство народов бывшего СССР», хотя идеологический надлом случился на Украине еще в 2000–2001 гг., а к 2013–2014 гг. украинское общество было настроено уже весьма критично как к России в целом, так и к интеграционным процессам под эгидой Москвы⁸. С другой стороны, аналитические материалы поступали от различного рода украинских «диссидентских» специалистов (либо бежавших в Россию после Евромайдана, либо из числа внутриукраинской оппозиции) и несли на себе отпечаток ангажированности, а то и просто корыстного желания получить российское финансирование за счет создания «воздушных замков».

В-третьих, дальнейшее развитие СВО на Украине, денацификация и освобождение территорий от власти Киева невозможно без глубокого и многостороннего анализа украинских политических и идеологических трансформаций последних 30 лет, понимания специфики политической культуры современного украинского общества, разработки масштабной программы его «перепрограммирования» на началах денацификации и демилитаризации.

⁸ URL: <https://ria.ru/20131225/986417737.html>

⁶ URL: https://nation-news.ru/22599721-aksenov_pochti_vo_vseh_chastyah_vsu_bili_otvetstvennie_za_natsistskuyu_ideologiyu_politработniki

⁷ URL: <https://visasam.ru/emigration/perezedsng/zarplata-voennyh-v-ukraine.html>

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шатилов А.Б. «Крымский консенсус» российской элиты: причины и последствия. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2015;2(18):6–13.
2. Бжезинский З. Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегические императивы). Пер. с англ. М.: Международные отношения; 1998.
3. Проценко А.В. Соотношение понятий «государственный террор» и «государственный терроризм» в контексте анализа современного политического режима Украины. *Вестник Луганского национального университета им. В. Даля*. 2019;1(19):128–133.
4. Романович Н. Парадоксы «Минских соглашений» и восприятие россиянами украинских событий. *Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки*. 2015;3(7):61–68.
5. Работяжев Н. Парламентские выборы на Украине: триумф либерального популизма. *Россия и новые государства Евразии*. 2019;3(44):50–51.

REFERENCES

1. Shatilov A. B. "Crimean Consensus" of the Russian elite: causes and consequences. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2015;2(18):6–13. (In Russ.).
2. Brzezinski Z. *The Grand Chessboard (American Promacy and Its Geostrategic Imperatives)*. Moscow: International Relations; 1998. (In Russ.).
3. Protsenko A. V. Relationship concepts "state terror" and "state terrorism" in the context of analysis of the modern political regime in Ukraine. *Bulletin of the V. Dahl Lugansk National University*. 2019;1(19):128–133. (In Russ.).
4. Romanovich N. Paradoxes of "Minsk agreements" and the perception of Ukrainian events by Russian citizens. *Scientific Herald of the Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering. Series: Humanities and Social Sciences*. 2015;3(7):61–68. (In Russ.).
5. Rabotyazhev N. Parliamentary elections in Ukraine: the triumph of liberal populism. *Russia and New States of Eurasia*. 2019;3(44):50–51. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Александр Борисович Шатилов — кандидат политических наук, профессор, декан факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Aleksandr B. Shatilov — Cand. Sc. (Polit.), Professor, Dean of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-4776-0934>

ashatilov@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 01.07.2022; принята к публикации 10.07.2022.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 01.07.2022; accepted for publication on 10.07.2022.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-3-22-25
УДК 323(045)

Типология позиционирования и управленческого стиля «новых губернаторов» в РФ в 2017–2022 годы

К.М. Курбанова

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье представлен анализ ротации губернаторского корпуса в 2017–2022 гг. В ходе анализа определена динамика омоложения кадрового корпуса губернаторов «новой волны» федеральным центром. Полученные результаты анализа показали, что начиная с 2017 г. федеральный центр проводит новую внутреннюю политику назначения губернаторов в регионы РФ. «Новая генерация» губернаторов российских регионов представляет собой руководителей субъектов, назначенных на должности в период 2017–2022 гг. и направленных федеральным центром в регионы для решения стратегических задач в зависимости от специфики региона. Руководители субъектов могут быть представителями федеральной и бизнес-элиты, силовых структур, политических партий. В результате анализа выявлена типология «новой генерации губернаторов» российских регионов.

Ключевые слова: губернаторы; регионы; Федеральный центр; губернаторы «новой волны»; кадровая ротация

Для цитирования: Курбанова К.М. Типология позиционирования и управленческого стиля «новых губернаторов» в РФ в 2017–2022 годы. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(3):22-25. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-3-22-25

ORIGINAL PAPER

Typology of Positioning and Management Style of “New Governors” in the Russian Federation in 2017–2022

K.M. Kurbanova

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article provides an analysis of the rotation of the governor's corps in 2017–2022. During the analysis, the author determined the dynamics of rejuvenation of the cadre of governors of the “new wave” by the Federal center. The results of the analysis showed that since 2017 the Federal center implemented a new internal policy of appointing governors to the regions of the Russian Federation. The “new generation” of governors of Russian regions is the heads of subjects appointed to positions in the period from 2017–2022, who are sent by the Federal Center to the regions to solve strategic tasks, depending on the specifics of the region, the heads of subjects may be representatives of the federal elite, law enforcement agencies, political parties, and the business elite. The analysis revealed the typology of the “new generation” of governors of Russian regions.

Keywords: governors; regions; Federal center; governors of the “new wave”; personnel rotation

For citation: Kurbanova K.M. Typology of positioning and management style of “new governors” in the Russian Federation in 2017–2022. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of Financial University*. 2022;12(3):22-25. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-3-22-25

С 2017 г. в 42 субъектах Российской Федерации ведется кадровая ротация губернаторов. Выборы проходят как путем прямого голосования — в регионах, так непрямого — в парламенте регионального Законодательного собрания [1, с. 200].

Примерно в 31 регионе Федеральный центр представил новых кандидатов. В 11 случаях главы остались еще на один срок, а в 14 сменились на новых в ходе Единого дня голосования (2019 г.).

Таким образом, стало происходить обновление регионального управления, которое про-

должается и в настоящее время. Курс, который Президент России В. В. Путин определяет как новую парадигму кадровой политики, начал оформляться с 2017 г.¹

После возврата к прямым выборам, в период с 2017 по 2019 г., в 51 случае поддержаны выдвинутые новые кандидаты. Только в 58 случаях из 109 действующие руководители регионов на выборах получили поддержку Федерального центра².

В некоторых регионах выборы проводились с перерывом в 2–3 года, так как против действующих губернаторов были возбуждены уголовные дела³.

В 2017–2018 гг. в нашей стране происходит и становится трендом существенное обновление губернаторского корпуса. Средний возраст губернаторов «новой волны» составляет 35–45 лет, таким образом, все назначенные врио главы субъектов и губернаторы по общим данным на 13 лет моложе своих предшественников⁴.

Один самых больших разрывов в возрасте — между губернатором Нижегородской области Глебом Никитиным и его предшественником Валерием Шанцевым (30 лет) и между губернатором Новгородской области Андреем Никитиным и Сергеем Митиным (28 лет)⁵.

Только в 5 регионах в 2018 г. на смену приходят люди, которые старше своих предшественников: губернаторы Игорь Васильев — в Кировской области, Василий Орлов — в Амурской области, Александр Евстифеев — в Республике Марий-Эл, Олег Кожемяко — в Приморском крае и Александр Беглов — в Санкт-Петербурге [2].

¹ Назначения и отставки глав субъектов РФ при нынешнем президентском сроке Владимира Путина. ТАСС. URL: https://tass.ru/info/2675129?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru

² Обновление. Два года новой кадровой политике. Экспертный институт социальных исследований. URL: <http://www.eisr.ru/upload/iblock/a9b/a9bda44cea4dcac870a9c6d9e10af27c.pdf>

³ Назначения и отставки глав субъектов РФ при нынешнем президентском сроке Владимира Путина. ТАСС. URL: https://tass.ru/info/2675129?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru

⁴ Главы регионов разменяли возраст на опыт. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2019/03/27/5c9928509a79477fb6c7b9dc>

⁵ Обновление. Два года новой кадровой политике. Экспертный институт социальных исследований. URL: <http://www.eisr.ru/upload/iblock/a9b/a9bda44cea4dcac870a9c6d9e10af27c.pdf>

«Омоложение» губернаторского корпуса, по мнению автора, — естественный процесс, так как Федеральный центр стремится назначать опытных управленцев, которые готовы развиваться сами и также интенсивно развивать регион во всех сферах. Важно отметить, что все новые главы имеют опыт регионального руководства и необходимые компетенции, чтобы управлять регионом с помощью различных подходов. Интересно, что 45 губернаторов нового поколения получили в общей сложности более 70 «высших образований», а некоторые из них прошли обучение в иностранных вузах [3].

Губернатор-инноватор способен обеспечить организационное руководство регионом, привлечь в него новые инвестиции и развивать внешнеэкономические торговые связи как внутри региона, так и за его пределами.

Необходимо отметить, что их предшественники в совокупности имели на 20% меньше дипломов, которые нередко были получены уже тогда, когда они занимались государственной службой, и это было необходимо для продвижения по карьерной лестнице. Этот факт подтверждает биография бывшего главы Республики Хакасия В. М. Зимина, который в советское время получил только среднее профессиональное образование.

При этом важно указать, что для нового поколения губернаторов образование — не обязательное условие, которое подтверждает их статус и влияние в регионе. Однако они убеждены, что с помощью современных подходов в управлении смогут добиться высоких результатов в региональном политическом и социально-экономическом развитии.

Среди губернаторов «новой волны» автор выделяет следующие типы: инноватор, интегратор, лидер.

Губернатор-инноватор способен обеспечить организационное руководство регионом, привлечь в него новые инвестиции и развивать внешнеэкономические торговые связи как внутри региона, так и за его пределами. Также

для него характерны энергичность и чуткость при принятии решений, он способен собрать вокруг себя сильную команду таких же лидеров, которые будут работать, принимая во внимание мнение населения при решении основных задач. Такой губернатор будет внимательно относиться к своим неудачам и работать над ошибками для улучшения своей деятельности. К такому типу можно отнести губернатора Новгородской области А. С. Никитина, который наладил связи и подписал торгово-экономические соглашения с Беларусью⁶ и Венгрией⁷. Главная сфера сотрудничества, которую губернатор старается развивать в регионе, — рынок производства и услуг.

Для губернатора-лидера в первую очередь важно, как его решения будут влиять на общество и насколько они полезны для населения. Руководитель этого типа собирает вокруг себя сильную команду управленцев, которые также готовы развивать регион, — часто губернаторы-лидеры в этом вопросе схожи с губернаторами-инноваторами. Примерами губернаторов-лидеров в нашей стране являются глава Орловской области А. Е. Клычков и губернатор Калининградской области А. А. Алиханов⁸. Они оба не являются уроженцами тех регионов, в которые были назначены, но смогли проявить свои лидерские позиции и получить одобрение со стороны большей части населения.

Губернатор-интегратор — это управленец, который способен создать общие для всего населения ценности и собрать сплоченную команду. Для собственной команды он определяет основную стратегическую цель и призывает всех осуществлять свою деятельность на благо этой цели. Примером руководителя такого типа является бывший губернатор Ненецкого

автономного округа А. В. Цыбульский, который занимал этот пост в 2017–2020 гг. По результатам различных социологических опросов, его деятельность получала одобрение со стороны населения, кроме того, он всегда поддерживал контакты с общественностью, был открыт для диалога и старался развивать регион во всех сферах. В частности, он выступал за развитие регионального туризма в Архангельской области и лоббировал проект «Серебряное ожерелье»¹⁰.

Новые губернаторы готовы развиваться и за счет своего опыта привлекают к работе современные технологии и инновации, используя полученные знания как основной рабочий инструмент. В подборе кадров ключевую роль всегда играет стремление к развитию и привлечению новых идей, а на первый план выходят необходимые драйверы развития.

Из приведенных выше примеров видно, что новые руководители, которые даже не были знакомы с регионом, его населением и спецификой, приступили к исполнению своих обязанностей, хотя были риски, что большая часть населения не будет довольна их работой.

Многие главы регионов прошли обучение в Высшей школе государственного управления (РАНХиГС), Московской школе управления «Сколково», что говорит об их профессиональных компетенциях и высококвалифицированной подготовке.

Анализ кадровой политики показал, что среди новых глав регионов и врио, которых поддержал президент РФ, есть люди, получившие опыт в муниципальном, региональном, федеральном и корпоративном управлении. Такие кадры становятся востребованными среди тех, кого выделяет Федеральный центр. Подборка кадров происходит системно, так как важно, чтобы должность занимали опытные люди [4, с. 91]. Так, среди наиболее известных трендов можно отметить наличие специальных компетенций корпоративного управления наряду с федеральным и региональным опытом.

Таким образом, губернаторы «новой волны» имеют разные типы и характеристики, их можно классифицировать по уровню образования, участия в политической жизни региона, управ-

⁶ Никитин А. Результаты поездки в Беларусь. URL: <https://53news.ru/novosti/51797-andrej-nikitin-po-rezultatam-poezdki-v-belarus-na-novgorodchine-rovyavvatsya-interesnye-proekty.html>

⁷ Новгородская область расширяет сотрудничество с Венгрией. URL: <https://53news.ru/novosti/51797-andrej-nikitin-po-rezultatam-poezdki-v-belarus-na-novgorodchine-rovyavvatsya-interesnye-proekty.html>

⁸ Андрей Клычков и Антон Алиханов подписали соглашение о сотрудничестве между правительствами Орловской и Калининградской областей. Информационный портал Орловской области. URL: <https://orel-region.ru/index.php?head=1&unit=21199>

⁹ Международные и межрегиональные связи Правительства Калининградской области. URL: <https://id.gov39.ru/activity/activities/>

¹⁰ Петербург и Архангельскую область могут связать турмаршруты. Рамблер. URL: https://news.rambler.ru/ecology/45221083/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copypink

ленческому стилю и возрасту. Все обновления, которые связаны с губернаторским корпусом, в первую очередь исходят от Федерального центра с учетом специфики региона и тех результатов, которых Федеральный центр хочет добиться от местного руководства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Иванов В. Глава субъекта Российской Федерации. Историческое, юридическое и политическое исследование (История губернаторов) В 2 т. Т. I. В 2 кн.: История: Кн. I. М.: «Издание книг ком»; 2019. 600 с.
2. Орлов Д.И. Региональная политика — 2016: Сборник статей и аналитических докладов. М.: Грифон; 2016.
3. Орлов Д.И. Региональная политика — 2018: Сборник статей и аналитических докладов. М.: Грифон; 2018.
4. Федотов Д.Ю. Политические и экономические аспекты взаимодействия федерального центра и регионов. *Известия байкальского государственного университета. Серия: Политологические науки.* 2008;6(68):88–93.

REFERENCES

1. Ivanov V. The Head of the subject of the Russian Federation. Historical, Legal, and Political Research (History of Governors). In 2 vols. Vol. 1. In 2 books: History: Book I. Moscow: Publishing books com; 2019. 600 p. (In Russ.).
2. Orlov D. I. Regional Policy — 2016: Collection of articles and analytical reports. Agency for Political and Economic Communications. Moscow: Gryphon; 2016. (In Russ.).
3. Orlov D. I. Regional policy — 2018: Collection of articles and analytical reports. Agency for Political and Economic Communications. Moscow: Pravda Gryphon; 2018. 368 p. (In Russ.).
4. Fedotov D. Y. Political and economic aspects of interaction between the federal center and the regions. *Proceedings of the Baikal State University. Series: Political Science.* 2008;6(68):88–93. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Карина Мурадовна Курбанова — специалист по учебно-методической работе 1 категории факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Karina M. Kurbanova — Specialist in educational and methodological affairs of the 1st category, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-3360-0200>

KMKurbanova@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 05.05.2022; принята к публикации 20.05.2022.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was received on 05.05.2022; accepted for publication on 20.05.2022.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-3-26-29
УДК 33.659.1.01.659.11(045)

Особенности рекламной коммуникации на рынке биологически активных добавок

Е.Д. Горшкова

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Рынок здорового питания и биологически активных добавок (БАД) в последнее время показывает активную положительную динамику, а в условиях растущей конкуренции особенно важным становится продвижение продукта и его коммуникативная составляющая. В работе исследована специфика деятельности в сфере маркетинга и рекламы на рынке биодобавок. Целью статьи является изучение особенностей продвижения биодобавок на рынке, роли позиционирования как инструмента продвижения продукта, а также анализ поведения потребителей и основных факторов сегментации целевой аудитории. Посредством анализа, сопоставления и систематизации выявлены основные методики позиционирования товаров в выбранном сегменте рынка и рассмотрена их эффективность, а также общие характеристики рынка, его целевая аудитория, инструменты продвижения товаров. Базой исследования стали работы специалистов в области классического маркетинга, маркетинга продуктов питания и биологически активных добавок, рекламы, связей с общественностью, а также официальные документы.

Ключевые слова: маркетинг; реклама; позиционирование биодобавок; сегментирование аудитории; целевая аудитория; отрасль функционального питания и биодобавок

Для цитирования: Горшкова Е.Д. Особенности рекламной коммуникации на рынке биологически активных добавок. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета.* 2022;12(3):26-29. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-3-26-29

ORIGINAL PAPER

Features of Advertising Communication in the Market of Biologically Active Additives

E.D. Gorshkova

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The market for healthy food and dietary supplements has recently shown a highly active positive trend, and in the face of growing competition, product promotion and its communicative component become especially important. The paper studies the specifics of activities in the field of marketing and advertising in the market of biologically active additives. The purpose of the author's research is to study the features of promoting supplements on the market, the role of positioning as a tool for promoting a product, as well as analyzing consumer behavior and the main factors of target audience segmentation. Based on the results of the study, through analysis, comparison and systematization, the main methods of positioning goods in the selected market segment were identified and their effectiveness was considered, as well as the general characteristics of the market, its target audience, and tools for promoting goods.

Keywords: marketing; dietary supplement positioning; audience segmentation; target audience; advertising; functional nutrition and dietary supplements industry

Для цитирования: Gorshkova E.D. Features of advertising communication in the market of biologically active additives. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета = Humanities and Social Sciences. Bulletin of Financial University.* 2022;12(3):26-29. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-3-26-29

Возникновение интереса к концепции здорового образа жизни (ЗОЖ) и развитие соответствующей отрасли товаров и услуг обусловлены постоянно ускоряющимся темпом жизни современного общества. Немаловажную роль в развитии этого сегмента рынка сыграла пандемия коронавируса. По

подсчетам ВЦИОМ, в течение 2021 г. более 52% россиян принимали витамины, минеральные вещества или аминокислоты¹. При этом добавки начинают конкурировать не

¹ АО «ДП Бизнес Пресс». URL: https://www.dp.ru/a/2022/01/17/Ljubov_k_vitaminam

только между собой, но и с сегментом лекарственных средств.

БАДы — природные или идентичные им биологически активные вещества — предназначены для употребления одновременно с пищей. Они обогащают рацион и считаются отличительной характеристикой современного питания [1]. Согласно данным ROIF Expert, суммарный объем российского рынка добавок в 2021 г. превысил показатель прошлого периода на 36%². В условиях растущей конкуренции особенно важной становится стратегия продвижения продуктов и ее коммуникативная составляющая.

В классическом понимании маркетинг представлен как «вид деятельности, направленный на удовлетворение нужд и потребностей посредством обмена» [2]. В современных условиях рынка это понятие становится более широким и включает в себя комплекс мер, цель которых — удовлетворить покупательский спрос, желания и предпочтения. Необходимый аудитории продукт нужно продавать по подходящей цене в нужное время при осуществлении необходимых коммуникаций и мер по стимулированию сбыта. Под маркетинговыми коммуникациями понимают распространение маркетинговых сообщений в разной форме с помощью инструментов рекламы, связей с общественностью и мер по стимулированию сбыта [3].

Федеральный закон «О рекламе» определяет ее как «информацию, распространенную любым способом, в любой форме, с использованием любых средств, адресованную неопределенному кругу лиц и направленную на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и его продвижение на рынке»³.

Рекламу делят на группы по разным основаниям: по целевой идее, способу распространения, географии и целевой аудитории. На рынке БАДов принято делить целевую аудиторию на две группы: потребительскую и профессиональную [4]. К первой относятся преимущественно женщины от 20 до 40 лет со средним и высоким доходом. Ко второй —

представители фирм, закупающих товар, врачи и фармацевты, которые рекомендуют добавки потребителям. Потребительская активность этой целевой аудитории повышает доверие покупателей к марке. Из характеристик этой группы наиболее важен профессиональный статус. Около 60% товаров данного сегмента рынка реализуются через аптеки, что увеличивает роль правильно организованной маркетинговой коммуникации. Специализированные журналы и брошюры (проспекты, листовки), распространяемые напрямую в целевых группах, называют одним из основных рекламных каналов в рассматриваемом сегменте рынка [4].

В условиях растущего рынка производителям важно правильное позиционирование — определение позиции товара на рынке, выгодно отличающей его от конкурентов. Выделяют несколько видов позиционирования: ценностный, при котором производитель заявляет о сходстве собственных значимых ценностей с ценностями потребителя; эмоциональный, когда вокруг марки создается эмоциональная атмосфера за счет ассоциаций, связанных с товаром; рациональный, при котором делается акцент на основных характеристиках товара и его качестве [6].

Наиболее часто компании в индустрии здорового питания прибегают к рациональному позиционированию, т.е. фокусируется на определенных характеристиках товара. В коммуникации с потенциальным потребителем используется рациональный способ воплощения рекламной идеи — уникальное торговое предложение (УТП). Для рациональных маркетинговых текстов важна доказательность, которая предполагает достоверный вывод, основанный на логических аргументах. Важно учитывать и то, что для поиска правильной ниши для товара необходимо проанализировать базовые потребности и социально-демографические характеристики аудитории. При этом позиционирование осуществляется в сознании потребителя исходя из его системы ценностей, потребностей, эмоций.

Исследователи выделяют три группы стратегий позиционирования биологически активных добавок на российском рынке: наступательную, стратегию сокращения и оборонительную. Наступательная стратегия подразумевает постепенное увеличение доли в целевом сегменте, управление ассортимен-

² АО «ДП Бизнес Пресс». URL: https://www.dp.ru/a/2022/01/17/Ljubov_k_vitaminam

³ Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «О рекламе». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58968/4f41fe599ce341751e4e34dc50a4b676674c1416/

том, которое позволит усилить позиции на рынке. Стратегия сокращения обычно используется при необходимости повышения эффективности во время спадов и кардинальных изменений в экономике и предполагает проведение мероприятий, направленных на оздоровление финансового положения организации. Оборонительная стратегия базируется на том, что продукты, рекламируемые как дорогие и качественные, защищены от конкуренции более дешевыми [7].

Компоненты данной отрасли усиливают эффект друг от друга, т.е. продвигать их необходимо, используя связь, которая формирует стандарт и стиль потребления. Главную задачу можно сформулировать как «стимулирование спроса посредством обучения технологии потребления велнес-товаров и услуг». В теории велнес существует термин «интеллектуальное распределение» [8], который подразумевает, что потребитель узнает о новом продукте или услуге от приверженцев ЗОЖ, пропагандирующих новую культуру здоровья и увеличивающих число лояльных потребителей. Вовлеченность — заинтересованность потребителя в товаре, отражающая уровень высокого или низкого эмоционального возбуждения и мыслительной деятельности, сопровождающих

выбор товара и осуществление его покупки — становится одной из главных характеристик развития [9].

Итак, рынок продуктов здорового питания является одним из наиболее динамично растущих и конкурентных секторов экономики. Вместе с его ростом формируются новые стандарты потребления, расширяется охват потенциальной целевой аудитории. В условиях усиливающейся конкуренции особая роль отводится взаимодействию между компаниями и коммуникации с потребителями. Участники рынка используют комплекс маркетинговых мер, чтобы привлечь внимание аудитории к своему продукту, усиливается значимость правильно выбранной стратегии присутствия на рынке, позиционирование торговых марок зачастую связано с объемом занимаемой доли рынка. Многие торговые марки пользуются рациональными приемами позиционирования, т.е. фокусируют внимание аудитории на основных полезных свойствах товара, а для продвижения и распространения продукции используют комплекс каналов коммуникации с различными группами целевой аудитории, акцентируя внимание на преимуществах покупки именно ее продукции для каждого потенциального потребителя.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Погребова О. А. Сегментация российских потребителей отрасли товаров и услуг здорового образа жизни. *Вестник ЮУрГУ. Серия «Экономика и менеджмент»*. 2015;(3):119–128. DOI: 10.14529/em090317
2. Котлер Ф. Основы маркетинга. Краткий курс. Пер с англ. М.: Вильямс; 2007.
3. Королева И. Интегрированные маркетинговые коммуникации. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/integrirovannye-marketingovye-kommunikatsii>
4. Крылов А. В. Планирование рекламной кампании для БАД. URL: http://www.farosplus.ru/download/bad/bad_25/plan_recl_comp_bad.pdf
5. Тарасов Ю. В. Особенности современного фармацевтического продвижения. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/osobennosti-sovremennogo-farmatsevticheskogo-prodvizheniya>
6. Иншакова Н. Г. Помощник рекламиста, или Редактор рекламных текстов. М.: МЦФЭР; 2005.
7. Сенина М. В., Москвичева М. А. Основные элементы стратегии позиционирования БАД на фармацевтическом рынке Российской Федерации. *Молодой ученый*. 2016;(25):391–394.
8. Pilzer P. Z. *The New Wellness Revolution*. NY: John Wiley&Sons; 2007.
9. Кузнецова Л. В. Маркетинг продуктов питания: методологические аспекты влияния на развитие человеческого потенциала. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/marketing-produktov-pitaniya-metodologicheskie-aspekty-vliyaniya-na-razvitie-chelovecheskogo-potentsiala>

REFERENCES

1. Pogrebova O. A. Segmentation of Russian Consumers in the Sector of Healthy Living Products and Services. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Economics and Management*. 2015;9(3):119–128. DOI: 10.14529/em090317 (In Russ.).

2. Kotler P. Principles of Marketing. Moscow: Viliams Publ.; 2007. (In Russ.).
3. Koroleva I. Integrated marketing communications. <https://cyberleninka.ru/article/v/integrirovannye-marketingovye-kommunikatsii> (In Russ.).
4. Krylov A. V. Planning an advertising campaign for dietary supplements. http://www.farosplus.ru/download/bad/bad_25/plan_recl_comp_bad.pdf (In Russ.).
5. Tarasov Yu. V. Particularities of modern pharmaceutical promotion. <https://cyberleninka.ru/article/v/osobennosti-sovremennogo-farmatsevticheskogo-prodvizheniya> (In Russ.).
6. Inshakova N. G. Assistant advertiser, or editor of advertising texts. Moscow: MTsFER; 2005. (In Russ.).
7. Senina M. V., Moskvicheva M. A. The main elements of the strategy for positioning dietary supplements in the pharmaceutical market of the Russian Federation. *Young scientist*. 2016;(25):391–394. <https://moluch.ru/archive/129/35582>. (In Russ.).
8. Pilzer P. Z. The New Wellness Revolution. NY: John Wiley & Sons; 2007.
9. Kuznetsova L. V. Food Market Consumption Potential Integrated Assessment URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/marketing-produktov-pitaniya-metodologicheskie-aspekty-vliyaniya-na-razvitiye-chelovecheskogo-potentsiala>. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Елизавета Дмитриевна Горшкова — главный специалист пресс-службы, Финансовый университет, Москва, Россия

Elizaveta D. Gorshkova — Press-officer, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-8264-5499>

edgorshkova@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 03.05.2022; принята к публикации 15.05.2022.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was received on 03.05.2022; accepted for publication on 15.05.2022.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-3-30-35
УДК 316.772.4(045)

Межкультурная коммуникация: путь к солидарности между этническими сообществами

М.Р. Кармова, О.И. Максимова

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу межкультурной коммуникации как инструменту солидарности между этническими сообществами в эпоху глобализационных процессов. Межкультурная коммуникация, являясь доминантой и детерминантом современного общества, приобретает еще большее значение в связи с процессами глобализации и интенсивной миграции, необходимостью взаимодействия и мирного сосуществования больших и малых этнических групп, а также формирования культурного разнообразия общества. Авторы рассматривают вопросы коммуникации на уровне различных этнокультурных групп. В статье описаны проблемы теоретических и практических подходов к формированию межкультурной коммуникации, которые разрабатывались на протяжении нескольких десятилетий, а также представлены различные модели межкультурной коммуникации и их компоненты.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация; солидарность; этнические сообщества; глобализация

Для цитирования: Кармова М.Р., Максимова О.И. Межкультурная коммуникация: путь к солидарности между этническими сообществами. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(3):30-35. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-3-30-35

ORIGINAL PAPER

Intercultural Communication: The Road to Solidarity Between Ethnic Communities

M.R. Karmova, O.I. Maksimova

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article is devoted to the analysis of intercultural communication as solidarity between ethnic communities in the era of globalization processes. Intercultural communication, being the dominant and determinant of modern society, acquires even greater significance in connection with the processes of globalization and intensive migration, the need for interaction and peaceful coexistence of large and small ethnic groups and the formation of the cultural diversity of society. Authors discuss the problems of communication at the level of various ethnocultural groups. The article also describes the problems of theoretical and practical approaches to the formation of intercultural communication, which developed over several decades. In this paper, authors presented various models of intercultural communication and their components. The authors presented a short version of the definitions in the field of legislation.

Keywords: intercultural communication; solidarity; ethnic communities; globalization

For citation: Karmova M.R., Maksimova O.I. Intercultural communication: The road to solidarity between ethnic communities. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(3):30-35. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-3-30-35

Solidarity is not when you are forced to support, it is not when you are pressured, but when despite difficulties, despite circumstances, you support. These are different things.

M.V. Zakharova

Conflictogenic potential exists in the communication system always. Even if it is an interpersonal communication. Even if they are communicating with people close to

each other. In a certain sense, the algorithms of communication constitute in their totality a kind of program. But software products can conflict. And if culture is as a whole defined technically, using computer metaphor, as a collectively programmed brain, then software conflict can be easily explained by the differences in specific cultural communities of basic program elements: norms, values, attitudes, meanings as well as the means and forms of

implementation of all of the above in social practice. Incompatibility of programs is possible because there are different levels of cultural systems. In a sense, there is a global human culture — the culture of the species, then there are cultures that are less global, but similar within some huge and contingent communities — religious, natural-territorial, state, perhaps class, then there are ethnic communities, regional communities, then some real small groups — community, industrial, educational, then families as cultural systems, with their inherent traditions, values, norms, scenarios, intra-family roles, and, finally, the individual as a unique cultural system. There are also subcultures with their own characteristics, there is gender and age specificity within all of these systems. And all these mutually intersect and influence each other. At the same time, each individual is multi-identical, realizing and experiencing his or her identity to various cultural and social groups at the same time. What is surprising is not the program conflicts that lead to misunderstanding, but the very possibility of mutual understanding between people and groups. If we associate normativity with quantitative manifestations phenomena, then the question remains open as to whether constructive interaction or conflict is the norm? Knowledge of human history and analysis of events characteristic of contemporary processes of interaction between people and groups does not inspire optimism. Nevertheless, based on humanist orientation and just pragmatics, we believe that mutual understanding and cooperation should become the norm.

Modern sociocultural processes give rise to specific features of intercultural interaction, set new directions for theoretical research, and lead to a rethinking of traditional research methods and methodological approaches. In this context, there is a demand for a theoretical synthesizing of knowledge base acquired in the practice of cultural interaction, to identify more accurately intercultural differences, the specific characteristics of cultures, to reveal the mechanisms of intercultural interaction and the factors that contribute to an adequate understanding of what is happening.

The process of creating a multicultural environment is not easy, long, and sometimes contradictory, because a multicultural lifestyle has a high potential for conflict. This goal can only be achieved through the formation and development of intercultural communication skills among citizens of all ethnic groups.

For the first time, the term “intercultural communication” came into use in 1954 after the publication of the book “Culture as Communication” by E. Hall and V. Trager [1]. Subsequently, this concept received a deeper content. Theories of intercultural communication were developed, the most famous of them include: the theory of high and low contextual cultures of E. Hall [2], the theory of cultural dimensions of G. Hofstede [3], the theory of cultural literacy of E. Hirsch [4].

Problems of theoretical and practical approaches to the formation of intercultural communication have been developed over several decades. Foreign and domestic literature offers many definitions of the term “intercultural competence”. Among them — “the ability to reach mutual understanding with representatives of other cultural communities as successfully as with representatives of their own socio-cultural environment” [5]. Another definition interprets intercultural competence as “mutual recognition / confirmation of the cultural identity of the participants in the communicative process, while their interaction properly contributes to the development and improvement of the cultural identity of each participant” [6].

Numerous cases of ethno-cultural clashes in our time show that the cultural factor largely determines both mutual understanding and the division of peoples. The division of ethnic groups occurs when the participants in the process do not perceive the specificity of each other’s behaviour in view of the considerable cultural distance between them. In view of the above-mentioned reasons, the questions of the structure of intercultural competence, the mechanism of its formation, the creation of research methodology and methods of its teaching acquire special importance. However, today there is a conceptual vacuum in the cultural knowledge caused by the absence of new cognitive approaches and epistemological guidelines. Necessary for the study of intercultural interaction of its results. The relevance of the study of intercultural competence is due to the following circumstances:

The development of globalization processes

The growing sociocultural significance of the phenomenon of intercultural competence both in the global sociocultural space and in the theory of intercultural communication as a special cultural theory

The need to systematize the theoretical and methodological foundations, principles and

criteria of the concepts of intercultural competence developed by domestic and foreign researchers

Society's need for a personality type that possesses the necessary knowledge and skills of intercultural communication.

Intercultural communication is realized within various models. According to one of them, intercultural competence has six components, namely: tolerance towards uncertainty, behavioural flexibility, community awareness, knowledge acquisition, respect for others, empathy [7]. A more detailed model includes three interdependent aspects of intercultural communication:

1. Emotional (delicacy in matters of intercultural communication)

2. Cognitive (awareness of differences between cultures)

3. Behavioural (the ability to find a way out of a predicament).

The emotional aspect, the ability to express and accept a positive attitude in the framework of a dialogue of cultures, recognition, and respect for cultural differences, covers four components:

- 1.1. Self-assessment, the way a person perceives himself, interacting within the framework of intercultural communication. It determines how an individual communicates with people who are carriers of other cultures. It is known that the more positive self-esteem, the higher the likelihood that a person will be perceived with confidence.

- 1.2. Openness to new things, receptivity, and this desire to express one's position and to accept someone else's point of view, no matter how ambiguous it may seem, and no matter how contrasted with that which is accepted in the traditional culture of man. Anyone who is ready to combine established ideas with new ideas can interact more successfully within the framework of intercultural communication.

- 1.3. The aversion to judge others, the lack of categorization, is closely connected with the previous component, implies the absence of prejudice and the presence of a sincere desire to hear a person of a different culture.

- 1.4. The ability to ease tension, the absence of anxiety and anxiety associated with uncertainty and anticipation of the negative consequences of communication. The higher the expectation of an undesirable result of communication, the more anxious a person. As part of intercultural communication, this capable of causing feelings of fear, hatred, indignation, guilt, disgust.

The cognitive aspect of intercultural communication implies that in addition to the desire to communicate, a person must have knowledge of what can be appropriate and effective in the framework of this communication. It includes two components:

- 2.1. Knowledge of one's culture.

- 2.2. Knowledge of human culture of another ethnic group.

This knowledge will help to avoid uncertainty, help to perceive, and understand cultural differences and similarities.

The desire to find and learn about similarities in cultures reduces the risk of alienation and facilitates mutual understanding. In addition, they provide an opportunity to choose the behavioural forms of the faithful in terms of cultural adaptation. It is known that an individual belonging to two cultures is free to be limited in the choice of communication strategies and devoid of the need to reduce this communication to the performance of stereotypical roles.

The behavioural aspect of intercultural communication implies that, in addition to the delicacy in issues of intercultural communication and awareness of differences between cultures, one must be able to convey this attitude and use knowledge. This aspect includes five components:

- 3.1. The skill of transmitting a message, that is, knowledge of the language spoken by speakers of a different culture, to the extent and at a level that will help to avoid uncertainty and anxiety in communication.

- 3.2. Willingness to disclose information about yourself, the desire to dispel uncertainty to the extent that communication becomes comfortable. The amount of personal information provided should be monitored; in different cultures, its relevance is perceived differently.

- 3.3. Behavioural flexibility is a person's ability to adapt to different situations and contexts through the right choice of a behavioural model, especially considering that different cultures have different ideas about forms of social behaviour, such as speech etiquette, restrictions on the choice of topics for conversation, approaches to resolving conflict situations. The desire not to offend or offend the partner, the choice of behaviour that is expected, contributes to successful inter-ethnic communication.

- 3.4. Communication management implies the ability to build a smooth conversation, the art of starting and ending a conversation.

3.5. Sociability, sympathy, and the desire to support the self-esteem of the interlocutor [8].

It must be emphasized that any state should be a powerful tool to suppress interethnic conflicts, especially in the era of globalization processes.

The Russian authorities faced a serious obstacle — the absence of the very concept of “Russian nation”, which would suit everyone. To solve this problem, scientists of the Russian Academy of Sciences developed a dictionary of basic concepts in the field of national politics and interethnic relations. Academician, Co-chair of the Council, Academic Supervisor, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences Valery Tishkov said that the created glossary establishes the priority of understanding the Russian nation as a political rather than ethnic community. It also says that the Russian Federation is a nation-state with a diverse ethnic and religious composition of the population and regional specifics.

A Scientific Council on complex problems of ethnicity and interethnic relations appeared at the RAS. It was created in accordance with the instructions of the president to discuss the most important problems in the field of interethnic (interethnic) relations and the implementation of the State National Policy Strategy. In recent decades, any public mention of such concepts has become the occasion for fierce debate that did not lead to anything.

After the October meeting 2016 of the Presidential Council on Interethnic Relations in Astrakhan, when the head of state was proposed to adopt the law “On the Russian nation”, the media and social networks argued for a long time what it was and how it should be understood. Discussions continued on March 2, 2017, at a meeting of the working group to create the concept of law. Many were embarrassed in the name of the word “nation”, which since Soviet times has caused negative associations in part of society. According to Valery Tishkov [9], the members of the working group have not yet reached a final decision on what the bill should be called. Among the options — “On the Russian nation” and “On the foundations of state national policy”. It is possible that in the final version both names will be reflected.

Russian scientists have created a conceptual apparatus. A small terminology dictionary of state national policy has already been prepared for the first meeting of the Council. It reveals the following definitions: autonomy, including ethno-territorial and national-cultural; assimilation;

genocide; group rights; indigenous (aboriginal) peoples; xenophobia; interethnic (interethnic) harmony; minorities; nationalism; national state; national consciousness (identity); nation; racism; self-determination; separatism; ethnic community (ethnic group, ethnos).

For example, the national state is defined in the Glossary as a state with a common, controlled by the Central government economic and economic basis, with a common territory, common historical and cultural values of the inhabitants of the country. It is stipulated that the concept of “national state” should be distinguished from the concepts of “mono-ethnic state” and “multi-ethnic state”.

“The Russian Federation is a national state that has a diverse ethnic and religious composition of the population and is characterized by a large regional specificity”, the document says.

The article “Nation” notes that in modern science and law this means two types of human communities: a set of citizens of one state (political, or civil, nation) and ethnic community (ethno-nation). “Members of political Nations are distinguished by a General civil identity, or national identity, expressed in the correlation of the citizen with his country, which is reflected primarily in the name of its inhabitants (e.g., Americans, Indians, Spaniards, Chinese, Mexicans, Russians, French)”, the dictionary says.

The Russian nation, according to the Glossary — is a civil-political community, consolidated based on the historical Russian statehood, whose members have equal rights regardless of ethnicity, race, and religion.

In addition, the Glossary gives three meanings of the word “people”: it is a co-citizenship (Russian people, Russians), ethnic community (nationality), including indigenous peoples of the Russian Federation, or in general any gathering of people.

A SHORT VERSION OF THE CONCEPTS FOR THE GLOSSARY OF LEGISLATION

State national policy (state policy in the sphere of interethnic relations) — a system of targeted actions of state authorities, local self-government, civil society institutions to ensure the constitutional rights of the peoples and citizens of the Russian Federation for ethno-cultural development, ensuring harmonization of interethnic relations and strengthening on this basis the unity of the multinational people of the Russian Federation (Russian nation).

Civic identity — identification with the citizens of the country, the state-territorial space, the idea of the state, society, country, the image of “we” and a sense of community, solidarity, responsibility for the Affairs of the country.

Multinational people of the Russian Federation — the community of citizens of the Russian Federation of different nationalities, United by state unity, common interests, and historical and cultural values and aware of their belonging to the community of the Russian nation.

Interethnic relations — a set of political, socio-economic, cultural, linguistic, and other relations between people of different ethnicity in business, social and other spheres of communication.

The Russian nation is a civil-political community, consolidated on the basis of historical Russian statehood, whose members have equal rights regardless of ethnic, racial, and religious affiliation, common historical and cultural values, a sense of belonging to one people, civic responsibility, and solidarity.

Ethnic community — (group) — formed on the basis of a common culture and language, compactly or dispersed settled on the territory of the Russian Federation community of people, whose members have a common consciousness.

National (ethnic) affiliation — the attribution of an individual himself to a certain ethnic community on the basis of free will.

The people — 1. As fellow citizens (Russian people, Russians). 2. As an ethnic community (nationality), including indigenous peoples of the Russian Federation. 3. Like any cluster of people¹.

At the same time, scientists note that in Russia the ethnic understanding of the nation retains its influence, which is reflected in the political and scientific vocabulary and mass consciousness.

It is difficult to overestimate intercultural competencies: they expand the integration potential of the host society and increase the adaptive capabilities of migrants. Not possessing this competency can have extremely negative consequences in our dynamic, changeable transcultural and multi-confessional world. It is appropriate to recall the novel “Fiasco” by the Polish writer and philosopher S. Lem, in which he expressed the idea of deep pessimism on the contact of various civilizations, because they are separated not by

distance, but by culture and origin. He was echoed by the American political scientist S. Huntington, who in the article “Clash of Civilizations?” [10] predicted the third world war as a war of cultures, not political and economic systems. Thus, intercultural communication, being the dominant and determinant of modern society, acquires even greater significance in connection with the processes of globalization and intensive migration, the need for interaction and peaceful coexistence of large and small ethnic groups, overcoming closeness and cultural isolation, and the formation of the cultural diversity of society. This is especially true now, when “the mixture of peoples, languages, and cultures has reached unprecedented proportions and the problem of raising tolerance for foreign cultures, awakening interest and respect for them, overcoming the feeling of irritation from redundancy, insufficiency or simply the dissimilarity of other cultures” has become more acute than ever [11]. A favourable type of relationship between people of different cultures who do not infringe on the interests of a friend suddenly, in turn, characterizes the general state of society.

The experience and use of international languages and certain features of behavioural stereotypes can also be linked to the problem of globalization. We believe that external ethno-differentiating people can be attributed rather to the cognitive and spiritual sphere. For this reason, ethnic ideals and value orientations, all principles of worldview structure are manifested only when we say or do something. After all, our actions and linguistic expression of the evaluative categorization of the world are also ethnically or confessional specific, reflecting the results of our consciousness’s activity on the classification of values. Mastering the structure and dynamics of intercultural communication is necessary in the process of understanding and interpreting the behaviour of the interaction partner. Therefore, when studying the institutionalization of ethnicity, it is important to understand the processes involved in its formation in terms of cognitive analysis. Such an approach can lead us to the possibility or impossibility of institutional coherence in the absence or presence of communication errors and, consequently, conflicts. The public acceptance of even small ethnic groups through institutions such as public ethnocultural associations serves to shape the ideas of intercultural interaction at the level of civil society institutions in a poly-logical way, which in turn has specific goals, objectives,

¹ English/Russian Legal Glossary 2005. Translated from English into Russian by Yana Berrier, Esq.

and methods. The semantics of such a polylogue contains both external prescriptions and internal rules, which over time will be able to define the state cultural policy related to the recognition of the worldview credo that sets the goal of the ethnos and the meaning of its life.

REFERENCES

1. Hall E. Trager G. Culture as communication: A model and analysis. *Studies in Culture and Communication*. 1954;(3):137–149.
2. Hall E. Beyond culture. Garden City. N.Y.: Anchor Press; 1976.
3. Hirsch, E. D. A first dictionary of cultural literacy. Boston: Houghton Mifflin; 1989.
4. Hirsch, E. D. A first dictionary of cultural literacy. Boston: Houghton Mifflin; 1989.
5. Gez N.I., Frolova G.M. History of foreign methods of teaching foreign languages. Moscow: Publishing centre “Academy”; 2008.
6. Collier M. J. Cultural and intercultural communicative competence. Current approaches and directions for future research. *International Journal of Intercultural Relations*. 1989;(13):287–302.
7. Amerdinov M.M. Intercultural communication and competence. *Bulletin of Kyrgyz state University*. 2018;(1):102–109.
8. Chen G.-M., Starosta W.J. Intercultural communication competence: A synthesis. *Communication Yearbook*. 1996;(19):353–383.
9. Tishkov V.A, Stepanov V.V. Interethnic Relations, and Ethnocultural Education in Russia. *Vestnik Rossiiskoi Akademii Nauk*. 2017;87(10):879–890.
10. Huntington S.P. The Clash of Civilization? *Foreign Affairs*. 1993;(3):22–49.
11. Ter-Minasova S.G. Language and intercultural communication. Moscow: Moscow State University; 2004.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Марьяна Ризоновна Кармова — старший преподаватель департамента английского языка и профессиональной коммуникации, Финансовый университет, Москва, Россия
Maryana R. Karmova — Senior Lecturer, Department of English Language and Professional Communication, Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-7393-0119>
mkarmova@fa.ru

Ольга Игоревна Максимова — старший преподаватель департамента английского языка и профессиональной коммуникации, Финансовый университет, Москва, Россия
Olga I. Maksimova — Senior Lecturer, Department of English Language and Professional Communication, Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-7096-4724>
oimaksimova@fa.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 16.01.2022; принята к публикации 15.04.2022.
Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.
The article was received on 16.01.2022; accepted for publication on 15.04.2022.
The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-3-36-40
УДК 303(045)

Социологические исследования в цифровую эпоху: формирование базы знаний вычислительной социологии

К.Ф. Рафикова
РАНХиГС при Президенте РФ, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Непрерывный рост больших массивов данных и достижения в области компьютерных наук способствуют развитию такой отрасли знания, как вычислительная социология. У исследований, выполненных с использованием вычислительных методов для анализа больших данных, имеется высокий потенциал. Однако для создания теоретической базы вычислительной социологии необходимо провести множество фундаментальных работ. В данной статье предлагается создать базу знаний для вычислительной социологии. В ней собраны исследования, выполненные с применением вычислительных и математических методов, а также связанные с моделированием, машинным обучением и анализом социальных сетей. Существует ряд ограничений для использования таких методов в социальных науках, однако они значительно расширяют исследовательское поле.

Ключевые слова: вычислительные социальные науки; вычислительная социология; большие данные; моделирование; машинное обучение; социальные сети; цифровые следы

Для цитирования: Рафикова К.Ф. Социологические исследования в цифровую эпоху: формирование базы знаний вычислительной социологии. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(3):36-40. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-3-36-40

ORIGINAL PAPER

Sociological Research in the Digital Age: Forming the Knowledge Base of Computational Sociology

K.F. Rafikova
RANEPA, Moscow, Russia

ABSTRACT

The continuous growth of big data and developments in computational sciences have contributed to the development of such an area of knowledge as computational sociology. Research performed using computational methods to analyse big data have great potential. However, a lot of fundamental work needs to be done to establish the theoretical basis of computational sociology. This paper aims to build a knowledge base for computational sociology. It brings together research done using computational and mathematical methods, as well as related to modelling, machine learning, and social networks analysis. There are several limitations of employing such methods in the social sciences, but they significantly expand the research field.

Keywords: computational social sciences; computational sociology; big data; simulation; machine learning; social networks; digital footprints

For citation: Rafikova K.F. Sociological research in the digital age: Forming the knowledge base of computational sociology. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(3):36-40. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-3-36-40

Основной целью вычислительной социологии является описание, объяснение, моделирование и прогнозирование сложных масштабных социальных взаимодействий, процессов и явлений с помощью достижений компьютерных наук. Это междисциплинарное поле, основанное на данных социальных наук, статистики, информатики и инженерии. Благодаря такой интеграции появляется возможность применять математические методы к большим источникам цифровых данных.

Вычислительная социология имеет несколько особенностей. Во-первых, при любом исследовании предполагается работа с большими массивами данных, которые обладают рядом специфических свойств. Описание этих свойств представлено ниже. Во-вторых, вычислительная социология отталкивается от идеи, что общество — сложная система с эмерджентными свойствами [1]. Кроме того, нельзя забывать о моделировании (в частности, агентном моделировании, построении искусственных обществ) как об одном из основных инструментов при работе в рамках вычислительной социологии.

Исследования с использованием вычислительных методов дают возможность зафиксировать взаимосвязи между изначально неструктурированными данными и сделать детализированный обзор. Но надо понимать, что выявленные закономерности часто требуют дополнительной проверки с привлечением других массивов данных или теоретических экспликаций.

Задача статьи — охарактеризовать, опираясь на последние исследования в области вычислительных социальных наук, где и каким образом в социальных науках применяются вычислительные (математические) методы.

Большие массивы данных, которые собираются и обобщаются сегодня, обладают своей спецификой, связанной с цифровой эпохой. Для начала важно выделить разные средства их сбора. Доступными для исследователей являются данные из социальных сетей. Это может быть фиксация активности пользователей, регистрация изменений, информация о частоте использования или цифровые следы в целом. Данные также могут собираться с помощью различных цифровых устройств, в том числе посредством системы видеонаблюдения.

Данные датчиков в различных предметах (носимые биометрические гаджеты, личные

автомобильные навигаторы) также являются нетривиальным источником информации [2, с. 53]. История посещения сайтов, использование мобильных приложений и регистрация пользовательских действий образуют еще одну группу средств сбора больших массивов данных [3].

Большие данные обладают рядом неочевидных свойств, что выделяет их на фоне других собираемых массивов. Их огромный объем обеспечен высокой скоростью производства. Данные накапливаются и непрерывно увеличиваются. При этом они остаются гибкими, т.е. несут в себе свойства расширяемости и масштабируемости. Такие данные часто дают исследователям возможность провести подробный анализ, так как сами они обладают высоким уровнем детализации и внутренним многообразием [3].

Проанализировав средства сбора и свойства больших данных, можно отметить, что научные исследования адаптируются к изменениям.

Применение технологий в рамках вычислительной социологии (в контексте разговора о социальных науках) происходит не так, как в других областях знания. Разрабатываются гибридные методологии, а вычислительные (математические) методы сочетаются с уже устоявшимися и традиционными [4]. Некоторые методы анализа разрабатываются специально для работы с большими данными.

Попробуем описать, как используются вычислительные методы. Для этого обратимся к современным исследованиям в области вычислительной социологии. С помощью анализа цитирования выявим журналы, темы публикаций, а также авторов, которые активно работают в этой сфере.

Для удобства сгруппируем следующие тематические блоки: область знания, связанная с моделированием (например, имитационное моделирование), применение методов машинного обучения (анализ естественного языка, компьютерное зрение, анализ вкраплений слов), и то, каким образом исследователи работают с данными, полученными из социальных сетей (цифровые следы, поисковые запросы). Исследования в данной отрасли довольно тесно связаны с прогнозированием, поэтому в конце обзора обозначим, какие практические выводы возможно сделать.

Моделирование можно рассматривать, опираясь на различные подходы, например формализацию классических и современных социологических теорий (верификация взаимодействия

теоретических категорий «габитус» П. Бурдьё и «структура» Э. Гидденса [5]). Построение таких имитационных моделей дает возможность описать достаточно сложные процессы и увидеть противоречия, недоказательность, погрешности проанализированных теорий. Не все теории и их положения поддаются формализации, но в любом случае это довольно продуктивное направление исследования [6].

Построение моделей и формализация могут быть также использованы при проверке теорий среднего уровня (например, стратификация [7], социальное управление [8], солидарность [9]). Проведение таких операций требует качественной подготовки в области математических и статистических методов анализа данных.

Агентное моделирование представляет собой процесс построения модели на основе индивидуальных решений агентов и является уточнением имитационной модели. Благодаря таким моделям можно оценить влияние различных факторов на принятие решения (имитационная модель избирательной кампании [10]). На каждом следующем шаге агент (субъект) может изменить свое мнение, а соответственно, и повлиять на поведение системы в целом.

Завершая разговор о моделировании как методе вычислительной социологии, отметим, что вопросы социальной сложности тесно связаны с нелинейными структурами и взаимодействием социальных агентов. Имитационные модели являются хорошим инструментом в решении таких задач, но есть ряд проблем: иногда невозможно разработать функционирующую модель социологических теорий, поскольку основные концепты плохо поддаются операционализации. Помимо этого, существует риск несоответствия между имитационной моделью и реально действующим механизмом социальной жизни.

Применение машинного обучения оказалось полезным для науки в целом. Машинное обучение для социальных наук — особый инструмент, требующий обдуманного подхода. Здесь важны прозрачность (алгоритм не должен восприниматься как черный ящик или участвовать в создании и воспроизводстве неравенства [4]), этичность моделей и прогнозов, анализ последствий [11].

Используя методы машинного обучения, можно прогнозировать ненаблюдаемые результаты (например, в вопросах социального неравенства) [12]. Методика «вкрапления слов» позволяет оценить изменения касательно дискриминации,

отношения к женщинам и этническим меньшинствам на заданном промежутке времени. Анализируя соотношение текстовых данных с данными переписи населения, можно увидеть общественно значимые изменения (демографические, национальные, профессиональные) во времени [13].

Машинное обучение предлагает исследователям возможность анализа субъективного благополучия, основываясь на количественном анализе естественного языка, и тем самым представляет большой интерес для социологов [14].

Социальные сети — это один из традиционных и наиболее активно исследуемых предметов в вычислительной социологии. Пользователи постоянно генерируют новые данные (текстовые сообщения, изображения, видео), создавая довольно обширный источник информации для исследователей. С помощью цифровых следов и поисковых запросов можно выявить множество неочевидных закономерностей социального мира.

Исследования цифровых следов тесно связаны с предсказанием поведения личности [15]. Например, можно понять влияние социального взаимодействия на принятие экономических решений [16] или построить индекс социальной связности на основе дружеских связей в социальной сети [17]. В проблеме растущего количества отказов людей участвовать в опросах социальные сети тоже могут сыграть свою роль. Так, данные из социальной сети Twitter являются хорошей альтернативой, о чем свидетельствуют проведенные исследования [18].

Цифровые следы позволяют сделать выводы о здоровье населения [19], исследовать наркополитику страны [20], гендерное неравенство [21].

Анализ поисковых запросов — еще один мощный инструмент, который позволяет описать и объяснить распространение тех или иных процессов и явлений. Например, это может быть систематическое исследование распределения культурных вкусов, потребительских предпочтений и интересов по всему миру [22]. Поисковые запросы позволяют оценить межгрупповые предрассудки, а также восприимчивость определенных этнических групп к радикализации [23].

Приведенные примеры во многом свидетельствуют о практической эффективности развития вычислительной социологии. Отношение к прогностической составляющей исследования постепенно меняется, тем не менее прогнозирование в сложных социальных ситуациях требует лучшей стандартизации и описания.

Благодаря современным исследованиям формируется и дополняется представление о социальной науке как «идущей от данных», а не подтверждающей идеи эмпиризма [3]. Любые данные производятся и собираются в строго заданном контексте, что нужно учитывать в ходе исследования. Отсутствие специальных знаний (социальной «системы координат») может привести к тому, что полученные данные могут быть интерпретированы в неверном ключе.

По-прежнему важно придерживаться существующей научной методологии и критически относиться к производству знания исключительно на основе больших данных (например, при условии охвата генеральной совокупности).

В цифровую эпоху становится значимым тот факт, что далеко не все выявленные закономерности — содержательные и обоснованные. В конечном счете каждый конкретный способ сбора больших данных и их адаптации к различным исследовательским задачам должен быть тщательно обдуман.

Вычислительная социология формируется и открывает перед исследователями возможности выявления новых закономерностей функционирования обществ и отдельных процессов. Междисциплинарное сотрудничество, выраженное в качественной математической подготовке и знаниях социальной теории, имеет многообещающие научные перспективы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Tornberg P, Uitermark J. For a heterodox computational social science. *BIG DATA & SOCIETY*. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/205395172111047725>
2. Гринфилд А. Радикальные технологии: устройство повседневной жизни. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС; 2018.
Greenfield A. Radical technology: The structure of everyday life. Moscow: Publishing house "Delo". RANEPa; 2018. (In Russ.).
3. Китчин Р. Большие данные, новые эпистемологии и смена парадигм. Пер. с англ. *Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология:4М)*. 2017;(44):111–152.
Kitchin R. Big Data, New Epistemologies and Paradigm Shifts. Translated from English. *Sociology: Methodology, Methods, and Mathematical Modeling (Sociology:4M)*. 2017;(44):111–152. (In Russ.).
4. Edelmann A. et al. Computational Social Science and Sociology. *Annual Review of Sociology*. 2020;46(4):61–81.
5. Fararo T., Butts C. Advances in generative structuralism: Structured agency and multilevel Dynamics. *The Journal of Mathematical Sociology*. 1999;24(1):1–65.
6. Давыдов А.А. Математическая социология: обзор зарубежного опыта. *Социологические исследования*. 2008;(4):105–111.
Davydov A.A. Mathematical Sociology: Review of Foreign Experience. *Sociological Studies*. 2008;(4):105–111. (In Russ.).
7. Fararo T., Kosaka K. *Generating Images of Stratification: A Formal Theory*. N.Y.: Kluwer Academic Publishers; 2003.
8. McClelland K., Fararo T. *Purpose, Meaning and Action: Control Systems Theory in Sociology*. London.: Palgrave-Macmillan; 2006.
9. Doreian P., Fararo T. *The Problem of Solidarity: Theories and Models*. N.Y.: Gordon and Breach; 1998.
10. Евсеев Е.А., Ефимова Е.Д. Имитационная модель избирательной кампании. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/imitatsionnaya-model-izbiratelnoy-kampanii>
Evseev E.A., Efimova E.D. Simulation Model of Election Campaign. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/imitatsionnaya-model-izbiratelnoy-kampanii>. (In Russ.).
11. Wallach H. Computational Social Science = Computer Science + Social Data. *Communications of the ACM*. 2018;61(3):42–44.
12. Garip F. What Failure to Predict Life Outcomes Can Teach Us. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2020;117(15):8234–8235.
13. Garg N., Schiebinger L., Jurafsky D., Zou J. Word Embeddings Quantify 100 Years of Gender and Ethnic Stereotypes. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2018;115(6):3635–3644.
14. Hills T. T., Proto E., Sgroi D., Seresinhe C.I. Historical Analysis of National Subjective Wellbeing Using Millions of Digitized Books. *Nature Human Behaviour*. 2019;3(12):1271–1275.
15. Azucar D., Marengo D., Settanni M. Predicting the Big 5 Personality Traits From Digital Footprints on Social Media: A Meta-Analysis. *Personality and Individual Differences*. 2018;(124):150–159.

16. Bailey M., Cao R., Kuchler T., Stroebel J. The Economic Effects of Social Networks: Evidence From the Housing Market. *Journal of Political Economy*. 2018;126(6):2224–2276.
17. Bailey M., Cao R., Kuchler T., Stroebel J., Wong A. Social Connectedness: Measurement, Determinants, and Effects. *Journal of Economic Perspectives*. 2018;32(3):259–280.
18. Baghal T.A., Sloan L., Jessop C., Williams M.L., Burnap P. Linking Twitter and Survey Data: The Impact of Survey Mode and Demographics on Consent Rates Across Three UK Studies. *Social Science Computer Review*. 2020;38(5):517–532.
19. Chae D.H., Clouston S., Martz C.D., Hatzenbuehler M.L., Cooper H.L. F., Turpin R., Stephens-Davidowitz S., Kramer M.R. Area Racism and Birth Outcomes Among Blacks in the United States. *Social Science & Medicine*. 2018;(199):49–55.
20. Enghoff O., Aldridge J. The Value of Unsolicited Online Data in Drug Policy Research. *International Journal of Drug Policy*. 2019;(73):210–218.
21. Garcia D., Mitike Kassa Y., Cuevas A., Cebrian M., Moro E., Rahwan I., Cuevas R. Analyzing Gender Inequality Through Large-Scale Facebook Advertising Data. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2018;115(27):6958–6963.
22. Bail C.A., Brown T.W., Wimmer A. Prestige, Proximity, and Prejudice: How GoogleSearch Terms Diffuse across the World. *American Journal of Sociology*. 2019;124(5):1496–1548.
23. Bail C.A., Merhout F., Ding P. Using Internet Search Data to Examine the Relationship Between Anti-Muslim and Pro-ISIS Sentiment in U.S. Counties. *Science Advances*. URL: <https://www.science.org/doi/10.1126/sciadv.aao5948>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Ксения Фуатовна Рафикова — аспирант философско-социологического факультета Института общественных наук РАНХиГС, преподаватель кафедры теоретической социологии и эпистемологии философско-социологического факультета Института общественных наук РАНХиГС при Президенте РФ, Москва, Россия
Ksenia F. Rafikova — Postgraduate student in the Department of Philosophy and Sociology, Institute for Social Sciences, RANEPА; professor of the Department of Theoretical Sociology and Epistemology, Faculty of Philosophy and Sociology, Institute for Social Sciences, RANEPА, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-9876-015X>
KseniyaRafikova@yandex.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 30.03.2022; принята к публикации 27.04.2022.
Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.
The article was received on 30.03.2022; accepted for publication on 27.04.2022.
The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-3-41-51
УДК 311.2;311.4(045)

Статистическая оценка состояния кадрового потенциала в российской науке

М.Ю. Теплякова^а, М.Д. Хабиб^б, Е.И. Ларионова^с

^{а,б} Государственный университет управления, Москва, Россия;

^с Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье анализируется состояние ресурсного потенциала научной сферы Российской Федерации за период 2010–2020 гг. Авторами изучена динамика и структура организаций, выполнявших научные разработки, в разрезе секторов деятельности и типов организаций. Исследование численности работников научно-исследовательского сектора экономики РФ выполнено с учетом применяющихся в статистической практике различных группировок: по формам собственности, по секторам деятельности, типам организаций, областям науки. Особое внимание в работе уделено анализу категории «исследователи» как основной в сфере научной деятельности. Авторы рассматривают в динамике распределение исследователей по секторам научной деятельности, уровню квалификации, а также исследуют их возрастной состав.

Ключевые слова: научные исследования и разработки; кадровый потенциал; сектора деятельности; квалификация научных кадров; область научной деятельности

Для цитирования: Теплякова М.Ю., Хабиб М.Д., Ларионова Е.И. Статистическая оценка состояния кадрового потенциала в российской науке. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(3):41-51. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-3-41-51

ORIGINAL PAPER

Statistical Assessment of the State of Human Resources in Russian Science

M. Yu. Teplyakova^а, M.D. Khabib^б, E.I. Larionova^с

^{а,б} State University of Management, Moscow, Russia;

^с Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article is devoted to the analysis of the state of the resource potential of the scientific sphere of the Russian Federation for 2010–2020. The article analyses the dynamics and structure of organizations that have carried out research and development in the context of sectors of activity and types of organizations. The study of the number of employees in the research sector of the economy of the Russian Federation was carried out taking into account various groupings used in statistical practice: by ownership forms, by sectors of activity, types of organizations, areas of scientific activity. Special attention in the study is paid to the analysis of the category of researchers as the main category of scientific workers. The dynamics of the distribution of researchers by sectors of scientific activity, by skill level, and, also, investigated their age composition.

Keywords: research and development; human resources; sectors of activity; qualification of scientific personnel; field of scientific activity

For citation: Teplyakova M. Yu., Khabib M.D., Larionova E.I. Statistical assessment of the state of human resources in the Russian science. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of Financial University*. 2022;12(3):41-51. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-3-41-51

ВВЕДЕНИЕ

Успех экономического и технологического развития государства невозможен без эффективного наращивания его научного потенциала [1, 2]. Таким образом, определяющим фактором здесь являются кадровые ресурсы, которые должны в полной мере и объеме обеспечивать проведение таких научно-исследовательских изысканий и работ, которые в дальнейшей перспективе могут использоваться для научно-технического развития страны [3].

«Уровень кадрового научного потенциала должен соответствовать значимости поставленных перед наукой задач — как по масштабам, так и по достаточно высокой квалификации всех категорий работников, занятых научными исследованиями и разработками. Перечисленные выше требования должны лежать в основе кадровой политики любой страны в сфере науки»^{1,2}.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Базовой основой в системе показателей оценки кадрового потенциала в сфере научно-исследовательской деятельности является число научно-исследовательских организаций и количество работников в них.

В РФ за 2010–2020 гг. число таких организаций выросло на 19,6% и составило 4175 единиц [4] (рис. 1). Причем, существенный рост таких организаций наблюдался только в период 2010–2015 гг., а в 2016–2020 гг. было колебание их числа — как в сторону уменьшения, так и в сторону увеличения. В результате к 2020 г. количество организаций, выполнявших исследования и разработки (далее — ИР) в РФ, было таким же, как в 2015 г.

Наибольшее число предприятий, выполняющих ИР в Российской Федерации, относится к двум секторам деятельности — государственно-му и предпринимательскому (табл. 1). При этом их совокупная доля от общего числа организаций за период 2010–2020 гг. снизилась с 80,3 до 70,2%, несмотря на увеличение числа организаций на 1212 ед., или 4,3%.

Число научно-исследовательских организаций в государственном секторе увеличилось

на 7,2%, в предпринимательском секторе — на 1,5%. Следует также отметить, что к 2020 г. число таких организаций в государственном секторе стало превышать число соответствующих организаций в предпринимательском секторе, а их доли составляли 36,0 и 34,2% соответственно от совокупности представленных организаций. Возможно, недостаток усилий частных компаний по развитию собственных научных подразделений был призван восполнить государственные корпорации, созданные для деятельности в сфере высоких технологий, что и привело к изменению такого численного соотношения.

Следует отметить, что за исследуемый период в секторе высшего образования наблюдается значительное увеличение научно-исследовательских организаций, их прирост составил 75,0%, а количество таких организаций в некоммерческом секторе увеличилось более чем в 2 раза (табл. 1).

Анализ распределения организаций по их типам за период 2010–2020 гг. показал заметные изменения в их структуре (табл. 2).

Если в 2010 г. более половины организаций (52,7%) научно-исследовательского сектора составляли научно-исследовательские организации, деятельность которых была обособлена от производства и образования, то в 2020 г. их количество снизилось до 39,1% (1633 ед.), доля конструкторских организаций снизилась с 10,4% (362 ед.) до 5,7% (239 ед.). Наибольшее же сокращение произошло у проектных и проектно-изыскательских организаций — их число уменьшилось на 66,7%, конструкторских организаций стало меньше на 34,0%, опытных заводов — на 25,5%.

Кроме того, анализ показал и противоположную тенденцию: количество организаций высшего образования увеличилось на 87,4%, организаций промышленности, имевших научно-исследовательские, проектно-конструкторские подразделения — на 85,3%, прочих организаций — на 45,6%. Разнонаправленная динамика соответственно привела и к существенным структурным изменениям в составе организаций в сфере научных исследований.

Вторым направлением анализа по представленной проблеме является изучение динамики численности персонала, занятого научно-исследовательской деятельностью и разработками (табл. 3). К концу 2020 г. число работников данной сферы деятельности составило 679 333 тыс. чел. По сравнению с 2010 г. численность персона-

¹ Указ Президента РФ от 07.07.2011 № 899 «Об утверждении приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в Российской Федерации и перечня критических технологий Российской Федерации».

² Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. URL: www.minobrnauki.gov.ru

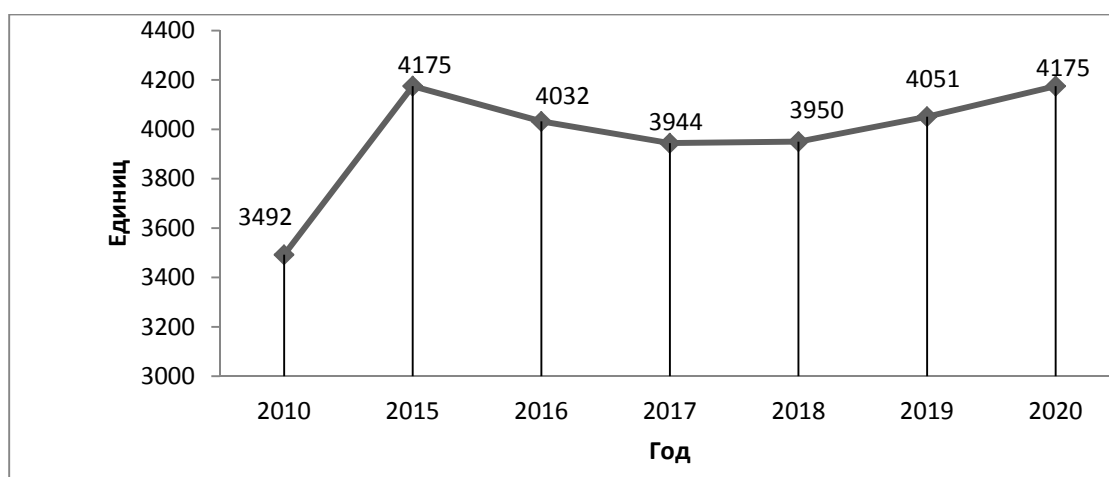

Рис. 1 / Fig. 1. Динамика организаций, осуществляющих ИР в Российской Федерации / Dynamics of Organizations Implementing R&D in the Russian Federation

Источник / Source: составлено по [4]. URL: www.gks.ru / compiled according to [4]. URL: www.gks.ru.

Таблица 1 / Table 1

Структура распределения российских организаций, осуществлявших ИР по секторам деятельности / Distribution structure of Russian organizations that carried out R&D by sectors of activity

Сектор деятельности	2010 г.		2020 г.		2010–2020 гг.	
	единиц	%	единиц	%	единиц	%
Всего	3492	100,0	4175	100,0	+683	119,6
в том числе:						
В государственном секторе	1400	40,1	1501	36,0	+101	107,2
В предпринимательском секторе	1405	40,2	1426	34,2	+21	101,5
В секторе высшего образования	617	17,7	1080	25,9	+463	175,0
В секторе некоммерческих организаций	70	2,0	168	4,0	+98	240,0

Источник / Source: составлено авторами по [4]. URL: www.gks.ru / compiled by the authors according to [4]. URL: www.gks.ru.

ла, занятого данной деятельностью, сократилась на 7,8%.

В 2010–2020 гг. на работников научно-исследовательского сектора приходилось около 1% от общей численности занятых в российской экономике. Однако в наиболее развитых странах — членах ЕС этот показатель варьируется от 1,32 (Бельгия) до 2,17% (Финляндия), что демонстрирует заметное отставание в значении данного показателя по России [5, 6].

Анализ динамики численности персонала, занятого исследованиями и разработками, по типам организаций в исследуемый период выявил тенденцию к его снижению: в научно-исследовательских организациях (–10,7%), конструкторских организациях (–34,2%), в проектных и проектно-изыскательских организациях (–69,1%), т.е. имен-

но в тех организациях, основным видом деятельности которых являются научные исследования, изыскания и разработки. Одновременно отмечен существенный рост численности персонала на опытных заводах (+37,9%), в образовательных организациях высшего образования (+29,2%), организациях промышленности, имевших научно-исследовательские и проектно-конструкторские подразделения (+22,0%) и прочих организациях (+36,9%). Указанные изменения привели к соответствующим структурным сдвигам: совокупная доля работников перечисленных организаций снизилась с 81,3% в 2010 г. до 72,7% в 2020 г.

В то же время выросла доля научных работников: организаций высшего образования — на 2,5 п.п., организаций промышленности — на 2,3 п.п., прочих организаций — на 3,7 п.п. Следует

Таблица 2 / Table 2

**Структура распределения российских организаций, выполнявших ИР по типам /
Distribution structure of Russian organizations performing R&D by types**

Тип организации	2010 г.		2020 г.		2010–2020 гг.	
	единиц	%	единиц	%	единиц	%
Всего	3492	100,0	4175	100,0	683	+19,6
Научно-исследовательские	1840	52,7	1633	39,1	–207	–11,2
Конструкторские	362	10,4	239	5,7	–123	–34,0
Проектные и проектно-изыскательские	36	1,0	12	0,3	–24	–66,7
Опытные заводы	47	1,4	35	0,8	–12	–25,5
Образовательные организации высшего образования	517	14,8	969	23,2	+452	+87,4
Организации промышленности, имевшие научно-исследовательские, проектно-конструкторские подразделения	238	6,8	441	10,6	+203	+85,3
Прочие	452	12,9	846	20,3	+394	+87,2

Источник / Source: составлено авторами по [4]. URL: www.gks.ru / compiled by the authors according to [4]. URL: www.gks.ru.

Таблица 3 / Table 3

Численность персонала, занятого исследованиями и разработками в Российской Федерации, по типам организаций / Number of personnel engaged in research and development in the Russian Federation, by types of organizations

Тип организации	2010 г.		2020 г.	
	человек	%	человек	%
Всего	736 540	100,0	679 333	100,0
В том числе:				
Научно-исследовательские организации	435 304	59,1	388 757	57,2
Конструкторские организации	157 146	21,3	103 346	15,2
Проектные и проектно-изыскательские организации	6324	0,9	1955	0,3
Опытные заводы	1558	0,2	2148	0,3
Образовательные организации высшего образования	46 776	6,4	60 436	8,9
Организации промышленности, имевшие научно-исследовательские, проектно-конструкторские подразделения	51 807	7,0	63 189	9,3
Прочие	37 625	5,1	59 502	8,8

Источник / Source: составлено авторами по [4]. URL: www.gks.ru / compiled by the authors according to [4]. URL: www.gks.ru.

отметить, что доля научного персонала опытных заводов в общей численности сотрудников, выполняющих исследования и разработки, в рассматриваемый период увеличилась всего на 0,1 п.п. (табл. 3).

Анализ движения персонала организаций, занятых ИР, показал снижение в 2010–2020 гг. приема работников — с 12,9 до 12,5%, выбытие работников — с 13,7 до 13,4% и текучесть кадров — с 8,5 до 8,2%. Однако в 2001 г. эти значения были

Таблица 4 / Table 4

Численность персонала, занятого исследованиями и разработками, по формам собственности в Российской Федерации / Number of personnel engaged in research and development, by type of ownership in the Russian Federation

Форма собственности	2010 г.		2020 г.	
	человек	%	человек	%
Всего	736 540	100,0	679 333	100,0
Российская собственность	726 234	98,6	669 369	98,5
Государственная	575 035	78,1	388 642	57,2
Муниципальная	170	0,1	116	0,1
Общественных организаций	512	0,1	1266	0,2
Частная	66 906	9,1	107 223	15,8
Смешанная	78 464	10,7	121 429	17,9
Государственных корпораций	4879	0,7	50 693	7,5
Иностранная	1130	0,2	4905	0,7
Совместная российская и иностранная	9176	1,2	5059	0,8

Источник / Source: составлено авторами по [4]. URL: www.gks.ru / compiled by the authors according to [4]. URL: www.gks.ru.

значительно выше и составляли соответственно: 14,9, 15,5 и 10,5% [4].

Для оценки масштабов научной деятельности по типам организаций был введен аналитический индикатор — численность персонала, осуществлявшего ИР в расчете на одну соответствующую организацию. Его значение сократилась с 211 чел. в 2010 г. до 163 чел. в 2020 г. Максимальные значения показателя наблюдались в 2020 г.: в конструкторских организациях — 432 чел. (что фактически соответствует уровню этого показателя в 2010 г.); в научно-исследовательских организациях — 238 чел.; в промышленных организациях — 163 чел. Существенный рост показателя — с 33 чел. в 2010 г. до 61 чел. в 2020 г. отмечен на опытных заводах.

Можно также отметить, что увеличение числа организаций высшего образования и их работников, занятых научными исследованиями, не привело к пропорциональному росту рассчитанного показателя, наоборот, произошло достаточно заметное снижение значения показателя: с 90 чел. в 2010 г. (на одну организацию) до 60 чел. в 2020 г.

Что касается персонала, занятого исследованиями и разработками, его наибольшее количество приходится на предприятия российской формы собственности: 98,6% — в 2010 г. и 98,5% — в 2020 г. (табл. 4).

За период с 2010 по 2020 г. этот показатель практически не изменился. Следует отметить, что за это время произошло перераспределение персонала, работающего на предприятиях с иностранной и совместной — российской и иностранной — собственностью. Если в 2010 г. на иностранные предприятия приходилось 0,2% персонала, а на совместные — 1,2%, то в 2020 г. доли персонала, работающего на иностранных и совместных предприятиях, почти сравнялись: 0,7 и 0,8% соответственно.

В 2010–2020 гг. произошли существенные изменения в структурном распределении персонала, занятого исследованиями и разработками на российских предприятиях, — наблюдалось снижение удельного веса научных работников предприятий государственного сектора: с 78,1 до 57,2%. Однако к 2020 г. численность персонала государственных корпораций увеличилась на 45,8 тыс. чел., что соответственно привело к росту ее удельного веса в общей численности с 0,7% в 2010 г. до 7,5% в 2020 г. Также произошло увеличение доли персонала, занятого ИР на предприятиях частного сектора, — с 9,1 до 15,8% (табл. 4).

Персонал, занятый исследованиями и разработками в предпринимательском секторе, и в 2010 г., и в 2020 г., составлял более половины

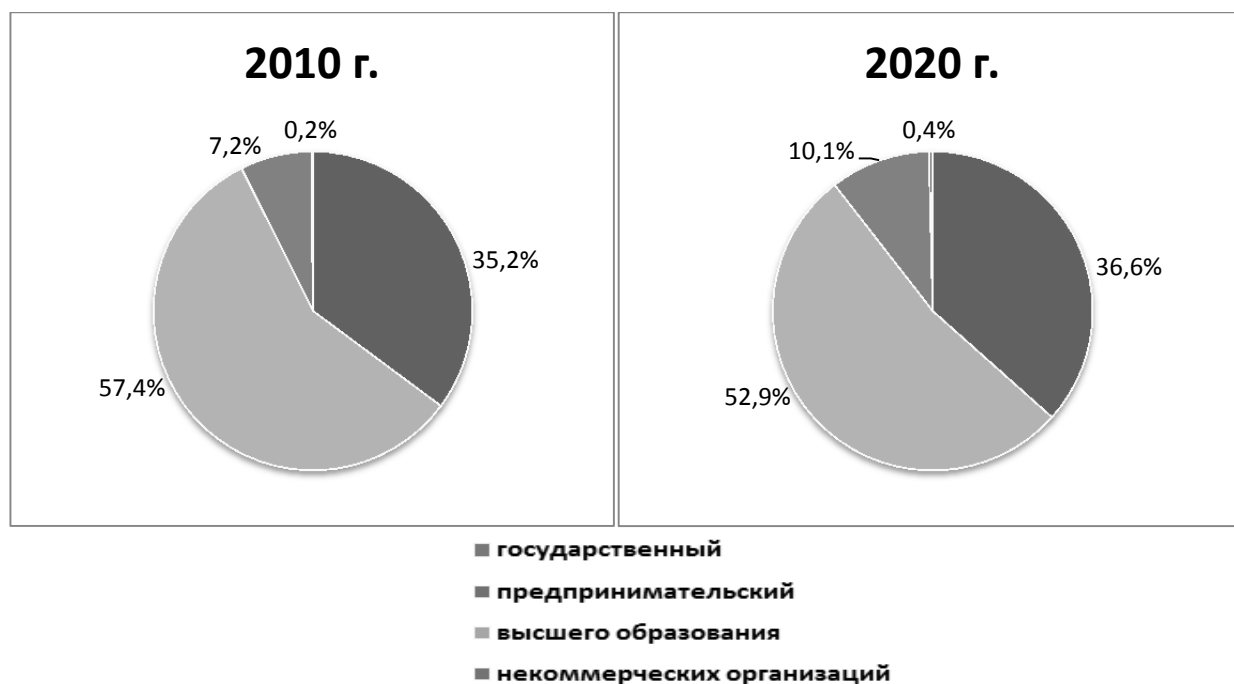

Рис. 2 / Fig 2. Структура персонала, занятого исследованиями и разработками, по секторам деятельности в Российской Федерации / The structure of personnel engaged in research and development, by sectors of activity in the Russian Federation

Источник / Source: составлено авторами по [4]. URL: www.gks.ru / compiled by the authors according to [4]. URL: www.gks.ru.

от общей численности — 57,4 и 52,9% соответственно⁵. Снижение доли произошло вследствие сокращения его численности с 423,1 до 359,3 тыс. чел. (рис. 2).

За анализируемый период также отмечено сокращение численности персонала в государственном секторе: с 299,3 тыс. чел., занятого научными исследованиями и разработками, в 2010 г. до 248,7 тыс. чел. в 2020 г., что привело к снижению его доли на 4,0% и составило 36,6%.

Из общего числа работников научно-исследовательского сектора в секторе высшего образования к концу 2020 г. работало 68,9 тыс. чел. (что на 29,2% больше, чем в 2010 г.), а в секторе некоммерческих организаций — 2,5 тыс. чел. (в 2,2 раза больше, чем в 2010 г.). Но, несмотря на высокие темпы роста численности в этих секторах, их доля и в 2010 г., и в 2020 г. оставалась незначительной по сравнению с государственным и предпринимательским секторами деятельности (рис. 2).

Анализ кадрового потенциала науки невозможен без оценки уровня его образования. Уровень образования персонала, занятого исследованиями и разработками в России, достаточно высокий (табл. 5).

Из всей численности персонала, занятого исследованиями и разработками, высшее образование в 2020 г. имели 76,4%, что на 9,3% выше уровня 2010 г. Вместе с тем наблюдается снижение доли персонала, имеющего среднее профессиональное образование: с 14,9 до 11,0%. Данная тенденция может негативно отразиться на качестве проведения исследований, так как этой деятельностью занимаются научные работники со средним профессиональным образованием.

Для анализа мы разделили людей, занятых этой деятельностью, на четыре категории, в соответствии с характером выполняемых работ:

1. Исследователи — персонал организаций, профессионально занимающийся научными исследованиями и разработками и непосредственно создающий новые знания, продукты, технологии.

2. Техники — работники, которые выполняют технические функции под руководством исследователей.

3. Персонал — те, кто выполняет вспомогательные функции, связанные с проведением научных исследований.

4. Прочий персонал — работники кадровой службы, канцелярии, подразделений материально-технического обеспечения и т.п.

⁵ Федеральная служба государственной статистики. URL: www.gks.ru.

Таблица 5 / Table 5

Структура кадрового потенциала научно-исследовательского сектора в РФ по уровню образования / The structure of the personnel potential of the research sector in the Russian Federation by level of education

Образование	2010 г.		2020 г.	
	человек	%	человек	%
Всего	736 540	100,0	679 333	100,0
Высшее	493 852	67,1	518 917	76,4
Среднее профессиональное	109 158	14,9	85 533	12,6
Прочее	133 530	18,0	74 883	11,0

Источник / Source: составлено авторами по [4]. URL: www.gks.ru / compiled by the authors according to [4]. URL: www.gks.ru.

Таблица 6 / Table 6

Структура кадрового потенциала научно-исследовательского сектора в РФ по категориям / The structure of the human resources potential of the research sector in the Russian Federation by category

Категория работника	2010 г.		2020 г.		2010–2020 гг.	
	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс.чел.	п.п.
Всего	736,5	100,0	679,3	100,0	-57,2	-
В том числе						
Исследователи	368,9	50,1	346,5	51,0	-22,4	+0,9
Техники	59,3	8,0	59,6	8,8	0,3	0,8
Вспомогательный персонал	183,7	24,9	158,3	23,3	-25,4	-1,6
Прочие	124,6	16,9	114,9	16,9	-9,7	0,0

Источник / Source: составлено авторами по [4]. URL: www.gks.ru / compiled by the authors according to [4]. URL: www.gks.ru.

Исследование показало, что практически по всем категориям за анализируемый период произошло снижение численности: вспомогательного персонала — на 25,4 тыс. чел., исследователей — на 22,4 тыс. чел., прочего персонала — на 9,7 тыс. чел. Только по категории техников наблюдалось незначительное увеличение численности — на 0,3 тыс. чел. (табл. 6).

Изучение структуры кадрового потенциала научно-исследовательского сектора по категориям показал, что больше всего в данной отрасли задействовано исследователей — на 2020 г. их было 346,5 тыс. чел. Причем, несмотря на уменьшение численности этой категории работников, их удельный вес в общей численности работников вырос на 0,9 п.п.: с 50,1% в 2010 г. до 51,0% в 2020 г. (табл. 6).

Степень концентрации по категориям персонала, занятого исследованиями и разработками, за 2010–2020 гг. оставалась на умеренном уровне. Индекс Херфиндаля-Хиршмана в течение исследуемого периода составлял 0,35.

Далее был выполнен более детальный анализ самой многочисленной категории данного сектора — «исследователи». Отметим, что они являются основными участниками процесса создания всего нового в науке, а именно знаний, продуктов, технологий. В период 2010–2020 гг. в Российской Федерации не наблюдалось устойчивой динамики роста или сокращения численности категории исследователей, однако к концу 2020 г. она все же уменьшилась по сравнению с 2010 г. на 6,1% (табл. 6).

Анализ динамики численности исследовательского персонала в областях научных исследова-

Структура исследовательского персонала в Российской Федерации / The structure of research personnel in the Russian Federation

Область научных исследований	2010 г.		2020 г.		Имеют степень кандидата, доктора наук, %	
	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	2010 г.	2020 г.
Естественные	89,4	24,2	81,0	23,4	43,7	42,1
Технические	224,6	60,9	209,0	60,3	24,6	22,9
Медицинские	16,5	4,5	14,6	4,2	11,0	9,3
Сельскохозяйственные	12,7	3,5	9,5	2,8	6,2	5,2
Общественные	14,3	3,9	20,1	5,8	7,5	12,6
Гуманитарные	11,3	3,0	12,3	3,5	7,0	7,9
Всего	368,9	100,0	346,5	100,0	100,0	100,0

Источник / Source: составлено авторами по [4]. URL: www.gks.ru / compiled by the authors according to [4]. URL: www.gks.ru.

ний в рассматриваемый период показал ее рост в сфере общественных и гуманитарных наук [4]. В сфере естественных, технических, медицинских и сельскохозяйственных наук наблюдается снижение числа исследователей (табл. 7).

Самое большое число работников категории «исследователи» к 2020 г. наблюдалось в сфере технических наук — 209 тыс. чел. (60,3% от общего числа), далее идут естественные науки — 81 тыс. чел. (23,4%). На сельскохозяйственные, медицинские, гуманитарные и общественные науки приходилось от 2,8 до 5,8% от общего количества исследователей — от 9,5 до 20 тыс. чел. (табл. 7).

При изучении кадрового потенциала науки также важен анализ уровня квалификации исследователей. В 2020 г. количество исследовательского персонала со степенью кандидата или доктора наук в РФ составило 99 122 чел., это на 5992 чел. меньше, чем в 2010 г. Причем, в течение 2010–2015 гг. наблюдалась устойчивая динамика роста исследователей с учеными степенями. К 2015 г. их было 111 533 чел. (на 6,1% больше, чем в 2010 г.). Однако все последующие годы число исследователей, имеющих ученую степень, уменьшалось. При этом их удельный вес оставался практически неизменным — 28,5%.

Соотношения численности кандидатов и докторов наук было практически неизменным — 75 и 25% соответственно (рис. 3).

В целом по всем областям научных исследований наибольший процент ученых с кандидатской или докторской степенью в 2010–2020 гг. наблю-

дался в сфере естественных и технических наук. Суммарно на эти области приходилось более 65% исследовательского персонала высшей квалификации (табл. 5). В то же время следует отметить положительную динамику доли исследователей высшей квалификации в области общественных наук: 7,5% в 2010 г. и 12,6% к 2020 г.

Внутри каждой научной области наибольшая доля исследовательского персонала высшей квалификации (кандидат наук, доктор наук) в 2020 г. приходилась на сферы: гуманитарных (63,6%), медицинских (62,9%) и общественных (62,4%) наук. Более 50% исследователей с ученой степенью занимались естественными (51,5%) и сельскохозяйственными (53,7%) науками. В области технических наук трудилось только 10,9% исследователей с ученой степенью⁴.

Далее представлен анализ возрастного состава общего числа исследователей и тех, кто имеет научную степень. За 2010–2020 гг. наблюдается существенное омоложение состава исследователей. Если в 2010 г. молодых ученых (до 40 лет) было 35,5%, то к 2020 г. их количество увеличилось до 44,3% от общего числа исследователей. Аналогичная картина наблюдается и среди исследователей с кандидатской степенью (табл. 8).

Из данных табл. 8 следует, что произошло омоложение модального возраста исследователей, имеющих ученую степень. Если в 2010 г. модальный возраст исследователей с кандидат-

⁴ Федеральная служба государственной статистики. URL: www.gks.ru.

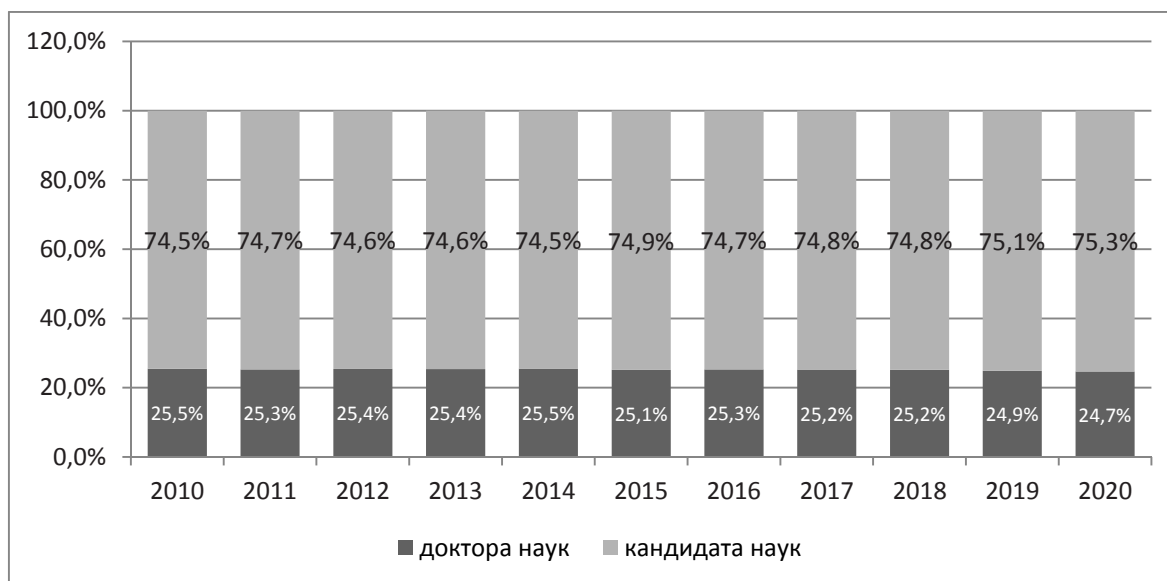

Рис. 3 / Fig. 3. Структура распределения исследователей, имеющих ученую степень в Российской Федерации / Structure of the distribution of researchers with a degree in the Russian Federation

Источник / Source: составлено авторами по [4]. URL: www.gks.ru / compiled by the authors according to [4]. URL: www.gks.ru.

Таблица 8 / Table 8

Возрастная структура исследователей с ученой степенью, % / Age structure of researchers with academic degrees, %

Группы по возрасту (лет)	2010 г.			2020 г.		
	Исследовательский персонал	в том числе		Исследовательский персонал	в том числе	
		доктора наук	кандидаты наук		доктора наук	кандидаты наук
До 29	19,3	0,2	5,6	16,3	0,2	2,4
30–39	16,2	2,4	19,4	28,0	2,1	27,2
40–49	14,7	8,9	15,5	17,3	10,1	23,3
50–59	24,0	26,9	24,0	14,1	16,7	15,6
60–69	16,5	28,9	20,5	14,9	32,2	17,5
70 и старше	9,3	32,7	15,0	9,4	38,7	14,0
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Средний возраст, лет	48,0	63,0	52,9	46,1	64,5	51,1
Коэффициент вариации, %	30,2	17,0	26,0	34,3	16,8	28,5

Источник / Source: составлено авторами по [4]. URL: www.gks.ru / compiled by the authors according to [4]. URL: www.gks.ru.

ской степенью находился в интервале 50–59 лет, то к 2020 г. — в интервале 30–39 лет. Однако доля исследователей данной категории в 2020 г. составила 21,5%, что ниже уровня 2010 г. на 1,1 п.п. Как положительный момент следует отметить увеличение доли ученых с кандидатской

степенью в возрастной категории 40–49 лет (с 15,5% в 2010 г. до 23,3% в 2020 г.), так как данный возраст является одним из самых продуктивных.

В возрастной структуре докторов наук продолжает увеличиваться доля этой категории ученых

в возрасте от 60 и старше 70 лет: 61,6% в 2010 г. и 70,9% в 2020 г.

Особый интерес представляет анализ динамики среднего возраста исследователей и проведение оценки степени его надежности как обобщающей характеристики. В 2020 г. средний возраст исследовательского персонала высшей квалификации, т. е. имеющих кандидатскую и докторскую степень, составил 46,1 года. По сравнению с 2010 г. он снизился на 1,9 года. На 1,8 года снизился и средний возраст кандидатов наук, который составил в 2020 г. 51,1 года. В то же время средний возраст докторов наук вырос в 2020 г. до 64 лет (в 2010 г. он составлял 63 года) (табл. 8).

Так как уровень коэффициента вариации по каждой возрастной группе исследователей не превышал в рассматриваемом периоде 40%, то можно сделать вывод о том, что показатели среднего возраста исследователей являются надежной обобщающей характеристикой (табл. 8).

ВЫВОДЫ

Одной из целей государственной программы «Научно-технологическое развитие Российской Федерации», сроки реализации которой запланированы на период 2019–2030 гг., является увеличение числа молодых ученых в возрасте до 39 лет и увеличение этой доли до 51,1%⁵. Выполненное исследование показало, что определенные результаты на пути к достижению поставленной цели уже получены — наметилась тенденция снижения среднего возраста исследователей, имеющих ученые степени. Вместе с тем анализ выявил ряд проблем в состоянии кадрового потенциала российской науки. Полученные в ходе анализа результаты можно использовать в разработке основных направлений и положений кадровой политики в процессе реформирования научных организаций, занятых исследованиями и разработками.

⁵ Государственная программа Российской Федерации «Научно-технологическое развитие Российской Федерации». URL: <https://base.garant.ru/72216664/>

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Миндели Л.Э., Черных С.И., Чистякова В.Е. и др. Ресурсное обеспечение российской науки: проблемы и решения. М.: ИПРАН РАН; 2019.
2. Пипия Л.К., Чистякова, В.Е. Кадровый потенциал науки: с чем Россия идет в будущее. *Инновации*. 2021;5(271):17–34.
3. Бобылева С.Н. От знаний к благосостоянию: интеграция науки и высшего образования для развития России. URL: <https://ac.gov.ru/archive/files/publication/a/19663.pdf>
4. Гохберг Л.М., Дитковский К.А., Евневич Е.И. и др. Индикаторы науки: 2021. Статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ; 2021. 352 с.
5. Гуреева Ю.А., Ерохина Е.В. Динамика развития кадрового потенциала в сфере исследований и разработок. *Вестник Алтайской академии экономики и права*. 2020;(11–1):27–33.
6. Зырянов В.В., Мосичева И.А., Прудникова М.В. Кадровый потенциал современной российской науки. Исследователь XXI века: формирование компетенций в системе высшего образования. Монография. М.: Издательство «Геоинфо»; 2018.

REFERENCES

1. Mindeli L.E., Chernykh S.I., Chistyakova V.E. Resource provision of Russian science: problems and solutions. Moscow: IPRAN RAN; 2019. (In Russ.).
2. Pipyia L.K., Chistyakova, V.E. Personnel potential of science: with what Russia goes into the future. *Innovation*. 2021;5(271):17–34. (In Russ.).
3. Bobyleva S.N. From knowledge to well-being: the integration of science and higher education for the development of Russia. URL: <https://ac.gov.ru/archive/files/publication/a/19663.pdf>. (In Russ.).
4. Gokhberg L.M., Ditkovsky K.A., Evnevich E.I. et al. Indicators of Science: 2021. Statistical Collection. Moscow: NRU HSE; 2021. 352 p. (In Russ.).
5. Gureeva Yu.A., Erokhina E.V. Dynamics of development of personnel potential in the field of research and development. *Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*. 2020;(11–1):27–33. (In Russ.).
6. Zyryanov V.V., Mosicheva I.A., Prudnikova M.V. Personnel potential of modern Russian science. Researcher of the XXI century: the formation of competencies in the system of higher education. Monograph. Moscow: Publishing house “Geoinfo”; 2018. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Марина Юрьевна Теплякова — кандидат экономических наук, доцент кафедры статистики, Государственный университет управления, Москва, Россия

Marina Yu. Teplyakova — Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, State State University of Management, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-8473-2756>

teplyakova-marina@yandex.ru

Марина Далхатовна Хабиб — кандидат экономических наук, доцент кафедры статистики, Государственный университет управления, Москва, Россия

Marina D. Khabib — Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, State University of Management, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-8876-0300>

marina-khabib@mail.ru

Елена Игоревна Ларионова — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, ученый секретарь Института проблем развития науки РАН, профессор департамента бизнес-аналитики, Финансовый университет, Москва, Россия

Elena I. Larionova — Cand. Sci. (Econ.), Senior Researcher, Scientific Secretary of the Institute of Problems of Science Development of the Russian Academy of Sciences; professor at the Department of Business Analytics of Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-7335-4481>

larionova_len@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

М.Ю. Теплякова — формирование структуры статьи, сбор и анализ данных, аннотация, ключевые слова.

М.Д. Хабиб — определение общей концепции статьи, редактирование.

Е.И. Ларионова — определение источников и сбор данных, формирование списка литературы.

Authors' Declared Contributions:

M. Yu. Teplyakova — formation of the structure of the article, data collection and analysis, abstract, keywords.

M. D. Khabib — definition of the general concept of the article, editing.

E. I. Larionova — identification of sources and data collection, formation of a list of references.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 16.04.2022; принята к публикации 15.05.2022.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 16.04.2022; accepted for publication on 15.05.2022.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-3-52-56
УДК 341.01(045)

Геополитическое взаимодействие России со странами Закавказья на рубеже XX–XXI веков

Ш.И. Каримов, А.С. Кисляков

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются проблемы, связанные с выстраиванием геополитического взаимодействия России со странами Закавказья на рубеже XX–XXI вв. Также исследуется специфика взаимоотношений между странами, входящими в данный регион (Армения, Азербайджан, Грузия). Проводится анализ круга геополитических интересов, которые преследуют крупные государства в регионе Закавказья. В частности, рассматривается столкновение интересов России и Турции, а также стран Запада на Южном Кавказе. Данный регион обладает высоким уровнем конфликтности ввиду территориального спора между Арменией и Азербайджаном по поводу принадлежности территорий, на данный момент входящих в Нагорно-Карабахскую Республику. Вместе с тем дестабилизация в регионе не выгодна ни одной из сторон спора. Целью исследования является определение путей развития отношений России со странами Закавказья в условиях эскалации конфликта.

Ключевые слова: Южный Кавказ; нагорно-карабахский конфликт; международный спор; дестабилизация; НАТО; ЕС; нефтепровод Баку-Супса; нефтепровод Баку-Тбилиси-Джейхан

Для цитирования: Каримов Ш.И., Кисляков А.С. Геополитическое взаимодействие России со странами Закавказья на рубеже XX–XXI веков. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(3):52–56. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-3-52-56

ORIGINAL PAPER

Geopolitical Interaction of Russia with the Countries of Transcaucasia at the Turn of the 20th – 21st Centuries

Sh.I. Karimov, A.S. Kislyakov

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article considers a set of problems associated with building geopolitical interaction between Russia and the countries of the Caucasus at the turn of the 20th-21st centuries. We also studied the specifics of relations between the countries included in this region (Armenia, Azerbaijan, Georgia). Our analysis covers the range of geopolitical interests pursued by large states in the Transcaucasia region. In particular, we considered the clash of interests of Russia and Turkey, as well as Western countries in the South Caucasus. The region under consideration has a prominent level of conflict, which has developed historically due to the territorial dispute between Armenia and Azerbaijan over the ownership of the territories that are currently part of the NKR. At the same time, destabilization in the region is not beneficial to either side of the dispute. The purpose of the study is to determine the ways of developing Russia's relations with the countries of the Caucasus in the context of the escalation of the conflict.

Keywords: South Caucasus; Nagorno-Karabakh conflict; international dispute; destabilization; NATO; EU; Baku-Supsa oil pipeline; Baku-Tbilisi-Ceyhan oil pipeline

For citation: Karimov Sh.I., Kislyakov A.S. Geopolitical interaction of Russia with the countries of Transcaucasia at the turn of the 20th – 21st centuries. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of Financial University*. 2022;12(3):52–56. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-3-52-56

Развитие стран, расположенных на территории Южного Кавказа, является объектом постоянного интереса российского и мирового научного сообщества, хотя они чаще рассматриваются в контексте более широких вопросов. Этот интерес обусловлен рядом причин экономического, политического и культурного развития Грузии, Армении и Азербайджана, их взаимодействием и противостоятелем на протяжении многовековой истории¹. Важной составляющей интереса исследователей к Южному Кавказу является также соседство названных стран с Россией, Турцией и Ираном, а в условиях интенсификации процессов глобализации — взаимодействие с европейскими странами и Соединенными Штатами Америки.

Актуальность научного осмысления процессов, проходящих в Закавказье на современном этапе его развития, дополняется тем, что здесь в результате ряда вооруженных конфликтов в конце XX в. появилось несколько самопровозглашенных республик. Оказание им поддержки со стороны различных государств со временем привело к тому, что они приобрели устойчивость и, несмотря на отсутствие признания большинством стран мира, ныне могут рассматриваться де-факто в качестве самостоятельных государств, с существованием которых соседи вынуждены считаться.

Для понимания современных процессов необходимо, прежде всего, остановиться на кратком анализе истории взаимоотношений России со странами Южного Кавказа в XVIII и XIX вв. Мы можем однозначно точно говорить о высоком интересе Российской империи к продвижению своих интересов в данном регионе в этот период, что было связано с расширением ее территории на Ближний Восток, необходимостью оказания давления на Османскую империю и создания буферной зоны, которая защищала бы европейскую часть России от возможного вторжения с юга. Последовательное развитие Российской империи достаточно сильно зависело от стабильности на Кавказе [1].

Экономические интересы России на Южном Кавказе были продиктованы и тем, что по территории данного региона проходил так называемый «малый Шелковый путь», кото-

рый соединял Центральную Азию, Ближний Восток и Европу. Контролируя Южный Кавказ, Российская империя стремилась обеспечить казне внушительные денежные поступления.

Многое из вышеперечисленного сохраняет свою актуальность и сегодня. Россия по-прежнему заинтересована в сохранении стабильности на южных границах государства. Более того, она хочет видеть регион Южного Кавказа как некую буферную зону между РФ и странами НАТО. Однако Грузия и Азербайджан избрали путь движения в сторону налаживания и укрепления отношений со странами «коллективного Запада», стараясь максимально отдалиться от России в политическом плане. Такое сотрудничество обусловлено как экономическими причинами и связано, например, с заключением торговых соглашений Грузии с Европейским союзом², так и с военно-политическими. В качестве иллюстрации последних можно привести Соглашение о военном сотрудничестве между Грузией и США³.

Однако не все страны Южного Кавказа выбрали политику максимально возможного отдаления от Москвы. Армения проводит достаточно гибкую политику, активно сотрудничает в экономическом плане со странами Запада, но одновременно отдает предпочтение укреплению взаимоотношений с Россией и углублению интеграции в рамках Содружества независимых государств (СНГ) [2, с. 32]. Во многом подобная политика Армении продиктована необходимостью обеспечения национальной безопасности в связи с ведением войны в Нагорном Карабахе в 1992–1994 гг. и в сентябре-ноябре 2020 г., а также соседством с давними политическими оппонентами — Турцией и Азербайджаном.

Отдельно стоит отметить позицию России, чья политика направлена не только на исключительное сотрудничество с Арменией, но и на выстраивание долгосрочных отношений со всеми странами региона, а также с южным соседом — Турцией. Проведение данной политики часто сталкивается с противодействием на региональном и глобальном уровнях. Так, в 2007 г., когда в Грузии к власти пришел Ми-

² Соглашения об ассоциации ЕС с Грузией и Молдавией вступят в силу 1 июля. 23 мая, 2016 г. URL: <https://www.rbc.ru/politics/23/05/2016/574357539a79476f19be9151>

³ Грузия и США подписывают новое соглашение о военном сотрудничестве. URL: <https://parstoday.com/ru/news/world-107362>

¹ Постсоветское пространство 2020. Закавказье. URL: <https://russiancouncil.ru/postsoviet2020-southcaucasus>

хаил Саакашвили, в стране был провозглашен однозначный политический курс в сторону укрепления сотрудничества с Западом. В этой связи российский военный контингент, находившийся на территории Грузии с 90-х гг. XX в., был переведен в Армению⁴. Вскоре после данных событий началась так называемая «пятидневная война» (7–12 августа 2008 г.), в результате которой Россией была признана независимость Абхазии и Южной Осетии⁵. Данный конфликт привел к полной заморозке российско-грузинских отношений, что продолжается по сей день.

Политику России по налаживанию и укреплению сотрудничества с Азербайджаном можно считать более успешной, поскольку она не сопровождалась резкими спадами [3, с. 9]. Охлаждение отношений между Россией и Турцией имело место после сбитаго Турцией в 2015 г. российского самолета. При этом нет никакой информации о том, что Азербайджан, являясь военным союзником Турции, вмешивался в конфликт и открыто поддерживал Турцию⁶. Этот факт указывает на обоюдную заинтересованность руководства двух стран в укреплении сотрудничества.

Вместе с тем нельзя сказать, что Азербайджан проводит политику в «фарватере» России. После распада СССР Азербайджан категорически отказался от размещения военного контингента Российской Федерации на собственной территории. В соответствии с Соглашением Совета глав государств — участников Содружества независимых государств о вооруженных силах и пограничных войсках от 30 декабря 1990 г., Россия обязывалась в двухмесячный срок передать все советские военные базы, находившиеся на территории Азербайджана, в распоряжение руководства закавказской страны⁷. Военное сотрудничество между РФ и Азербайджаном сохранялось в части использования Россией радиолокационной системы в городе Габала,

необходимой для предупреждения о ракетном нападении с южного направления на Российскую Федерацию⁸. Однако уже в 2012 г. Россия лишилась такой возможности, поскольку Азербайджан запросил в качестве платы за пользование данной системой сумму в размере 300 млн долл. в год, что превышало ранее установленную сумму в 42 раза⁹.

Теперь отметим определенные противоречия проводимой Россией политики в Закавказье. Прежде всего, стоит обратить внимание на тот факт, что Россия фактически укрепляет военно-политические и экономические отношения с Арменией и одновременно поставляет вооружение в Азербайджан¹⁰. Данные страны являются историческими оппонентами в Закавказье и столкновение их интересов приводит время от времени к дестабилизации ситуации в регионе Нагорного Карабаха. Армения некоторое время отказывалась от комментариев относительно поставки российского вооружения в Азербайджан, но в 2015 г. осторожно заявила, что вынуждена считаться с интересами Москвы, в том числе в части продажи оружия в Азербайджан¹¹.

Как видим, Россия заинтересована в сотрудничестве со всеми странами Южного Кавказа. Однако за последние 30 лет появилось значительное количество проектов и соглашений между странами Закавказья с геополитическими конкурентами России. В качестве явных примеров можно привести такие энергетические проекты, как нефтепровод Баку-Супса¹², нефтепровод Баку-Тбилиси-Джейхан¹³. В таких соглашениях принимают участие Грузия и Турция, а значит, Россия и Армения выключены из данных экономических соглашений в рамках региона.

⁴ Вывод российских войск из Грузии завершён досрочно. URL: <https://ria.ru/20071115/88228468.html>

⁵ Как Россия признавала независимость Абхазии и Южной Осетии в 2008 году. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5228408>

⁶ Россия и Турция так и не вернули доверие. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2017/11/24_a_11001296.shtml

⁷ Соглашение Совета Глав Государств — участников Содружества Независимых Государств о Вооруженных Силах и Пограничных войсках. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1901874>

⁸ Отказ от РЛС в Габале — «пощечина Путину»? URL: https://www.bbc.com/russian/russia/2012/12/121211_gabala_putin

⁹ Азербайджан потребовал от России в 40 раз больше денег за аренду РЛС. URL: <https://lenta.ru/news/2012/02/29/gabala/>

¹⁰ Какое оружие Азербайджан покупал у России. URL: <https://tass.ru/armiya-i-opk/5598195>

¹¹ Военно-политический аспект российской политики в Закавказье на современном этапе. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voennopoliticheskiy-aspekt-rossiyskoy-politiki-v-zakavkazie-na-sovremennom-etape/viewer>

¹² Тысячный танкер с азербайджанской нефтью отправлен с терминала Супса на Черном море. URL: <http://interfax.az/view/851656>

¹³ Трубопровод Баку-Тбилиси-Джейхан, Кавказ. URL: <https://bankwatch.org/project/truboprovod-baku-tbilisi-dzhejhan-kavkaz?lang=ru>

Причины подобных действий Баку и Тбилиси стоит искать, прежде всего, в военно-политическом сотрудничестве России с Арменией. Одним из основных факторов влияния России в регионе является дислоцированная на территории данной страны российская военная база¹⁴. Она находится в непосредственной близости не только ко всем странам Закавказья, но и к Турции. Последний факт, безусловно, является чрезвычайно выгодным обстоятельством при ведении переговоров и внешних сношениях между указанными странами. Российские войска, находящиеся на территории Армении, оказывают поддержку армянским пограничным войскам, участвуют в осуществлении противовоздушной обороны страны. Договор, на основании которого российский контингент войск размещен в Армении, был подписан 16 марта 1995 г.¹⁵

Не стоит забывать, что в 2000 г. между Россией и Арменией была заключена Декларация о союзническом взаимодействии¹⁶. Российская Федерация взяла на себя обязательство по оказанию военной помощи Армении в случае агрессии со стороны другого государства. Также Россия и Армения входят в Организацию Договора о коллективной безопасности (ОДКБ)¹⁷. Ереван, находящийся в окружении своих геополитических оппонентов, был крайне

заинтересован в данном членстве, поскольку агрессия против любого участника ОДКБ рассматривается как угроза всем странам, входящим в него.

И все же указанные факты не следует трактовать в духе того, что Россия полностью отдала предпочтение Армении в части военно-политического сотрудничества и готова признавать всех оппонентов Армении в качестве своих врагов. Так, во время эскалации событий вокруг Нагорного Карабаха Россия стремится участвовать в переговорах между Арменией и Азербайджаном в качестве посредника, не принимая активно ту или иную сторону. Россия всецело заинтересована в сохранении стабильности и мира в Закавказье. Эскалация же данного конфликта приводит к дестабилизации на всем Южном Кавказе. Обосновывается это еще и тем, что Нагорно-Карабахский конфликт имеет явный потенциал перехода от столкновений между двумя странами (Арменией и Азербайджаном) к крупному региональному конфликту с участием Турции и Ирана. В таком случае Россия будет вынуждена в него вмешаться и выбрать сторону [4, с. 218].

Россия открыто не вступила ни в один эпизод Нагорно-Карабахского конфликта (который длится уже 30 лет), несмотря на прямые обращения Армении по оказанию военной помощи, поскольку заинтересована в сохранении роли посредника, который способен закончить войну и привести противоборствующие страны за стол переговоров. Отметим, что проводимая Россией политика приносит свои плоды и дает возможность странам развиваться в мирном и добрососедском русле. Однако не стоит забывать, что противоречивостью отношений Азербайджана, Грузии и Армении могут воспользоваться другие страны в своих геополитических интересах.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кузнецов О. Эволюция геополитических интересов и приоритетов России в Закавказье. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-geopoliticheskikh-interesov-i-prioritetov-rossii-v-zakavkazie> (дата обращения: 19.02.2022).
2. Смирнова А. В. Взаимоотношения России и Армении: исторические реалии и перспективы. *Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research*. 2019;4(6):29–41.
3. Аласов И. Ф. Российско-азербайджанские отношения на современном этапе (конец XX — начало XXI века). *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*. 2016;(2.):5–14.

4. Гасанова А.А. Роль России в урегулировании конфликта в Нагорном Карабахе. *Постсоветские исследования*. 2018;(2):217–220.

REFERENCES

1. Kuznetsov O. The evolution of Russia's geopolitical interests and priorities in Transcaucasia. <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-geopoliticheskikh-interesov-i-prioritetov-rossii-v-zakavkazie> (accessed on 19.02.2022). (In Russ.)
2. Smirnova A. V. Relations between Russia and Armenia: historical realities and prospects. *Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research*. 2019;4(6):29–41. (In Russ.)
3. Alasov I. F. Russian-Azerbaijani relations at the present stage (late XX — early XXI century). *Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and social sciences*. 2016;(2):5–14. (In Russ.)
4. Gasanova A. A. The role of Russia in the settlement of the conflict in Nagorno-Karabakh. *Post-Soviet Studies*. 2018;(2):217–220. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Шовгин Ильхам оглы Каримов — главный специалист Отдела сопровождения деятельности иностранных обучающихся и преподавателей Управления по работе с иностранными обучающимися и преподавателями, Финансовый университет, Москва, Россия

Shovgin I. Karimov — Chief Specialist of the International Students and Teachers Support Division of the International Students and Teachers Department, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-8770-0944>

sikarimov@fa.ru

Анатолий Сергеевич Кисляков — кандидат исторических наук, доцент, заместитель проректора по социальной и воспитательной работе, Финансовый университет, Москва, Россия

Anatoly S. Kislyakov — Cand. Sci. (Historical Sciences), Associate Professor, Deputy Vice-Rector for Social and Educational Work, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-9650-5764>

ASKislyakov@fa.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 15.05.2022; принята к публикации 30.05.2022.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 15.05.2022; accepted for publication on 30.05.2022.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-3-57-64
УДК 32(045)

Качество жизни, протестная активность населения и проблемы обеспечения национальной безопасности России*

А.Н. Зубец, А.А. Хоконов
Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье авторы выявляют взаимосвязь уровня протестной активности и качества жизни населения. Рассмотрены современные подходы к понятию качества жизни. Через призму влияния изменений качества жизни на протестную активность населения анализируются проблемы обеспечения национальной безопасности. Показано, что в российском обществе растет удельная доля лиц, считающих уровень своей жизни неприемлемо плохим, а снижение уровня удовлетворенности россиян своей жизнью является нарастающей угрозой национальной безопасности. Авторы отмечают необходимость акцентуации на субъективных составляющих качества жизни при анализе протестной активности в целях обеспечения национальной безопасности России.

Ключевые слова: протестная активность; национальная безопасность; экономическая безопасность; качество жизни; удовлетворенность жизнью

Для цитирования: Зубец А.Н., Хоконов А.А. Качество жизни, протестная активность населения и проблемы обеспечения национальной безопасности России. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(3):57-64. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-3-57-64

ORIGINAL PAPER

Quality of Life, Protest Activity of the Population and Problems of Ensuring the National Security of Russia**

A.N. Zubets, A.A. Hokonov
Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article attempts to identify the relationship between the level of protest activity and the quality of life of the population. Modern approaches to the concept of quality of life are considered. Through the prism of the impact of changes in the quality of life on the protest activity of the population, the problems of ensuring national security are analyzed, it is shown that in Russian society the proportion of people who consider their standard of living unacceptably poor is growing, and the decrease in the level of satisfaction of Russians with their lives is an increasing threat to national security. It is noted that there is a need to focus on the subjective components of the quality of life in the analysis of protest activity and problems of ensuring the national security of Russia.

Keywords: protest activity; national security; economic security; quality of life; life satisfaction

For citation: Zubets A.N., Hokonov A.A. Quality of life, protest activity of the population and problems of ensuring the national security of Russia. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of Financial University*. 2022;12(3):57-64. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-3-57-64

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Проект 21-011-31768 «Влияние общественно-политического дискурса изменений качества жизни на протестную активность населения».

** The article was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research. Project 21-011-31768 "The impact of socio-political discourse of changes in the quality of life on the protest activity of the population".

В начале XXI в. Российская Федерация столкнулась с большим количеством вызовов и угроз национальной безопасности как внутреннего, так и внешнего генеза. Это обстоятельство актуализовало необходимость формирования системы национальной безопасности, способной эффективно противодействовать как деструктивным силам внутри страны, так и агрессивному влиянию извне в новых (геополитических, технико-технологических, экономических и др.) условиях. Данная система сложна и включает в себя большое количество компонентов различной природы. Одним из важнейших элементов этой системы является удовлетворенность граждан своей жизнью, на основе которой формируется осознанное ими желание участвовать в обеспечении национальной безопасности, защищать национальные интересы.

Сегодня основой для формирования и реализации государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности в Российской Федерации является Стратегия национальной безопасности, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 31.12.2015 № 683, которая основана на неразрывной взаимосвязи национальной безопасности Российской Федерации и социально-экономического развития страны [1]. Именно данный документ конституирует контуры, векторы, приоритеты современной российской системы национальной безопасности.

Под национальной безопасностью в Российской Федерации понимается «состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации, достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации»¹.

К числу наиболее важных понятий, описывающих цели национального развития России, относятся качество жизни в стране и национальная безопасность. Они являются взаимосвязанными — национальная безопасность определяет уровень благополучия и качество жизни населе-

ния, а снижение качества жизни представляет собой угрозу национальной безопасности².

Несмотря на большое внимание к вопросам повышения качества жизни со стороны политиков, общественных деятелей и ученых, это понятие остается многокомпонентным, сложно определяемым и неоднозначно трактуемым. Энциклопедия «Британника» определяет качество жизни как уровень здоровья, комфортности существования, а также способность участвовать в жизненных событиях или наслаждаться ими. Таким образом, качество жизни — это многомерное понятие, охватывающее эмоциональное, физическое, материальное и социальное благополучие³. Высокое качество жизни также определяется высоким уровнем свободы личности в выборе направлений своего развития и средств достижения поставленных целей. При этом, с методологической точки зрения, критически важно, чтобы показатели качества жизни, а также их субъективные оценки были потенциально измеримыми и математически описываемыми.

Важной вехой во введении понятия «качество жизни» в политический оборот стала деятельность Комиссии Стиглица-Сена-Фитусси», работу которой инициировал в 2008 г. президент Франции Николя Саркози [2]. Результаты деятельности комиссии свелись к необходимости уйти от оценки производства различной продукции как ключевого экономического параметра к показателям человеческого благополучия. Комиссия рекомендовала оценивать не столько объем производства, сколько потребление домохозяйств, а также учитывать распределение доходов с целью не допустить бедности, угнетающей социальное благополучие отдельных групп населения.

Современная наука для определения сущности качества жизни использует две основные группы показателей качества жизни [3]:

- объективные (определяемые экономическими, экологическими, социально-демографическими и др. условиями жизни);
- субъективные (показатели удовлетворенности человека своей жизнью, базирующиеся на внутренних переживаниях и доминирующих ощущениях).

¹ Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001?index=2&rangeSize=1>

² Стратегия национальной безопасности РФ. Утверждена Указом Президента РФ от 31.12.2015 № 683 (Утратила силу). URL: <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201512310038.pdf>

³ ENCYCLOPÆDIA BRITANNICA. Quality of life. URL: <https://www.britannica.com/topic/quality-of-life>

Таблица 1 / Table 1

Соотношение доли населения, полностью или в основном довольного жизнью, средней ожидаемой продолжительности жизни и ВВП на душу населения по странам мира в 2000–2020 гг. / The ratio of the proportion of the population fully or mostly satisfied with life, average life expectancy and GDP per capita in the countries of the world in 2000-2020.

Доля населения, полностью или в основном довольного жизнью, %	Средняя ожидаемая продолжительность жизни, лет	ВВП на душу населения, пересчитанный по ППС, в ценах 2017 г., тыс. долл. США на чел. в год
Более 85	79,2	40,6
75–85	77,3	30,2
65–75	75,4	20,8
Менее 65	69,8	12,5

Источник / Source: расчеты авторов по данным World Bank и World Values Survey / Authors' calculations based on World Bank and World Values Survey data.

Разделение на две группы показателей происходит в соответствии с тем, что по своей сути качество жизни — субъективный показатель, который, тем не менее, можно описать при помощи объективных индикаторов. Сочетание субъективного благополучия с фактическими социально-экономическими данными дает более точную и взвешенную оценку качества жизни. В этой связи надо отметить, что одним из лучших показателей качества жизни человека является «годы счастливой жизни» — произведение доли людей с высокой степенью удовлетворенности жизнью и средней ожидаемой продолжительности жизни [4]. Степень удовлетворенности жизнью в данном случае является агрегатным субъективным показателем, в то время как продолжительность жизни — объективный показатель. В то же время существуют методики оценки качества жизни, базирующиеся исключительно на субъективных показателях. Сюда относится, например, подход к оценке благополучия, основанный на пяти составляющих: здоровье, семья, работа как способ самореализации, деньги, а также социальное окружение, в котором живет человек [5].

В результате обобщения результатов исследования, проведенного с участием авторов, а также данных, полученных ранее в рамках исследований, осуществленных в Финансовом университете, качество жизни кратко можно определить как интегральный показатель «комфортности существования, сделанную самим человеком оценку соответствия жизни ожиданиям и устремлениям» [6]. Одной из наиболее важных проекций качества жизни и комфортности существования для человека является удовлетворенность материальным благополучием своей семьи. Она важна в силу того, что для людей уровень материального

благополучия — первая по значимости важная составляющая качества жизни.

Оценивая безусловную важность субъективных показателей качества жизни, важно не допустить их абсолютизацию. Подобная методологическая ошибка может стать причиной получения органами государственной власти недостоверной картины. В свою очередь, в системе государственного управления необходимо закладывать соответствующие риски, связанные в первую очередь с тем, что индивид, оценивая собственный уровень жизни, склонен определять его через сравнение с качеством жизни представителей референтных групп. Если в социальном окружении человека отсутствуют лица с высоким качеством жизни, существует вероятность формирования у него ложного представления о качестве своей жизни, когда он оценивает ее необоснованно высоко при значительном отставании по объективным показателям. В подобных условиях для повышения управляемости и устойчивости политической системы власти всегда стоят перед искушением пойти по пути ограничения доступа населения к качественной информации об уровне потребления, стандартах жизни.

При этом нельзя исключать ситуации, когда субъективные показатели качества жизни необоснованно низки по отношению к объективным, соответствующим аналогичным показателям других регионов и социальных групп.

Как видно из *табл. 1*, доля полностью или в основном довольных собственной жизнью как субъективный показатель настроений населения в различных странах мира тесно связана с объективными показателями социально-экономического развития, такими, как ВВП на душу населения или средняя ожидаемая продолжительность

жизни. Таким образом, субъективные показатели качества жизни могут вполне успешно использоваться для оценки комфортности человеческого существования без параллельного применения объективных показателей. В этой связи принципиально важно то обстоятельство, что именно субъективные показатели самооценки качества жизни играют основную роль при определении уровня нестабильности общества, который в свою очередь имеет огромное значение при оценке национальной безопасности и внутренней стабильности России [7].

В Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года⁴ приводится 40 объективных статистических индикаторов, на основании которых, по мысли авторов Стратегии, можно судить о состоянии экономической и национальной безопасности России. При этом в Стратегии отсутствует единый расчетный показатель, на основании которого можно судить об уровне безопасности страны. Также очевидно, что далеко не все из перечисленных 40 объективных показателей в одинаковой мере отражают уровень безопасности страны. При этом в Стратегии отсутствуют какие-либо индикаторы, позволяющие судить об уровне социальных настроений в стране, угрозе внутренних волнений и внутренних угрозах национальной безопасности.

Необходимо отметить, что для определения уровня национальной безопасности первостепенное значение имеет такой субъективный показатель качества жизни людей, как удовлетворенность населения собственной жизнью с выделением доли тех, кто считает качество своей жизни неприемлемо низким. Большое значение также имеют следующие индикаторы:

- проблемный фон — уровень озабоченности населения различными проблемами;
- интерес населения к протестной активности;
- вероятность протестов, которые могут произойти в стране, по мнению населения;
- готовность населения участвовать в протестных акциях.

Исследования, проведенные в Финансовом университете, показывают, что в целом уровень удовлетворенности населения своей жизнью

остается достаточно высоким: по данным за первые три квартала 2021 г., доля жителей городов с населением более 250 тыс. чел., полностью или в основном довольных своей жизнью, составляет 75%, что заметно меньше, чем в предшествующие 10 лет (табл. 2).

Как было отмечено выше, удовлетворенность своим доходом, наряду с удовлетворенностью своей жизнью, является одним из основных субъективных показателей качества жизни людей. Как показывают расчеты авторов по результатам проводимых в Финансовом университете социологических исследований, в последнее время в России повышается число тех, кто критически недоволен уровнем своего дохода и считает уровень своего материального благополучия крайне плохим. По данным на сентябрь 2021 г., 19,7% взрослых россиян, проживающих в городах с населением более 250 тыс. чел., считали свой уровень жизни неприемлемо низким (год назад таких было 17,8%). Уровень недовольства собственным уровнем благополучия в настоящее время такой же, как мы фиксировали летом 2009 г., по итогам мирового финансового кризиса. Потеря докризисного благополучия и неспособность что-либо изменить привели тогда к всплеску протестной активности. Далее число недовольных уровнем доходов пошло на спад, вследствие чего протесты сошли на нет. Обратный «перелом» произошел в конце 2014 — начале 2015 г., когда волна недовольства очередной волной наступающей бедности пошла вверх, и с тех пор число тех, кто считает свой уровень жизни неприемлемо плохим, только растет.

В группе 18–30 лет 11,1% разделяют мнение о неприемлемо низком собственном уровне материального благополучия (год назад их было 10,6%, а в конце 2014 г. — 3,8%).

Таким образом, наряду с ростом числа тех, кто крайне негативно оценивает собственное материальное благополучие, надо отметить «омоложение» состава крайне недовольных уровнем жизни, что следует рассматривать как тревожную социально-политическую тенденцию, вполне способную с определенным лагом по времени привести к всплеску общественных протестов.

Помимо этого, как показывают исследования, проведенные в Финансовом университете, по состоянию на III квартал 2021 г. уровень проблемного фона в России заметно ухудшился. Доля россиян, испытывающих серьезные проблемы, затрудняющие их жизнь, выросла в III квартале 2021 г. до 29%,

⁴ Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216629/

Таблица 2 / Table 2

Распределение жителей городов с населением более 250 тыс. чел. по уровню удовлетворенности жизнью в 2010–2021 гг. (от числа определившихся с ответом) / Distribution of residents of cities with a population of more than 250 thousand people. in terms of life satisfaction in 2010–2021 (from the number of those who have decided on the answer)

Год	Полностью удовлетворены, %	Скорее удовлетворены, %	Скорее не удовлетворены, %	Полностью не удовлетворены, %	Полностью удовлетворены и скорее удовлетворены своей жизнью (суммарный показатель), %
2008	23	43	22	12	66
2009	31	44	17	9	75
2010	34	43	16	7	77
2011	34	46	14	6	80
2012	32	49	14	6	81
2013	32	50	13	5	82
2014	31	52	13	5	83
2015	30	53	13	4	83
2016	28	52	15	5	80
2017	31	51	13	5	82
2018	29	53	13	6	81
2019	26	52	16	7	78
2020	38	46	12	4	84
2021 (I–III кв.)	31	43	19	7	75

Источник / Source: расчеты Финансового университета при Правительстве РФ / calculations of the Financial University under the Government of the Russian Federation.

что не может не способствовать «эрозии» общественной стабильности (рис. 1).

С другой стороны, Индекс протестной активности⁵, рассчитываемый Финансовым университетом, пока сохраняется на довольно низких отметках — ниже, чем за все время наблюдений. Его значения приведены на рис. 2. За 100 принято значение Индекса за II квартал 2019 г.

Кроме того, исследования, проведенные в Финансовом университете, показали, что существует прямая зависимость между удовлетворенностью жизнью и уровнем национальной безопасности (в данном случае — это вероятность протестных акций в российских регионах) (рис. 3).

В данном случае Индекс удовлетворенности жизнью представляет собой разницу между до-

лей положительных оценок удовлетворенности собственной жизнью и долей отрицательных оценок, а вероятность выхода людей на протесты представляет собой индикатор национальной безопасности. Для поддержания низкой вероятности участия населения в протестных акциях необходимо удерживать Индекс удовлетворенности качеством жизни на уровне более 60. По состоянию на август 2021 г., значение Индекса по данным ВЦИОМ составляло 52, что позволило утверждать, что Россия входит в зону средней удовлетворенности жизнью и имеет на этом этапе средний уровень протестной активности населения.

ВЫВОДЫ

Результаты исследования, проведенного с участием авторов, а также данные Финансового университета показывают, что в стране растет

⁵ Индекс отражает число людей, интересующихся протестной активностью и готовых в ней участвовать.

Рис. 1 / Fig. 1. Проблемный фон в России в 2019–2021 гг.

Источник / Source: расчеты на основании данных социологических опросов, проводимых в Финуниверситете / calculations based on data from sociological surveys conducted at the Financial University.

Рис. 2 / Fig. 2. Индекс протестной активности в 2019–2021 гг. / Protest activity index in 2019–2021

Источник / Source: расчеты на основании данных социологических опросов, проводимых в Финуниверситете / calculations based on data from sociological surveys conducted at the Financial University.

доля тех, кто считает свой уровень жизни неприемлемо плохим. Повышающийся уровень озабоченности, а также сильно снизившийся уровень удовлетворенности россиян своей жизнью являются нарастающими угрозами национальной безопасности.

С точки зрения обеспечения национальной безопасности, устойчивости политической сис-

темы важным является то, что на современном этапе развития информационных технологий доминирующие субъективные ощущения в обществе могут быть результатом целенаправленного воздействия враждебно настроенных сил. Современные способы и инструменты воздействия на массовое сознание при достаточном финансировании могут быть эффективным инструментом

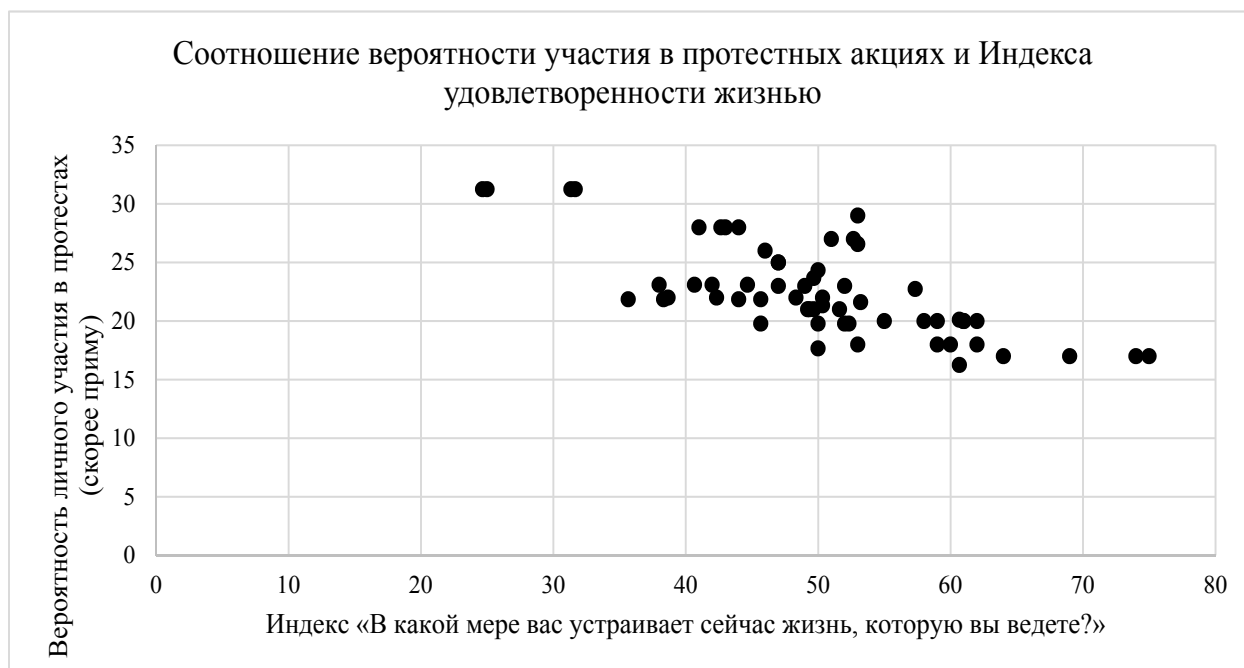

Рис. 3 / Fig. 3. Соотношение Индекса удовлетворенности жизнью и вероятности участия в протестных акциях / Correlation between the Life Satisfaction Index and the Probability of Participation in Protest Actions

Источник / Source: расчеты на основании данных ВЦИОМ / calculations based on VTsIOM data.

манипулирования общественными настроениями для стимулирования протестной активности и дестабилизации политической системы.

Однако в настоящее время в России и других развитых государствах с современной общественной структурой и открытой информационной средой существенный отрыв объективных показателей качества жизни от субъективных оценок скорее всего невозможен. Исследования показывают, что субъективные показатели, отражающие самооценку населением собственного благополучия по странам мира, достаточно тесно связаны с объективными показателями качества жизни.

Дальнейшее падение качества жизни, сокращение возможностей реализации объективно

значимых потребностей личности, углубление имущественной дифференциации являются факторами раздражения деятельностью элит и актуализируют в обществе вопросы, ставящие под сомнение эффективность современной политической системы в части управления социально-экономическим развитием. Все вышеуказанное вместе с параллельно протекающим статистически регистрируемым процессом дистанцирования масс от легальных конвенциональных форм политического участия может стать фактором развития нелегальных форм политического участия для выхода деструктивной энергии отдельных лиц и социальных групп уже в краткосрочной перспективе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Зубец А. Н. Качество жизни и национальная безопасность в России. *Инновации и инвестиции*. 2020;(12):37–39.
Zubets A. N. Quality of life and national security in Russia. *Innovation and investment*. 2020;(12):37–39. (In Russ.).
2. Stiglitz J. E., Sen A., Fitoussi J-P. Mis-measuring Our Lives. Why GDP Doesn't Add Up. The report by the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress. New York: THE NEW PRESS; 2010.
3. Зубец А. Н. Исследование качества жизни в российских городах. Отчет о НИР. М.: Финансовый университет при Правительстве РФ; 2014. 275 с.
Zubets A. N. Study of the quality of life in Russian cities. Research report. Moscow: Financial University under the Government of the Russian Federation; 2014. 275 p. (In Russ.).

4. Veenhoven R. Happy Life-expectancy. A comprehensive measure of quality-of-life in nations. *Social Indicators Research*. 1996;(39):1–58.
5. Rath T., Harter J.K. Wellbeing: The Five Essential Elements. Gallup Press; 2010. 240 p.
6. Селезнев П. С. Отчет о прикладной НИР по теме «Качество жизни населения как фактор национальной безопасности и инструмент достижения целей устойчивого развития РФ». М.: Финансовый университет при Правительстве РФ; 2020. 200 с.
Seleznev P.S. Report on applied research on the theme “Quality of life of the population as a factor of national security and a tool for achieving the goals of sustainable development of the Russian Federation”. Moscow: Financial University under the Government of the Russian Federation; 2020. 200 p. (In Russ.).
7. Дудин М.Н. Протестная активность населения и ее зависимость от уровня жизни: институциональный и социокультурный аспект. *Социально-политические науки*. 2021;11(6):16–22.
Dudin M.N. Protest activity of the population and its dependence on the standard of living: institutional and socio-cultural aspect. *Socio-political sciences*. 2021;11(6):16–22. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Алексей Николаевич Зубец — доктор экономических наук, директор Центра социально-экономических исследований, Финансовый университет, Москва, Россия

Aleksey N. Zubets — Dr Sci. (Economics), Director of the Center for Social and Economic Research, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0003-4300-2797>

ANZubets@fa.ru

Анзор Альбертович Хоконов — кандидат политических наук, доцент департамента политологии, Финансовый университет, Москва, Россия

Anzor A. Khokonov — Cand Sci. (Political Sciences), Associate Professor of the Department of Political Science, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-6371-8173>

AAKhokonov@fa.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 18.02.2022; принята к публикации 15.03.2022.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 18.02.2022; accepted for publication on 15.03.2022.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-3-65-73
УДК 32(045)

О политической природе «рыночного доминирования» в энергетической сфере (кризис 2008 года)

Л. В. Крутаков

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Первая статья цикла была посвящена рекомбинации мировой кредитно-денежной модели (Бреттон-Вудс) 1971–1973 гг. Точкой запуска рекомбинации стал Nixon Shock (отказ от золотого фиксинга доллара). Произошла замена мирового эквивалента стоимости (золото на нефть), остававшаяся долгое время «незамеченной» (не замечаемой). 2008 г. подмену обналчил. 1971 и 2008 гг. нельзя рассматривать независимо друг от друга. Речь не о циклических сбоях (они линейны), а о базовом (причина сбоев) изъяне модели. Причиной стал не ситуационный дефицит ресурсов роста, а дискриминационная природа права как такового, международного (регламент распоряжения эффектами роста на основе паритета сил) – в особенности. 1971 и 2008 гг. – déjà vu матрицы, где триггером (фактор, обостряющий хроническую болезнь) выступил односторонний подрыв (Nixon Shock и QE) регламента, определяющего функционирование мировой экономики (девальвация нормы). В обоих случаях США играли *va banque*. В 1971 г. изъян легализовали, возник новый (G7) международный формат или «картель потребителей нефти». В 2008 г. изъян предложено институционализировать, признать неотъемлемой частью общей модели роста. Предложение не устроило развивающиеся страны (в первую очередь, Россию и Китай). Кризис, возникший как финансовый срыв, обернулся глубоким политическим противостоянием. **Ключевые слова:** кризис; глобализация; ОПЕК; «сланцевая революция»; энергетика; углеводороды; инфраструктура; «вертолетные деньги»; количественное смягчение

For citation: Krutakov L.V. On the political nature of “market domination” in the energy sector (the 2008 crisis). *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of Financial University*. 2022;12(3):65-73. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-3-65-73

ORIGINAL PAPER

On the Political Nature of “Market Domination” in the Energy Sector (the 2008 Crisis)

L.V. Krutakov

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

This is the second article in the series. The first was devoted to the recombination of the world monetary model (Bretton Woods) 1971–1973. The trigger point for the recombination was the Nixon Shock (rejection of the gold fixing of the dollar). There was a replacement of the world equivalent of value (gold for oil), which remained “unnoticed” (not noticed) for a long time. 2008 cashed out the replacement. 1971 and 2008 cannot be considered independently of each other. This is not about cyclic failures (they are linear), but about the basic (cause of failures) flaw in the model. The reason is not a situational shortage of resources for growth, but the discriminatory nature of law as such, international law (regulations for disposing of growth effects based on parity of forces) in particular. 1971 and 2008 – déjà vu matrix, where the trigger (a factor that exacerbates a chronic disease) is a unilateral undermining (Nixon Shock and QE) of the regulations that determine the functioning of the world economy (devaluation of the norm). On both occasions the US played *va banque*. In 1971, the flaw was legalized, a new (G7) international format or “oil consumer cartel” arose. In 2008, it was proposed to institutionalize the flaw, to recognize it as an integral part of the overall model of growth. The proposal did not suit developing countries (primarily Russia and China). The crisis, which began as a financial breakdown, turned into a deep political confrontation.

Keywords: crisis; globalization; OPEC; “shale revolution”; energy; hydrocarbons; infrastructure; “helicopter money”; quantitative easing

For citation: Krutakov L.V. On the political nature of “market domination” in the energy sector (the 2008 crisis). *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of Financial University*. 2022;12(3):65-73. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-3-65-73

ВВЕДЕНИЕ

Вывод первой статьи гласил, что кризис 1971–1973 гг. был администрируемой рекомбинацией Бреттон-Вудской модели под новые условия (замена золотого содержания доллара на нефтяное). Кризис 2008 г. стал последним (до этого был кризис 80-х гг.) предупреждением международному сообществу о фактической исчерпанности актуальной модели экономического роста (виртуализации эффектов и системы учета).

Замена золотого содержания доллара на нефтяное установила между ними ценовую зависимость по принципу сообщающихся сосудов. Рост процентной ставки ФРС США вел к падению цен на нефть. В обратной последовательности механизм тоже работал. Нефть стала источником глобального платежного дефицита (сорбент долларовой инфляции) [1].

Как эквивалент мировой стоимости нефть идеально соответствовала кредитной модели. Объем золота ограничен физически. Там, где золото показывает инфляцию, нефть — рост мирового ВВП. Нефтяной рынок — матрица глобального рынка. Растет мировая экономика, растет потребление нефти, и наоборот. Нефть имеет свой, не связанный с финансовой системой доступ к доходам будущего — кредитный демпфер (доступ к доходам будущего).

Nixon Shock и «плавающий» валютный курс создали «волшебную» машинку по «превращению» долга США в главный ресурс мирового роста. Главный мировой должник «превратился» в главного мирового кредитора (транзит долгов прошлого в будущее). Был создан механизм волюнтаристского управления мировой стоимостью, позволяющий манипулировать инвестиционными потоками (формировать глобальное будущее) [1].

После первой рекомбинации доллар сохранял товарное содержание вплоть до 1986 г., а Бреттон-Вудская модель сохраняла контуры классической экономики, где труд — источник стоимости, а значит, прибыли, сбережений и инвестиций (источник роста). В 1986 г. цену нефти привязали к биржевым торгам деривативами, лишив доллар товарной опоры (виртуальный эквивалент).

Механизм консолидации мировых ресурсов под общую стратегию роста (глобальный кредит) лишился формальных ограничений, кроме силового обеспечения. Инвестиции могут

быть связаны либо с прошлым (сбережения), либо с будущим доходом (прогнозируемый результат проекта). В 2008 г. ФРС США включила программы QE, порвав с прошлым и обнулив мировые сбережения.

Была сделана ставка на будущие доходы в масштабе глобального рынка, но общий рынок оказался под ударом политических разногласий. Временная мера в виде эмиссии превратилась в инструмент рекомбинации. Объем эмиссии превысил все возможные ожидания. Кредитное плечо достигло размеров, за пределами которых прогноз невозможен, а гарантии исполнения обязательств по кредиту — беспочвенны.

Экономику «забросило» слишком далеко в будущее. Новая (родом из будущего) ликвидность в 10 раз превысила совокупный мировой продукт (забалансовый кредит). Сформировался долг (финансовый пузырь), исполнение которого эмитент, как выяснилось позже, обеспечить ни экономически, ни политически не в состоянии. Амбиции обогнали возможности.

Идея о замене золотого эквивалента доллара на нефтяной, породившая возможность манипуляции потоками мировой стоимости, очень долго маргинализировалась на системном уровне как теория заговора и конспирология. Но после 1986 г. она стала обретать характер научно обоснованной теории.

Одним из первых системную связь нефтяных цен и денежного рынка США выявил Владимир Зехин [2]. Работы Нуреддина Кришена о влиянии монетарной политики США на рынок нефти стоят особняком [3]. Владимир Кириллов и Екатерина Туманова связали цену нефти с ценами фьючерсов и индексом NASDAQ [4]. Людмила Разумнова и Николай Светлов построили математическую модель влияния на рынок нефти спекулятивного капитала (объем и доступность), которая легла в основу диссертации Л. Разумновой [5].

В первой статье для исследования связи доллара и нефти был предложен новый метод анализа. Его суть в корреляции двух переменных: товарного (движение материальных ценностей) и фондового (взаимодействие мотивационных механизмов) рынка [1]. Сегодня экспертное сообщество рассматривает их либо порознь, либо не различает (идентифицирует). В обоих случаях один из параметров предстает как случайная переменная.

НЕФТЯНОЙ КРЕДИТ ЗАКРЫЛСЯ

У нефти как товара есть одна принципиальная характеристика: у нее нет себестоимости, есть только операционные затраты, основная часть которых формируется на стадии разведки месторождения и его «обвязки» (вышки, трубы, дороги). Цена нефти такой же фетиш, в полном смысле этого слова (определяется политически). Когда добыча налажена, цена нефти влияет только на срок окупаемости вложенных средств.

Этот независимый от финансовой системы кредитный демпфер и сделал возможным использование нефти в роли всеобщего эквивалента. Если месторождение маленькое, и падение цен делает его нерентабельным (выносит срок окупаемости за пределы срока разработки), добычу не останавливают (инвестиции уже сделаны), просто риски переносятся на вновь открываемые месторождения (продлонгация кредита).

Доступ к доходам будущего — главное условие устойчивости нефтяного бизнеса как на уровне конкретной компании, так и всей отрасли. Опережающий рост запасов по отношению к росту темпов добычи, по сути своей, является обеспечительной мерой под постоянно растущее кредитное плечо (рост рисков) — *expected credit losses* (согласно МСФО 9, резервы под ожидаемые кредитные убытки).

В 1984 г. объем мировой добычи превысил вновь разведанные запасы, разрыв с тех пор растет — нефтяной кредит закрылся. Модель вышла за прогнозный горизонт (надуманность и неоправданность принимаемых решений). Локально (Россия, Канада, Иран, Венесуэла) кредит еще обеспечен (запасы растут быстрее добычи), но на глобальном уровне *expected credit losses* превышают резервы (отсроченный QE дефолт).

Отказ в 1971 г. от золотого фиксинга связал объем мирового долга с нефтью. Рост цен в 1973 г. увеличил (без роста добычи) емкость нефтяного рынка в 6 раз (с 36,6 до 220 млрд долл.). В целом мировая торговля выросла менее чем в 2 раза [1]. Резервы под *expected credit losses* мгновенно расширили по отношению к золоту, но ограничили их запасами нефти.

«Парадокс Триффина», известный как чисто финансовый феномен, получил нефтяное наполнение: увеличение глобального долга,

обеспечивающего экономический рост (инвестиции), требует либо постоянного роста физических запасов нефти, либо их постоянной переоценки (рост цен). Потенциал переоценки запасов ограничен, так как рост цен на нефть тормозит ее потребление и замедляет рост реальной экономики.

Пока рост запасов нефти опережал рост добычи, модель сохраняла равновесие. После скачка 1973 г. глобальный кредит рос без роста цен на нефть. Начиная с 1984 г. рост запасов перестал восполнять добычу¹, нефтяное содержание доллара (как и золотое) исчерпало себя.

Легитимно вернуть прогнозируемость модели мировой экономики можно, если сократить кредитное плечо. В логике актуальной политической модели мира это означает остановку долговой экспансии (пересмотр полномочий США как кредитора) и выработку новой валютной корзины расчетов международных сделок.

Второй легитимный способ вернуть управляемость — удлинить кредитное плечо. Быстро (скачком) нарастить резервы под *expected credit losses*. В замкнутом контуре экономики это требует кратного (в 10 раз) роста производительности труда или сопоставимого роста цен на нефть. Способ скорее фантастический, чем легитимный.

Третий способ наиболее реалистичный, но не легитимный: удлинить кредитное плечо экстенсивно, поставить на баланс новые промышленные и сырьевые активы, обеспечив дальнейший рост кредита (эмиссия долга). Обеспечить такие активы может только экспансия (расширение модели на Восток).

Скрытый дефолт по нефтяному кредиту поставил перед оператором модели (эмитент мировой валюты) неразрешимую, как казалось тогда, дилемму. Отказ от эмиссионного тормоза и переход на фьючерсную систему ценообразования нефти в 1986 г. дилемму разрешил, перезапустив модель на иных принципах функционирования.

С кредита сняли товарные (физические) ограничения. Вновь созданный рынок «бумажной нефти» мог, как тогда казалось, связать любой объем ликвидности — превратить инфляцию доллара в рост мирового ВВП. Сегодня, по дан-

¹ Hughes GSR Inc., 2009. URL: https://regnum.ru/uploads/pictures/news/2016/10/04/regnum_picture_1475611037977850_normal.JPG

ным Intercontinental Exchange (ICE), объем торгов «бумажной нефтью» на платформах ICE и NYMEX более чем в 1000 раз превышает объем продаж реальной (товарной) нефти².

Прогнозный горизонт раздвинули, минуя сокращение нефтяных запасов. Появилась возможность манипуляции долгами будущего за пределами предсказуемости результата. Нефтяной аналог «парадокса Триффина» — дилемма между ростом кредитного плеча и ростом мировой экономики (не ВВП) — получил свое разрешение через постоянный рост объема торгов «бумажной нефтью».

ИГРА С НУЛЕВОЙ СУММОЙ

К моменту «нефтяного дефолта» (1984 г.) рынок технологически был готов к переходу на «бумажное» ценообразование. Спот достиг 55% рынка; объем реализуемой трейдерами (финансовые посредники зарабатывают как на росте цен, так и на их падении) нефти превысил 50%; доля ОПЕК упала с 52 до 28%³. «Размыли» долю ОПЕК Мексиканский залив, Аляска, Северное море и политическая разрядка. Нефтяной экспорт СССР к 1989 г. вырос почти вдвое (67 и 127,3 млн т)⁴.

В 1986 г. США создали новую реальность — виртуализировали эквивалент, лишили доллар товарного содержания, привязав его к «бумажной нефти». Накануне (22 сентября 1985 г.) страны G7 («картель потребителей нефти») подписали «соглашение Плаза» и привязали свои валюты к доллару, де факто признав нефть эквивалентом мировой стоимости, а доллар — ее эксклюзивным представителем.

Без «Плазы» мировой рынок ждал либо дикий рост цены нефти, либо — «цены» доллара. Оба варианта означали конец глобализации (гибель Бреттон-Вудской модели). Валютный союз распределил «издержки» низких цен между участниками «картеля потребителей нефти», а фьючерсное ценообразование позволило и далее наращивать кредитное плечо за счет роста объема продаж «бумажной нефти».

Долги прошлого девальвировали. Модель в буквальном смысле повисла на честном слове главного брокера. Объем запасов нефти потерял видимое (подчеркну — видимое) значение. Союз нефти и доллара оформят прямым контрактом. Goldman Sachs, Morgan Stanley и Мексика (Pemex) договорятся о сделке (Hacienda hedge), которая станет самой крупной и самой закрытой на рынке «бумажной нефти» (таковой остается).

В 1986 г. Pemex первой из всех компаний привязала цену добываемой нефти к «бумажному рынку», где Hacienda hedge играет роль ориентира для крупных игроков. Большинство экспертов оценивают Hacienda hedge в товарной логике: цена нефти по году падает ниже захеджированной — Pemex получает премию к рынку (сверхприбыль), поднимается выше — выигрывают банки (Pemex выгоду упускает).

Логика мотиваций ставит здесь неприятный вопрос: если сделка рыночная (честная ставка), почему она закрытая? В логике мотиваций сделка видится как страховой полис, ежегодно выписываемый банками США. У Pemex до недавних пор не было своей нефтепереработки, почти вся нефть шла в Америку. Сделка по факту гарантирует цену сырья для американских НПЗ. Goldman Sachs и Morgan Stanley в неформальной среде называют «нефтеперерабатывающими заводами Уолл-Стрит».

Pemex от сделки не выигрывает и не проигрывает, а получает гарантированную выручку независимо от ценовых скачков. Старший экономист МВФ Фабиан Валенсия считает, что сделка помогает Мексике «платить по суверенному долгу на 30 базисных пунктов меньше» [6]. Вторая сторона сделки (реально, первая) определяет движение капитала на фондовом рынке и проиграть тоже не может. Базовая ставка участникам Hacienda hedge известна, а игра идет весь год (одной сделкой не ограничивается).

Казалось, фьючерс открыл безграничные возможности роста глобального кредита без роста цен, породив феномен постиндустриальной (транзакционной) экономики. Дело в том, что низкая цена на нефть лишает ресурсные страны инвестиционного потенциала. Наращивать добычу они могут только за счет средств, привлекаемых с финансовых рынков, наращивая тем самым возможности (экономическая власть) кредитора.

² Global Crude Benchmarks: Brent Sets the Standard. URL: <https://www.theice.com/why-the-world-needs-benchmarks-and-characteristics-of-benchmarks>

³ BP Statistical Review of World Energy; 2019.

⁴ Острые грани «черного золота» История «нефтяной иглы» в Советском Союзе. URL: <https://rg.ru/2016/04/25/rodina-neft.html>

В 2000 г. распахнутые в 1986 г. ворота в будущее закрылись. Бесконечный, казалось, рынок «бумажной нефти» оказался конечен. Нефть пошла вверх, достигнув к июню 2008 г. исторического максимума как в номинальном выражении — 147 долл./барр., так и в реальном — более 100 долл. По экспоненте, вместе с ростом товарных цен, росла емкость рынка «бумажной нефти» и его объем (количество операций в единицу времени).

В 2008 г. наступило очередное (после 1971 г.) фиаско рынка (распад равновесия Парето), дезориентация рыночного механизма распределения эффектов роста. Цены рухнули вниз, лишив глобальный кредит содержания. Спусковым крючком срыва послужил отказ Китая, Индии и Бразилии вскрыть свои кредитно-денежные системы для игр мирового финансового рынка, провалился Дохийский раунд переговоров ВТО.

В очередной раз подтвердилось правило, что кризис всегда носит управленческий (субъектная недостаточность) характер, даже если он финансовый или экономический.

ЗАПАС КАРМАН НЕ ТЯНЕТ

Путь к кризису 2008 г. начинался в 2000 г. Начало века было переломным по многим параметрам, но определили перелом три тренда (драйверы): экономический рост Китая и Индии (расширение круга игроков); прогрессирующее по отношению к добыче падение запасов нефти (финансовый пузырь); изменение географии мировой ресурсной базы и путей транспортировки энергоносителей (диспаритет сил).

К 2000 г. был достигнут предел обеспечения глобального кредита через рост числа сделок с «бумажной» нефтью без роста цен и запасов физической нефти. Вздулся пузырь формально частных, а реально — государственных (номинированы в долларах США) обязательств, обеспеченных вероятностными доходами будущего. Пузырь требовал снижения фактора вероятности — роста цены нефти, либо «цены страха» (внеэкономическое принуждение).

В 2000 г. стартовало глобальное нефтяное ралли, беспрецедентное по длительности и параметрам — 1000% (с 14 до 147 долл./барр.) роста за 8 лет (в 1973–1974 гг. цена выросла на 500% за год). А в 2001 г. случился глобальный, беспрецедентный по масштабу, теракт (атака на башни ВТЦ), породивший глобаль-

ный терроризм и глобальную антиофшорную операцию — глобальный аудит счетов, авуаров и проводок.

Глобальное ралли было не скачкообразным, а планомерным. Рост цен не нес ущерба экономике стран Запада («общий проект»). К моменту старта ралли Запад вывел трудоемкое производство в Азию. Процесс был не спонтанным. Крах СССР и социалистического сектора мировой экономики запустил глобальный трансфер — передел мировой ренты.

Запад перешел на дефляционный (постиндустриальный или транзакционный) рост («экспорт нищеты»). В цене конечного (реализуемый на рынке) продукта стали расти сервисные затраты (маркетинг, реклама, лицензия), а трудовые — падать. Услуги концентрировались в центре модели, а производство отправлялось на периферию. Энергоемкость центра упала до 8–10% ВВП, периферии — выросла до 20–25%.

Издержки роста цен на нефть покрывала периферия (низкая цена труда), а выгоду (рост кредитного плеча) извлекал центр. В цене iPad сырье и материалы занимают 31%, реклама — 15%, прибыль — 30%, а оплата труда китайских рабочих — 2% [7].

Рост цен был исторически беспрецедентным. 100 лет (предшествующих ралли) цены на сырье ежегодно снижались на 0,7% в пересчете на весь период. Если цена вдруг росла, то всегда скачком с последующим отскоком (коррекция). Начиная с 2000 г. сырьевые цены росли очень долго (в целом до 2014 г.) и поступательно (целенаправленно).

Рост шел на фоне рекордно низких процентных ставок ФРС и снижения реального эффективного курса доллара. Ставки по федеральным фондам США стояли на уровне 1%, а по казначейским векселям — менее 1%. Рынок вел себя антирыночно. Стратегические и коммерческие запасы нефти росли, темпы промышленного роста падали, предложение значительно превышало спрос, но цены все равно продолжали расти. Только за 8 лет и только стратегический запас США вырос с 541 до 702 млн барр.⁵

Работала связь цены нефти и «цены» доллара, но с обратным эффектом. После вывода производства в Азию надобность борьбы с инфляцией отпала. Дефляционный трансфер

⁵ Сайт Министерства энергетики США. URL: http://www.eia.doe.gov/emeu/mer/pdf/pages/sec3_13.pdf.

экспортировал ее на производственный периметр финансового рынка — в сберегающие страны, которые «застряли» в индустриальном (нецифровом) формате. Поэтому ФРС ставку снизила, цены выпустили на волю.

Кредитное плечо стало расти, появилась возможность увеличения инвестиций в альтернативные источники энергии (на тот момент: сланцевая революция и СПГ-индустрия). По данным Barclays, к моменту обвала цен в 2014 г. объем средств, привлеченных с фондового рынка сланцевыми компаниями США, вырос в 9 раз. При этом рынок высокодоходных облигаций за это время вырос всего в 2 раза [8].

Вместе с ростом цен на нефть по экспоненте рос рынок «бумажной нефти». В 1992 г. товарная нефть занимала на NYMEX пятое место по объему торговли биржевыми контрактами, в 1997 г. ни один товарный контракт не входил в «мировую десятку»⁶. Две трети контрактов, котируемых на мировых товарных биржах, были финансовыми (спекуляциями). К 2008 г. объем реальных сделок не превышал 5%, в сегменте нефтяных контрактов — 2%.

Рост «бумажного рынка» носил взрывной (кратный по отношению к товарному) характер. В 2000–2006-х гг. инвестиции в нефтяные деривативы превысили сделки с реальным товаром в 30–35 раз⁷. По данным МЭА, в июле 2008 г. вложения в «бумажную нефть» были в 4 раза выше, чем в январе 2006 г.⁸ «Бумажную» природу роста экономики (симуляция роста) демонстрируют две цифры: с 2004 по 2007 г. мировой ВВП вырос на 31,4%, а потребление нефти — всего на 3,38%.

«Бумажный взрыв» обеспечивала не только «невидимая рука» (переток капитала после ипотечного кризиса в США и Dot-com bubble). Были и видимые причины. В 1999 г. США отменили закон Гласса-Стигалла, разрешив финансовым организациям совмещать коммерческий и инвестиционный банкинг (конфликт интересов). В 2000 г. сняли запрет на участие страховых и пенсионных фондов в высокорискованных биржевых операциях.

С 2003 по 2008 г. инвестиции фондов в сырьевые индексы выросли в 20 раз (13 и 260 млрд долл. — 1900%). Вложения институциональных инвесторов в хедж-фонды только в 2007 г. выросли на 300 млрд [5]. Но самыми крупными игроками, по словам советника Комиссии по торговле товарными фьючерсами США (CFTC) Дэна Уолдмана, оставались «нефтеперерабатывающие заводы Уолл-Стрит» — Goldman Sachs и Morgan Stanley⁹.

Рациональное действие всегда мотивировано (причина — цель). Причины бума в общих чертах понятны — истощение нефтяных запасов, сокращение глобальных резервов под expected credit losses, фиаско рынка. Чтобы понять цели, надо взглянуть на глубину и географию истощения запасов. Истощение — явление нелинейное, происходит не ровным слоем по поверхности, а сегментированно. В финансовом измерении истощение запасов выглядит общим бедствием, а в реальности оно обеспечивает конкурентное преимущество одним странам перед другими.

Сократившаяся в 2 раза после 1973 г. рыночная доля ОПЕК с 1988 по 2008 г. вновь увеличилась до 63,3%, экспорт вырос с 13,5 до 24,2 млн барр./д¹⁰. Общий удельный вес развивающихся стран в мировом экспорте сырой нефти превысил 73%. Параллельно падала доля развитых стран.

В Северном море общая добыча за 7 лет снизилась на 40% (до 1,6 млн барр./д), дебет крупнейшего месторождения Forties к 2005 г. упал в 7,5 раза (с 0,5 млн до 65 тыс. барр./д) [9]. Норвегия пик добычи прошла в 2001 г. (3,4 млн барр./д). Минэнерго США в 2007 г. прогнозировало, что к 2030 г. добыча Норвегии упадет до 1,4 млн барр./д, Англии — до 0,5 млн барр.¹¹ Производительность крупнейших нефтяных полей Северной Америки, где добывается около 50% нефти, достигла пика намного раньше — в 1983 г. [9].

В 1988 г. на Северную Америку приходилось около 10% мировых достоверных запасов нефти, к концу 2000-х гг. показатель упал до 5,6%. Доля Латинской Америки и Африки вы-

⁶ URL: <http://www.hedging.ru/publications/120>

⁷ Trade and Development Report 2008, UNCTAD. URL: <http://www.unctad.org/Templates/Webflyer.asp?docID=10466&intItemID=3492&lang=1>

⁸ Ведомости 29.07.2009. URL: http://www.rusipoteka.ru/lenta/market/neftyanye_ceny1

⁹ Там же.

¹⁰ OPEC Annual Statistical Bulletin 2008. URL: <http://www.opec.org/library/Annual%20Statistical%20Bulletin/pdf/ASB%202008.pdf>

¹¹ International Energy Outlook 2007. URL: [www.tonto.eia.doe.gov/FTP/forecasting/0484\(2007\).pdf](http://www.tonto.eia.doe.gov/FTP/forecasting/0484(2007).pdf)

росла с 13 до 20%. Еще больший диспаритет сложился в области прав доступа к мировым запасам нефти. К 2008 г. 88% запасов перешли под контроль национальных компаний, доля международных компаний снизилась до 6%, а доля пятерки мейджоров — до 2,3%¹².

Помимо географии сокращения мировой энергетической базы, не менее важным аспектом является изменение ее качества. Объем добычи и уровень запасов падает на «старых» месторождениях (так называемые мегапроекты), обеспечивших промышленный бум. Мегапроекты давно окупили себя и перешли в режим условной сверхприбыли, обеспечивая «эпоху низких цен». В соответствии с нефтяным «парадоксом Триффина», своей доходностью они покрывали инвестиции в разработку «новых», без них не окупаемых, месторождений.

Открываемые после 2000 г. месторождения — меньше, а главное — «дороже». Во-первых, меньший объем запасов (срок окупаемости) сокращает общее кредитное плечо. Во-вторых, расположены они либо за Полярным кругом, либо на глубоководном шельфе (часто и то и другое вместе). «Во-первых» и «во-вторых» повышают объем первичных инвестиций и требуют более высоких цен на выходе.

Средний размер открываемых в 2000-х гг. месторождений сократился в 5 раз (с 250 до 44 млн барр. н.э.). Крупными стали считаться месторождения с объемом в 1,0–1,9 млрд барр., что в десятки раз меньше объемов, которые считались крупными в 1970-х гг. Сократилось также и общее количество открытий: в 2000–2005 гг. — 2,4 тыс., в 1986–1990-х гг. — 2,7 тыс. месторождений¹³.

В 2007 г. Ассоциация американских геологов-нефтяников (AAPG) констатировала: прирост мировых конечных извлекаемых запасов гигантских месторождений упал с 262 млрд барр. в 1970–1980-х гг. до 105 млрд барр. в 1990–2000-х гг., а их доля — с 56,8 до 43,4%. В объеме конечных извлекаемых запасов доля двадцати самых крупных месторождений составила всего 14,9% [10]. Десять из них были открыты более 50 лет назад.

В 2004–2005 гг. запасы жидких углеводородов восполнялись только на 80%. В 2007 г. на конференции IHS — KNOС Conference Energy в Токио отмечалось, что 88% прироста доказанных запасов нефти в мире в последние двадцать лет являются аналитической переоценкой прежних запасов, а не результатом открытия новых [11].

Если раскладывать мегаместорождения по их правовой (национальной) принадлежности, то картина выглядит еще печальней. На тот момент в мире насчитывалось примерно 50 тыс. месторождений, из них крупнейшими являлись около 500 (1%), подавляющая часть (46%) принадлежали странам ОПЕК [12].

К 2008 г. пузырь долговых обязательств, обеспеченных доходами вероятного будущего, достиг предела. Причиной очередного рыночного фиаско стал не внезапно разразившийся финансовый кризис (кассовый разрыв), а рост вариативности будущего — конец «конца истории», распад монополярного мира.

Провал Дохийского раунда переговоров ВТО об открытии кредитно-денежных систем Бразилии, Индии и Китая многократно нарастил число рисков возврата инвестиций Запада, произведенных опережающим темпом из расчета будущих прибылей (заделы). Модель достигла предела (отсутствие внутренних демпферов), и «отыграть» новый вызов «мирно» в рамках конструкта уже не могла.

ВЫВОДЫ

В 1971 г. Бреттон-Вудская модель мироустройства (золотой залог) умерла — Nixon Shock и Смитсоновские соглашения перезапустили ее в нефтяном исполнении. В 1984 г. модель впадала в «анафилактический шок» — Plaza Accord и фьючерс вернули ее к жизни. В 2000 г. исчерпало себя и «бумажное» наполнение кредита, а силовое уперлось в нежелание периферии жить по «плану» центра.

В 2008 г. модель погрузили в «искусственную кому», дополнительно накачав долгами будущего («химиотерапия»). Накануне программ QE ФРС США снизила ключевую ставку до 0,25%, сделав обслуживание долга практически бесплатным (с учетом инфляции, отрицательным). Одновременно Конгресс принял «план Полсона», разрешив ФРС платить проценты банкам, чтобы они полученные от ФРС деньги

¹² Министерство энергетики США. URL: http://tonto.eia.doe.gov/energy_in_brief/world_oil_market.cfm

¹³ A Global Review of High-Impact Wells, 2006–2009. Материалы конференции IHS North-East Asia Energy Conference. URL: <http://www.energy.ihs.com/NR/rdonlyres/6571F894-EB 87.../AGlobalReviewAH.pdf>

оставляли у них же на счетах, покрывая отрицательную доходность.

QE стало «шоковой терапией» для «отказников». Новая ликвидность обусловила целевое вымывание перспективных разработок и талантов из стран периферии (рынок стартапов). Промышленные проекты вошли в стадию тяжелой трансформации, энергетический сектор заморозили, рынок технологий закупили.

Основная часть из напечатанных США в ходе QE 16 трлн долл. не нашла применения в реальной экономике. На банковских счетах скопилась и продолжает расти огромная денежная масса. Она ожидает «часа X» — открытия новых рынков. Задача не решена, мировая экономика находится в состоянии рецессии, порожденной политической неопределенностью. Здесь сконцентрирован вызов. Отсюда попытка сформировать общую позицию на экологической основе — всемирное потепление. Отсюда экстренное создание и капитализация рынков газа, ВИЭ и CO₂.

Ликвидация прошлого (сбережения) хаотизировала будущее. Платой за усиление исполнительской дисциплины парадоксальным образом стала потеря управляемости (невозможность прогноза).

Опасной иллюзией является представление, что финансовый пузырь вздулся где-то там за океаном, в Америке. Мы все (все без исключения) находимся внутри этого пузыря. В долларовом эквиваленте закредитованы не только предприятия, но и их собственники, не только страны, но и представители власти этих стран. Разрушение модели будет означать не только разрушение проекта общего будущего, но и жизненный крах всей (или почти всей) мировой номенклатуры и ее сервильной подкладки (спекулянты смыслами).

Номенклатурная общность (претензия на постоянство власти, с одной стороны, стабилизирует систему (удерживает от распада), а с другой — стеной стоит на пути реального (вне модели) будущего, толкает модель к краху.

Политические и экономические сдвиги, происходящие сегодня в мире, нельзя рассматривать как самостоятельные явления. Это не разрозненные картинки, а фрагменты общего пазла, разобранного и разнесенного по разным углам человеческого знания. Мир плавно вкатывается в новую эру. Начинать придется с принятия нового эквивалента и создания новой системы координат.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Крутаков Л. О политической природе «рыночного доминирования» в энергетической сфере (кризис 1973 года). *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;(2):72–82.
Krutakov L. On the political nature of «market dominance» in the energy sector (crisis of 1973). *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;(2):72–82. (In Russ.).
2. Зехин В. Многомерный статистический анализ и прогнозирование основных показателей конъюнктуры мирового рынка нефти. Дисс. ... канд. экон. М.: Московский экономико-статистический институт; 1996. 156 с.
Zekhin V. Multivariate statistical analysis and forecasting of the main indicators of the global oil market. Diss. ... cand. Economy. Moscow: Moscow Institute of Economics and Statistics; 1996. 156 p. (In Russ.).
3. Krichene N. A Simultaneous Equations Model for World Crude Oil and Natural Gas Markets IMF Working Paper African Department. February 2005 WP/05/32; Krichene N. Crude Oil Markets: Monetary Policy and the Recent Oil Shock. IMF Working Paper African Department March 2006 WP/06/62; Krichene N. Recent Dynamics of Crude Oil Prices. IMF Working Paper African Department. December 2006 WP/06/299.
4. Кириллов В., Туманова Е. Финансово-рыночные аспекты поведения нефтяных цен. URL: <http://www.sibai.ru/content/view/1163/1308/>
Kirillov V., Tumanova E. Financial and market aspects of the behavior of oil prices. URL: <http://www.sibai.ru/content/view/1163/1308/>. (In Russ.).
5. Разумнова Л. Трансформация мирового рынка нефти в условиях финансовой глобализации». Автореф. дисс. ... д-р экон. наук. М.: ГОУ ВПО «Российский государственный университет нефти и газа имени И. М. Губкина»; 2010.
Razumnova L. Transformation of the world oil market in the context of financial globalization. Abstract diss. ... doctor of economics. Sciences. Moscow: GOU VPO “Gubkin Russian State University of Oil and Gas”; 2010. (In Russ.).

6. Blas J. Uncovering the Secret History of Wall Street's Largest Oil Trade. URL: <https://www.bloomberg.com/news/features/2017-04-04/uncovering-the-secret-history-of-wall-street-s-largest-oil-trade>
7. Ulrich E., Wijkman A. W. Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. A Report to the Club of Rome, Springer Science+Business Media LLS; 2018.
8. Крутаков Л. Игра в нефть. *Коммерсант-Власть*. 2015;(6):20–24.
Krutakov L. Game in oil. *Kommersant-Power*. 2015;(6):20–24. (In Russ.).
9. Robelius F. Giant Oil Fields. The Highway to Oil: Giant Oil Fields and their Importance for Future Oil Production. URL: http://www.odac-info.org/bulletin/documents/PhD_GOF.htm
10. Horn M. K. 2003, Giant fields 1868–2003, Data on a CD-ROM, in M. Halbouty, ed., Giant oil and gas fields of the decade 1990–1999: AAPG Memoir 78, 340 p. Modified November 2006 in order to reflect giant oil discoveries 2000–2006; Salvador, Amos, 2005, Energy: A historical perspective and 21st century forecast: AAPG Studies in Geology 54, p. 33–121. Horn, M.K., 2007, Giant fields trends 1 and 2: *Oil and Gas Journal*.
11. Stark P., Chew K., Fryklund B. Challenges in Transforming O&G Resources to Supplies. URL: <http://energy.ihs.com/Resource-Center/Presentations/2006-archive.htm>
12. Robelius F. Giant Oil Fields. The Highway to Oil: Giant Oil Fields and their Importance for Future Oil Production URL: http://www.odac-info.org/bulletin/documents/PhD_GOF.htm

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Леонид Викторович Крутаков — доцент департамента массовых коммуникаций и рекламы, Финансовый университет, Москва, Россия

Leonid V. Krutakov — Associate Professor, Department of Mass Communications and Advertising, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-7497-6928>

lvkrutakov@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 16.03.2022; принята к публикации 04.04.2022.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 16.03.2022; accepted for publication on 04.04.2022.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-3-74-80
УДК 323:614.2(045)

Социальная политика государства в системе здравоохранения: возрождение модели Семашко

М.Н. Короткова

Пермский государственный медицинский университет имени академика Е.А. Вагнера, Пермь, Россия

АННОТАЦИЯ

Актуальность исследования обусловлена ростом позитивного интереса к модели Семашко в современной России со стороны медицинской и исторической частей научного сообщества, специалистов-медиков, населения России и государства. В работе использованы нормативно-правовые акты, суждения первых лиц государства, официальная статистика. Низвержение модели Семашко в ранней постсоветской России было обосновано либерально-рыночным подходом и эпидемиологическим транзитом. Однако появившийся общественный запрос на социально ориентированные модели, новая эпидемиологическая волна, а также перманентный дефицит финансов и кадров вынудили государство вновь обратиться к опыту модели Семашко. Новая эпидемиологическая волна поставила вопрос о возврате к централизации управления и финансирования и о реоптимизации ресурсов эпидемиологического профиля. В области управления официальные власти предложили ограничиться централизацией санитарно-эпидемиологической службы, в области финансирования – централизацией средств ОМС в бюджете ФОМС. Что касается эпидемиологической базы, то планируется ее расширение через строительство новых больниц, увеличение штата эпидемиологов и врачей-инфекционистов.

Ключевые слова: социальная политика государства; модель Семашко; советская система здравоохранения; первичное звено; профилактика; оптимизация; ординатура; сельская медицина; отраслевая оплата труда; централизация управления

Для цитирования: Короткова М.Н. Социальная политика государства в системе здравоохранения: возрождение модели Семашко. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(3):74-80. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-3-74-80

ORIGINAL PAPER

Social Policy of the State in the Healthcare System: The Revival of the Semashko Model

M.N. Korotkova

Wagner Perm State Medical University (PSMU), Perm, Russia

ABSTRACT

The relevance of the study is due to the growing positive interest in the Semashko model in modern Russia from the “medical” and “historical” parts of the scientific community, medical specialists, the population of Russia and the state. The article uses general documents, speech by top public officials, official statistics. The overthrow of the Semashko model in early post-Soviet Russia was due to public demand for market-oriented models, epidemiological transit. However, new circumstances (a new public demand for socially oriented models, a new epidemiological wave, as well as a permanent shortage of personnel and underfunding) forced the state to turn again to the experience of the Semashko model. A new epidemiological wave has raised questions: on the return to the centralization of management and financing and on the re-optimization of epidemiological resources. The official authorities proposed to centralize the management of the sanitary and epidemiological service and the means of compulsory health insurance (CHI) in the budget of the Federal Health Insurance Fund. It is also planned to expand the epidemiological base through the construction of new hospitals, increase the staff of epidemiologists and infectious diseases doctors.

Keywords: social policy; Semashko model; Soviet healthcare system; primary health care; prevention; optimization; residency; rural medicine; sectoral remuneration; centralization of management

For citation: Korotkova M.N. Social policy of the state in the healthcare system: The revival of the Semashko model. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of Financial University*. 2022;12(3):74-80. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-3-74-80

ВВЕДЕНИЕ

Советскую систему здравоохранения часто называют в честь ее организатора «моделью Семашко». В годы модернизации новой России она была подвергнута многочисленной критике, которая чаще всего исходила от экономистов рыночного толка [1, с. 17].

Самый популярный аргумент против модели Семашко (не связанный с экономикой) относился к эпидемиологическому транзиту: утверждалось, что модель Семашко должна быть демонтирована, так как она направлена на борьбу с инфекционными заболеваниями [2, с. 17, 24]. Позже это явилось одной из причин запуска политики оптимизации, направленной на реструктуризацию ресурсов здравоохранения.

Однако сегодня в современной России наблюдается рост позитивного интереса к модели Семашко, истоки которого кроются, во-первых, в нарастающем разочаровании в рыночной экономике и либерализме в мире в целом [3, с. 19]¹ (т.е. в общественном запросе на социальные, государственно-ориентированные модели)². Во-вторых, интерес обусловлен новой эпидемиологической волной и исторически доказанной эффективностью работы модели Семашко в чрезвычайных условиях [4, с. 2499; 5, с. 66]. В-третьих, следует сказать о дефиците финансов (постоянном увеличении расходов на здравоохранение с убывающей приростной отдачей)³ и кадров [6].

ОБЗОР НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

С помощью международной поисковой системы PubMed осенью 2021 г. можно было найти более 50 текстов, связанных с моделью Семашко. В научном сообществе существует несколько точек зрения на то, что произошло с моделью Семашко в постсоветской России. Представители первой настаивают на том, что модель Семашко была демонтирована (по причине несовместимости с рынком) и взывают, как минимум, к возрождению ее элементов [4, с. 2499; 7, с. 101]. Сторонники второй точки зрения полагают, что модель Семашко была реформирована, но частично: в наследство от нее остались принципы работы

и материально-техническая база [5, с. 67; 8, с. 218; 9, с. 350]. Те, кто представляет третью точку зрения, настаивают на недостаточности этих реформ и призывают к дальнейшей модернизации на основе рыночных механизмов [1, с. 25].

Исследователи считают, что преобразования завязаны на новой либерально-рыночной идеологии постсоветской России 1990-х гг. На основе своих убеждений они оценивают преобразования в позитивном или негативном ключе и формируют дальнейшие рекомендации.

Если говорить о масштабных системных исследованиях преобразований модели Семашко/советской системы здравоохранения, то стоит упомянуть отчеты Европейской обсерватории по системам и политике здравоохранения зарубежных и отечественных специалистов от 2003 [2] и 2011 [10] гг. Однако эти отчеты уже устарели, кроме того, в них преобладает экономический подход. То есть можно констатировать недостаточность системных научных исследований по возрождению модели Семашко. Таким образом, целью исследования является систематизация реакции государства на новые запросы времени (или эволюция политики государства в отношении модели Семашко).

РЕЗУЛЬТАТЫ

1. Дефицит финансирования. Данное обстоятельство (несмотря на ввод в эксплуатацию страховой модели), а также необходимость дальнейшего сокращения издержек (в силу демографических сдвигов) вынуждают государство к постоянным поискам новых источников средств.

1.1. Развитие первичного звена. Здесь следует немного отступить и отметить важную вещь. Большинство исследователей ставят знак равенства между моделью Семашко и советской системой здравоохранения и относят профилактику, стационар и обширный штат специалистов к ее составляющим⁴. Другие считают профилактику характерной чертой модели Семашко, а стационар и развитый штат специалистов относят к чертам позднесоветской системы здравоохранения [11]. В рамках этого подхода политика модернизации, направленная на оптимизацию материальных и трудовых ресурсов (стационара и штата специалистов) с упором на предупреждающую медицину, позиционируется как воз-

¹ В.В. Путин на пленарном заседании клуба «Валдай». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=-TwGHcd5t8Y>.

² Эффективность частных и государственных предприятий: ФОМ. URL: <https://fom.ru/ekonomika/12784>.

³ Мировая статистика здравоохранения, 2017 г. URL: https://www.who.int/gho/publications/world_health_statistics/2017/ru/

⁴ Есть риск, что будет третья волна. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4704183>.

врат к модели Семашко. Возврат усматривается в последовательном развитии первичного звена, персонализированной медицины, диспансеризации и иммунизации населения.

Дефицит финансирования в данном случае частично решается с помощью переноса внимания государства с дорогостоящей и избыточной (в условиях эпидемиологического транзита) специализированной и стационаро-ориентированной медицины на профилактику и первичное звено [11]⁵.

1.2. Акцент на профилактику. Необходимыми элементами возврата к профилактической модели Семашко стали: возрождение диспансеризации, иммунизации населения, развитие персонализированной медицины, формирование системы общественного здоровья, выдвижение инициативы, направленной на «снижение доступности алкогольной и табачной продукции», популяризация здорового образа жизни [4, с. 2501; 8, с. 218; 9, с. 350; 12, с. 453].

Профилактическая модель позволяет минимизировать расходы государства посредством предотвращения лечения болезней; развития более дешевой, точной диагностики; сокращения расходов на лечение уже заболевших людей; сокращения нагрузки на первичное звено [13, с. 56].

1.3. Предложения по пересмотру модели финансирования услуг. По замыслу государства, дефицит финансирования частично можно решать с помощью стимулирования производительности труда при одновременной оптимизации штатов и организаций. Рост производительности труда, в свою очередь, зиждется на «эффективных» методах оплаты услуг, нацеленных на результат: в первичном звене — на подушевом тарифе. Считается, что фиксированный подушевой тариф сдерживает рост расходов на медицинские услуги и стимулирует профилактическую работу врачей (чем больше здоровых пациентов, тем меньше посещений, тем выше финансирование учреждения) [14, с. 21; 15, с. 71].

Однако (как показала практика) первичное звено в рамках подушевого тарифа не всегда заинтересовано в работе с пациентами, потому что, во-первых, данные тарифы недостаточны для реализации медицинских программ; во-вторых,

«чем меньше обращений, тем больше экономия средств»; в-третьих, «деньги за пациента все равно будут получены»⁶⁷.

Еще одна проблема с финансированием услуг была озвучена в 2019 г. вице-премьером РФ Т. Голиковой: медицинские организации в силу ограниченности подушевого тарифа «не всегда вкладывают туда те услуги, которые, в общем, гражданину надо оказать». Поэтому необходимо задуматься над тем, чтобы вывести некоторые услуги из тарифа и оплачивать их по факту (как раньше)⁸.

1.4. Оптимизация ресурсов как возврат идеи о рациональном хозяйствовании. Современную политику оптимизации можно рассматривать не только с позиций возврата интереса к превентивной медицине, но и как идею об экономичном использовании ресурсов.

В 1929 г. Н. Семашко в статье «Все внимание рационализации» заявил: «Не будем скрывать, что очень многие недостатки в медицинской работе зависят не столько от недостатка средств, сколько от того, что мы плохо хозяйничаем <...> многие основные вопросы в практике здравоохранения могли бы быть изжитыми, во всяком случае смягченными, если бы рационализация глубже проникла в нашу культуру» [12, с. 457].

Требование перехода к качественным показателям развития отрасли/оптимизации (после тяжелого периода, обусловленного необходимостью выживания в условиях радикальной модернизации государства и недостаточного финансирования) [2, с. 85; 12, с. 453; 16] можно считать исторически закономерным.

2. Дефицит кадров. Существующий дефицит кадров требует пересмотра отношения к модели Семашко, к механизмам, применяемым ранее. Одним из таких механизмов является распределение медицинских кадров.

2.1. Изменения правил поступления в ординатуру. В 1948 г. появилась система обязательного распределения (которая просуществовала до распада Советского Союза).

⁶ Скрипка Страдивари в разбитом футляре. URL: <https://rg.ru/2020/08/27/akademik-armais-kamalov-zdravooxranenie-dolzno-byt-priravneno-k-gossluzhbe.html>

⁷ Лечение по суду. ОМС. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3434613>.

⁸ Голикова предложила вывести часть услуг из подушевого норматива финансирования. URL: <https://vademec.ru/news/2019/06/06/golikova-raskritikovala-polikliniki-zanetseleso-obraznoe-ispolzovanie-podushvevogo-finansirovaniya>.

⁵ Человек не должен просто лежать в больнице, он должен там лечиться. URL: <https://www.rosminzdrav.ru/news/2014/12/26/2190-intervyu-ministra-veroniki-skvortsovoy-gazete-moskovskiy-komsomolets>.

В 2017 г. в порядок приема на обучение в ординатуре были внесены существенные изменения, которые можно интерпретировать как скрытый, частичный возврат к советскому механизму решения проблемы с дефицитом кадров (принудительному стимулированию к работе в сельской местности). Сегодня для получения должности врача общей практики или врача узкой специализации необходимо обучаться в ординатуре. Учитывая открытый конкурсный характер зачисления и ограниченность мест в ординатуре, наибольший шанс на поступление имеют те, кто отработал в сельской местности не менее 2-х лет⁹.

По мнению официальных лиц, к механизмам, по сути, заменяющим советскую систему обязательного распределения, также относится целевой набор¹⁰. Однако он подразумевает выбор со стороны учащихся. Кроме того, эта система функционирует со времен Советского Союза, поэтому не может считаться реакцией государства на новые обстоятельства.

2.2. Поддержка сельской медицины. Нарботки советской системы здравоохранения используются для решения проблемы, связанной с дефицитом сельских кадров [17, с. 90]. Речь, прежде всего, идет об открытии кабинетов общей практики и предоставлении «земским» врачам разнообразных льгот и материальных стимулов. Подобные меры существенно снижают дефицит специалистов.

2.3. Возврат к отраслевой системе оплаты труда. С 2005 г. регионы (работодатели, главврачи) получили возможность самостоятельно определять структуру зарплат, что привело к серьезной дифференциации заработной платы специалистов со сходным уровнем квалификации, стажа и должности. Главной причиной стал низкий уровень фиксированной части дохода — оклада (30%)¹¹. В этих условиях В. Скворцова в 2014 г. выступила с предложением о необходимости возврата «как минимум к компонентам отраслевой системы» оплаты труда, а в перспективе — к таким понятиям, как «ставка» и «нагрузка»¹².

С конца 2021 г. (по март 2022 г.) запущен эксперимент по внедрению новой системы оплаты труда в 7 регионах России¹³. В усовершенствованной структуре оплаты труда сохраняются рыночные механизмы стимулирования труда, при этом возвращается понятие фиксированного оклада, призванного, в частности, решить проблему с перетоком специалистов из одного региона в другой.

2.4. Возврат к принципу солидарности. Дефицит кадров в регионах вызван дифференциацией не только оплаты труда, но и медицинских услуг. Для исправления ситуации, по словам В. Скворцовой, в 2013 г. «был впервые возвращен принцип социального равенства и солидарности при распределении госресурсов: территориальные программы ОМС стали финансироваться по единому для всей страны подушевому нормативу с учетом... коэффициентов дифференциации между регионами в зависимости от условий и потребностей разных территорий страны». Как результат, разница в оплате одной и той же услуги сократилась более чем вдвое¹⁴.

Вопрос о централизации. Принципиально важной чертой модели Семашко была централизация управления. В постсоветской России управление здравоохранением было возложено на государство и его субъекты.

Пандемия заставила некоторых представителей медицинского сообщества усомниться в целесообразности данного решения^{15, 16}. Однако официальные власти не согласны с этой позицией. Так, в комплексном исследовании «Общество и пандемия. Опыт и уроки борьбы с COVID-19 в России», в котором приняли участие представители не только ведущих вузов страны, но и ряд федеральных министерств и ведомств, говорится о том, что «сама по себе централизация (или децентрализация) не является гарантией успеха», а «федеративная основа государства» и децентрализованная

⁹ Приказ Министерства здравоохранения от 11.05.2017 № 212н РФ «Об утверждении Порядка приема на обучение по образовательным программам высшего образования — программам ординатуры».

¹⁰ Дело врачей. URL: <https://rg.ru/2019/09/05/skvorcova-vrach-dolzhen-prinimat-pacienta-stolko-vremeni-skolkonuzhno.html>.

¹¹ Министра вызывали? Российская газета. 2014. № 207.

¹² Интервью с В. Скворцовой. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=puBR3iW0noA>.

¹³ Проект Постановления Правительства Российской Федерации от 2021. URL: https://storage.consultant.ru/ondb/attachments/202110/09/ПРОЕКТ_NSOT_MED_091021_GP7.pdf.

¹⁴ Министра вызывали? Российская газета. 2014. № 207.

¹⁵ Как COVID-19 изменит систему здравоохранения. URL: <https://plus.rbc.ru/news/5f0d0b7c7a8aa9187eb1b492>

¹⁶ Мы должны вернуть централизованное управление отраслью. URL: <https://medvestnik.ru/content/news/Mihail-Kuzmenko-my-doljny-vernut-centralizovannoe-upravlenie-otraslu.html>.

система управления играют позитивную роль в условиях кризиса¹⁷.

Также негативно официальные власти¹⁸ и сторонники рыночной экономики [18, с. 81] реагируют на предложения о возврате к централизации финансирования (отказе от страховой модели и возврате к бюджетной) [4, 7]. В качестве основной причины звучит «безумная дороговизна» «глобального перераспределения доходов» в условиях экономически дифференцированных регионов¹⁹.

Вместо возврата к централизации управления и финансирования официальные власти предлагают ограничиться централизацией в области биологической безопасности²⁰, санитарно-эпидемиологической службы, а также централизацией финансирования средств ОМС в бюджете ФОМС [4, с. 2502; 19, с. 11].

Вопрос о реоптимизации ресурсов эпидемиологического профиля в новых условиях. С одной стороны, говорить о выработке единого плана действий в отношении реоптимизированных ресурсов после окончания пандемии пока еще

рано. С другой стороны, медицинским сообществом признано, что высокое число коек и врачей на душу населения (которое раньше оценивалось как экономически неэффективное, а следовательно, подлежащее оптимизации) оказало позитивное влияние на способность отечественного здравоохранения противостоять распространению коронавируса [20]. В ближайшие планы государства, по словам заместителя руководителя аппарата Правительства РФ О. Кривоноса, входит создание единой системы оказания медицинской помощи, способной при возникновении инфекционных болезней «кратно» нарастить свои мощности, увеличение штата эпидемиологов и врачей-инфекционистов, а также строительство новых инфекционных больниц²¹.

ВЫВОДЫ

Обратиться к опыту модели Семашко государство вынудили обстоятельства последних лет (прежде всего, нерешенный вопрос дефицита финансов и кадров). Это привело к оптимизации ресурсов с упором на предупреждающую медицину и первичное звено, поддержке сельской медицины, изменению правил подготовки специалистов (поступления в ординатуру), а также к возвращению к отраслевой системе оплаты труда.

²¹ Общество и пандемия: опыт и уроки борьбы с COVID-19 в России. М.; 2020. 744 с.

¹⁷ Общество и пандемия: опыт и уроки борьбы с COVID-19 в России. М.; 2020. 744 с.

¹⁸ В правительстве отвергли идею возврата к советской модели медицины. URL: <https://www.rbc.ru/economics/22/10/2020/5f915a949a7947b23a05db22>.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Тихомиров А. В. Отраслевая организация здравоохранения. *Главный врач: хозяйство и право*. 2010;(5):17–25.
2. Tragakes E., Lessof S. Health care systems in transition: Russian Federation. Copenhagen: European Observatory on Health Systems and Policies; 2003. 212 p.
3. Рокмор Т. Маркс после марксизма: Философия Карла Маркса. Пер. с англ. М.: Канон-плюс; 2011. 400 с.
4. Артеменко Д. А., Соколов А. А. Трансформация общественного здравоохранения России: анализ сбалансированности. *Финансы и кредит*. 2017;(42):2498–2510. DOI: 10.2489/fc.23.42.2498
5. Трефилова О. А. Николай Александрович Семашко — общественный деятель и организатор детского здравоохранения. *История медицины*. 2014;(3):65–72.
6. Короткова М. Н. Политика государства в сфере здравоохранения: проблема дефицита кадров. *Политика и Общество*. 2016;(7):1008–1017. DOI: 10.7256/1812–8696.2016.7.19626
7. Соколов А. А. Анализ международной практики модернизации национальных систем здравоохранения. *Научный Вестник Южного института менеджмента*. 2017;(2):96–103.
8. Арсентьев Е. В., Решетников В. А. К биографии Н. А. Семашко: деятельность первого наркома здравоохранения в 1920–1925 гг. *История медицины*. 2018;(3):217–229. DOI: 10.3897/hmj.5.3.32480
9. Сквирская Г. П., Волнухин А. В. Основные направления совершенствования деятельности в области общественного здоровья и управления здравоохранением в современных условиях в Российской Федерации. *Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики*. 2020;(2):348–366. DOI: 10.24411/2312–2935–2020–00051

10. Popovich L., Potapchik E., Shishkin S., Richardson E., Vacroux A., and Mathivet B. Russian Federation: Health system review. *Health Systems in Transition*. 2011;13(7):1–190.
11. Sheiman I., Shishkin S., Shevsky V. The evolving Semashko model of primary health care: the case of the Russian Federation. *Risk Management and Healthcare Policy*. 2018;(11):209–220. DOI: 10.2147/RMHP.S 168399
12. Арсентьев Е.В., Решетников В.А. К биографии Н.А. Семашко. *История медицины*. 2017;4(4):447–460. DOI: 10.17720/2409–5583.t4.4.2017.09i
13. Куракова Н.Г., Сон И.М., Петров А.Н. Переход к модели персонализированной медицины: барьеры и возможные решения. *Менеджер здравоохранения*. 2017;(8):53–67.
14. Кузенкова Н.Н. Выдержать конкуренцию и сохранить доступность медицинской помощи. *Московская медицина*. 2017;(5):20–22.
15. Буранбаева Л.З., Якшимбетова Г.И. Социально-экономические приоритеты подушевого финансирования здравоохранения. *Вестник БИСТ (Башкирского Института Социальных Технологий)*. 2017;(4):70–75.
16. Sheiman I. Rocky road from the Semashko to a new health model. *Bull World Health Organ*. 2013;(91):320–321.
17. Егорышева И.В. Роль Наркомздрава РСФСР в развитии сельского здравоохранения в 1920-е гг. *Бюллетень национального научно-исследовательского института общественного здоровья им. Н.А. Семашко*. 2017;(1):89–91.
18. Шишкин С.В., Шейман И.М., Потапчик Е.Г., Понкраторова О.Ф. Анализ состояния страховой медицины в России и перспектив ее развития. М.: Высшая школа экономики; 2019. 100 с.
19. Улумбекова Г.Э. Здравоохранение России. Что надо делать. Состояние и предложения: 2019–2024 гг. М.: Издательская группа «ГЭОТАР-Медиа»; 2019. 416 с.
20. Стародубов В.И., Кадыров Ф.Н., Обухова О.В., Базарова И.Н., Ендовицкая Ю.В., Несветайло Н.Я. Влияние коронавируса COVID-19 на ситуацию в российском здравоохранении. URL: https://mednet.ru/images/materials/news/doklad_cniioiz_po_COVID-19-2020_04_26.pdf.

REFERENCES

1. Artemenko D.A., Sokolov A.A. Transformation of public health in Russia: balance analysis. *Finansy i kredit=Finance and Credit*. 2017;(42):2498–2510. (In Russ.). DOI: 10.2489/fc.23.42.2498
2. Tikhomirov A.V. Branch organization of healthcare. *Glavnyi vrach: khozyaistvo i pravo = Chief Physician: Economy and law*. 2010;(5):17–25. (In Russ.).
3. Tragakes E., Lessof S. Health care systems in transition: Russian Federation. Copenhagen: European Observatory on Health Systems and Policies; 2003. 212 p.
4. Rockmore T. Marx After Marxism. The Philosophy of Karl Marx. Oxford; Malden, MA; 2002. 224 p.
5. Trefilova O.A. Nikolai Semashko — social activist and health care organizer. *Istoriya meditsiny = History of medicine*. 2014;(3):65–72. (In Russ.).
6. Korotkova M.N. The state policy in the sphere of healthcare: the problem of staff shortage. *Politika i Obshchestvo = Politics and Society*. 2016;(7):1008–1017. (In Russ.). DOI: 10.7256/1812–8696.2016.7.19626
7. Sokolov A.A. The analysis of international practice of modernization of national Health systems. *Nauchnyi Vestnik Yuzhnogo instituta menedzhmenta=Scientific Bulletin of the Southern Institute of Management*. 2017;(2):96–103. (In Russ.).
8. Arsentyev E.V., Reshetnikov V.A. To the biography of N.A. Semashko: on the work of the first People's Commissar of Health in 1920–1925. *Istoriya meditsiny = History of Medicine*. 2018;(3):217–229. (In Russ.). DOI: 10.3897/hmj.5.3.32480
9. Skvirskaya G.P., Volnuhin A.V. Basic directions of improving scientific, educational, and practical activities in the field of public health and health management in modern conditions in the Russian Federation. *Sovremennye problemy zdravookhraneniya i meditsinskoj statistiki = Current problems of health care and medical statistics*. 2020;(2):348–366. (In Russ.). DOI: 10.24411/2312–2935–2020–00051
10. Popovich L., Potapchik E., Shishkin S., Richardson E., Vacroux A., and Mathivet B. Russian Federation: Health system review. *Health Systems in Transition*, 2011;13(7):1–190.
11. Sheiman I., Shishkin S., Shevsky V. The evolving Semashko model of primary health care: the case of the Russian Federation. *Risk Management and Healthcare Policy*. 2018;(11):209–220. DOI: 10.2147/RMHP.S 168399
12. Arsentyev E.V., Reshetnikov V.A. To the biography of N.A. Semashko. *Istoriya meditsiny = History of Medicine*. 2017;4(4):447–460. (In Russ.). DOI: 10.17720/2409–5583.t4.4.2017.09i

13. Kurakova N.G., Son I.M., Petrov A.N. The transition to a model of personalized medicine: barriers and possible solutions. *Manager Zdravoochranenia = Health Care Manager*. 2017;(8):53–67. (In Russ.).
14. Kuzenkova N.N. To withstand competition and maintain the availability of medical care. *Moskovskaya meditsina = Moscow medicine*. 2017;(5):20–22. (In Russ.).
15. Buranbaeva L.Z., Yakshimbetova G.I. Socio-economic priorities of per capita financing of healthcare. *Vestnik BIST (Bashkirskogo Instituta Sotsial'nykh Tekhnologii) = Bulletin of BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2017;(4):70–75. (In Russ.).
16. Sheiman I. Rocky road from the Semashko to a new health model. *Bull World Health Organ*. 2013;(91):320–321.
17. Egorysheva I.V. The role of the Russian Federation Health Care People's Commissariat in the development of rural services in 1920–1929. *Byulleten' natsional'nogo nauchno-issledovatel'skogo instituta obshchestvennogo zdorov'ya im. N.A. Semashko = Bulletin of Semashko National Research Institute of Public Health*. 2017;(1):89–91. (In Russ.).
18. Shishkin S.V., Sheiman I.M., Potapchik E.G., Ponkratova O.F. Analysis of the state of insurance medicine in Russia and prospects for its development. Moscow; 2019. 100 p. (In Russ.).
19. Ulumbekova G.E. Healthcare of Russia: 2018–2024. What to Do? Moscow; 2019. 416 p. (In Russ.).
20. Starodubov V.I., Kadyrov F.N., Obukhova O.V., Bazarova I.N., Endovitskaya Yu.V., Nesvetailo N. Ya. The impact of the COVID-19 coronavirus on the situation in Russian healthcare. URL: https://mednet.ru/images/materials/news/doklad_cnioiz_po_COVID-19-2020_04_26.pdf. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Мария Николаевна Короткова — кандидат политических наук, доцент кафедры «Истории Отечества, истории медицины, политологии и социологии», Пермский государственный медицинский университет имени академика Е.А. Вагнера, Пермь, Россия

Mariya N. Korotkova — Cand. Sci. (Political Sciences), Associate Professor, Department of Russian History, History of Medicine, Political and Social Sciences, Wagner Perm State Medical University, Perm, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-4997-7109>
korotkova_mariya@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 03.02.2022; принята к публикации 20.03.2022.
Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.
The article was received on 03.02.2022; accepted for publication on 20.03.2022.
The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-3-81-88
УДК 32(045)

Экономическое голосование как фактор электоральной подвижности в РФ (на примере регионов Центрального федерального округа)

С.Л. Чепель

Финансовый университет;
Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье на примере выборов в Государственную Думу 2021 г. в регионах Центрального федерального округа рассматривается феномен экономического голосования как фактор электоральной подвижности. В качестве индикаторов состояния социально-экономической ситуации, сложившейся в период, предшествовавший выборам, используются уровень безработицы и доля населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума. В результате изучения взаимосвязи изменений социально-экономических показателей и динамики смены партийных предпочтений избирателей автор констатирует, что заметное воздействие на электоральное участие оказывает только уровень безработицы. Автор приходит к выводу, что электоральное поведение российских граждан продолжает оставаться преимущественно перспективным. Несмотря на обострение социально-экономических проблем, большинство избирателей сохраняют доверие правящей партии «Единая Россия», связывая с ней свои надежды на материальное благополучие в будущем. Однако наличие положительной корреляции между ростом безработицы и расширением электоральной поддержки оппозиционных партий указывает на то, что в случае дальнейшего ухудшения социально-экономического положения не исключено изменение расстановки сил на российской политической арене.

Ключевые слова: экономическое голосование; электоральная подвижность; уровень безработицы; уровень бедности; партийные предпочтения; электоральная поддержка

Для цитирования: Чепель С.Л. Экономическое голосование как фактор электоральной подвижности в РФ (на примере регионов Центрального федерального округа). *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(3):81-88. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-3-81-88

ORIGINAL PAPER

Economic Voting as a Factor of Electoral Volatility in Russian Federation (on the example of regions of the Central Federal District)

S.L. Chepel

Financial University; Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article deals with the phenomenon of economic voting which stands out as a factor of electoral volatility. We choose the 2021 elections to the State Duma to serve as an example of the analysis. Two indicators that is level of unemployment and the proportion of population with monetary income which is lower than the minimum standard of life we used to demonstrate the socio-economic situation prior to the elections. The consideration of the interplay of socio-economic indices and the dynamics of changing voters party preferences clearly shows that the level of unemployment alone have market effect on the electoral participation. The author concludes that the electoral behaviour of Russians citizens remains mainly prospective. Despite the aggravation of socio-economic problems, the majority of voters keep up confidence in the ruling party United Russia connecting with in their hopes for material wellbeing in future. However, the positive correlation between the growth of unemployment and widening electoral support to the opposition parties points out that in case of further deterioration of socio-economic situation changes in arrangement of political forces in Russian political scene can not be excluded.

Keywords: economic voting; electoral volatility; party preferences; level of unemployment; level of poverty; electoral support

For citation: Chepel S.L. Economic voting as a factor of electoral volatility in Russian Federation (on the example of regions of the Central Federal District). *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanity and Social Sciences. Bulletin of Financial University*. 2022;12(3):81-88. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-3-81-88 (In Russ.).

Выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ, состоявшиеся в сентябре 2021 г., не оказали существенного влияния на расстановку ведущих партийных сил на российском политическом поле. Тем не менее они отчетливо продемонстрировали смену направленности электоральной подвижности. Если в ходе парламентских выборов 2016 г. наблюдалась активная мобильность избирателей в пользу партий «Единая Россия» и ЛДПР, а партии системной оппозиции — КПРФ и «Справедливая Россия» — утратили заметную долю своего электората, то в 2021 г. сложилась противоположная ситуация. Итоги голосования зафиксировали снижение электоральной поддержки правящей партии «Единая Россия»: в ходе выборов 2016 г. за ее партийный список проголосовало 54,2% избирателей, и ей также удалось победить в 203 одномандатных округах, а в 2021 г. по единому избирательному округу ее поддержало 49,8% избирателей, и она победила в 198 одномандатных округах¹². Таким образом, по уровню доверия избирателей политической программе партии, «Единая Россия» фактически сместилась к своему показателю на выборах депутатов Государственной Думы 2011 г., когда по единому избирательному округу она получила 49,3% голосов³. При этом следует напомнить, что парламентские выборы 2011 г. проводились с использованием пропорциональной избирательной системы. Но в 2014 г. в России был принят закон, возвративший смешанную несвязанную избирательную систему, при которой в ходе голосования применяются как пропорциональный, так и мажоритарный принципы, а результаты выборов определяются раздельно в едином избирательном округе и в одномандатных округах. Как показала практика, при равномерном распределении по территории страны сторонников доминирующей

партии она, обладая значительными финансовыми и административными ресурсами, имеет высокий шанс победить в большинстве одномандатных округов. Иными словами, только благодаря применению смешанной несвязанной избирательной системы и избранию в одномандатных округах половины депутатов Государственной Думы, «партии власти» удалось в 2021 г. сохранить за собой конституционное парламентское большинство, несмотря на сокращение корпуса ее избирателей. Весьма заметный спад доверия избирателей испытала и Либерально-демократическая партия России. Если в 2016 г. за партийный список ЛДПР по единому избирательному округу проголосовало 13,1% избирателей, то в 2021 г. — 7,5%⁴. В то же время в ходе парламентских выборов 2021 г. в разной степени улучшили свои электоральные показатели партии системной оппозиции. Так, если в 2016 г. при голосовании за партийные списки КПРФ заручилась поддержкой 13,3% избирателей, то в 2021 г. — уже 18,9%⁵. Партия «Справедливая Россия», которая после объединения в феврале 2021 г. с партиями «За Правду» и «Патриоты России» участвовала в выборах в Государственную Думу под новым названием: «Справедливая Россия — За Правду» (СР-ЗП) также, хотя и не много, укрепила свои электоральные позиции. В 2016 г. при голосовании за партийные списки она получила 6,2% голосов избирателей, а в 2021 г. — 7,4%⁶. Говоря о росте доверия электората к оппозиционным партиям, следует обратить внимание и на расширение электоральной поддержки «Российской партии пенсионеров за социальную справедливость» (РППСС). Ей не удалось преодолеть электоральный барьер, но все же, получив по единому округу 2,4% голосов избирателей, она смогла улучшить свой электоральный показатель по сравнению с выборами 2016 г.⁷ Что же касается других малых партий: «Яблоко», «Коммунисты России», «Родина», «Партия Роста», «Гражданская платформа» — все они по сравнению с парламентскими выборами 2016 г. утратили часть своей и без того крайне ограниченной поддержки избирателей. Единственной новацией

¹ Выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации седьмого созыва 18 сентября 2016 года. URL: <http://vestnik.cikrf.ru/vestnik/publications/analytics/19620.html>; Выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации восьмого созыва. URL: <http://cikrf.ru/analogy/ediny-den-golosovaniya-2021/kategorii-viborov/vibori-deputatov-gosdumi>.

² Выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации седьмого созыва 18 сентября 2016 года: Электоральная статистика / Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. URL: <http://vestnik.cikrf.ru/vestnik/publications/analytics/19620.html>.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации седьмого созыва 18 сентября 2016 года: Электоральная статистика / Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. URL: <http://vestnik.cikrf.ru/vestnik/publications/analytics/19620.html>.

⁷ Там же.

прошедшей избирательной кампании и выборов в Государственную Думу VIII созыва стал выход на политическую арену партии «Новые люди», сумевшей, набрав 5,3% голосов по единому избирательному округу, преодолеть электоральный барьер и сформировать парламентскую фракцию⁸.

Изменение направленности электоральной мобильности избирателей свидетельствовало о формировании в обществе запроса на корректировку политики правительства, прежде всего, в социально-экономической сфере. Усиление критических настроений в общественном сознании по отношению к курсу, проводимому правящей партией в этой области, зафиксировали ведущие центры социологических исследований. В частности, по данным ВЦИОМ, в период с сентября 2020 по август 2021 г. включительно доля респондентов, которых в целом устраивала экономическая политика правительства, снизилась с 25 до 21%, и с 40 до 47% возросла доля тех, которых в целом эта политика не устраивала. Схожая картина наблюдается в плане отношения российских граждан к социальной политике правительства. В тот же временной период доля тех респондентов, которых она в целом устраивала, сократилась с 31 до 27%, и с 34 до 40% увеличилась доля тех, которых в целом она не устраивала⁹. Усиливающееся социальное недовольство избирателей, безусловно, имело серьезные основания. Низкие темпы экономического роста, наблюдавшиеся в РФ начиная с 2013 г., резкий спад производства вследствие пандемии, западные финансово-экономической санкции привели к существенному усложнению социально-экономической ситуации в российском обществе. По данным Федеральной службы государственной статистики (Росстат), реально располагаемые денежные доходы населения (доходы за вычетом обязательных платежей, скорректированные на индекс потребительских цен), в 2020 г. по сравнению с 2019 г. снизились на 3,5%¹⁰. Эту негативную динамику удалось немного ослабить только к середине 2021 г. Усилились инфляция и рост цен. Согласно официальной

статистике общий индекс потребительских цен в I квартале 2021 г. к I кварталу 2020 г. составил 105,5%, а на продукты питания — 108,0%¹¹. Резко обострилась проблема безработицы. По данным Росстат, в период с декабря 2019 по декабрь 2020 г. численность только официально зарегистрированных безработных выросла с 733 до 2773 тыс. чел., т.е. в четыре раза¹². В I квартале 2021 г. благодаря усилиям правительства удалось остановить рост безработицы и даже снизить ее, но, тем не менее, на конец марта 2021 г. в стране официально зарегистрированными безработными числились 1748 тыс. чел¹³. После периода незначительного сокращения доли населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума — с 13,2% в 2016 г. до 12,1% в 2020 г., в первом полугодии 2021 г. она вновь достигала величины 13,1%, составив 19,1 млн человек¹⁴. Очевидно, что ответственность за ухудшение социально-экономического положения в стране общественное мнение в первую очередь возлагало на партию, олицетворяющую собой российский политический режим. Так, по данным ВЦИОМ, в период с сентября 2020 по август 2021 г. включительно с 31,5 до 28,3% сократилась доля граждан, готовых проголосовать за партию «Единая Россия». В тот же период доля избирателей, готовых поддержать КПРФ на ближайших парламентских выборах, выросла с 13,5 до 17,5%, СП-ЗП — с 6,0 до 6,5%¹⁵.

Снижение электоральной поддержки «партии власти» на фоне усиления негативных тенденций в экономике и социальной сфере актуализирует ряд вопросов. Во-первых, в какой степени динамика электоральной мобильности российских избирателей определяется социально-экономической ситуацией, складывающейся в период, предшествующий выборам? А во-вторых, способно ли ее дальнейшее ухудшение стимулировать процессы электоральной подвижности, которые могут существенно изменить расстановку сил в партийной системе РФ? Ведь, по мнению некоторых исследователей, надежды оппозиции

⁸ Выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации седьмого созыва 18 сентября 2016 года: Электоральная статистика / Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. URL: <http://vestnik.cikrf.ru/vestnik/publications/analytics/19620.html>.

⁹ ВЦИОМ. Новости: Оценка властей URL: <https://wciom.ru/ratings/ocenka-vlastei>

¹⁰ Федеральная служба государственной статистики. Информация о социально-экономическом положении России. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50800>

¹¹ Об индексе потребительских цен в марте 2021 года. URL: https://gks.ru/bgd/free/B_04_03/IssWWW.exe/Stg/d02/62.htm

¹² Федеральная служба государственной статистики. Информация о социально-экономическом положении России 2020 год. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50800>.

¹³ Там же.

¹⁴ Уровень жизни — Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397>.

¹⁵ Рейтинг политических партий — ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/ratings/reiting-politicheskikh-partii>.

на то, что в условиях нарастания экономических проблем она получит широкую поддержку избирателей, не оправдываются. Как в частности заметил накануне парламентских выборов 2021 г. российский экономист В. Иноземцев, «в современной России экономические потрясения не могут спровоцировать значительные протестные действия; правительство не берет на себя обязательство обеспечить экономический рост, население довольствуется надеждой на то, что ситуация не ухудшится, и никто не ожидает дальнейшего повышения благосостояния» [1]. Вместе с тем следует обратить внимание на оценки американского политолога М. Льюиса-Бека, сделанные им на основании сравнительного исследования феномена экономического голосования, в том числе и в посткоммунистических странах. «Недовольство граждан в связи с экономическими действиями правительства, — констатирует в частности М. Льюис-Бек, — в значительной степени увеличивает вероятность голосования против инкумбента» [2].

В настоящей статье предпринята попытка, используя в качестве исследуемых кейсов регионы Центрального федерального округа (ЦФО) РФ, выявить степень влияния социально-экономических факторов на процессы электоральной подвижности. Важность изучения этой взаимосвязи продиктована тем, что в условиях слабой партийной идентификации, типичной для электората стран «новой» демократии, экономическое голосование избирателей имеет заметно более выраженный характер, чем в странах «зрелой» демократии.

Экономический подход в исследованиях электорального поведения связывает смену партийных предпочтений избирателей с их оценкой динамики изменений показателей социально-экономического положения. Исходя из того, что демократия отличается от других типов политического режима тем, что она дает возможность гражданам с помощью выборов менять правительства, сторонники экономического подхода полагают, что избиратели, действуя в политике столь же рационально, как и в экономике, с помощью голосования наказывают или вознаграждают правящие элиты. По утверждению одного из родоначальников теории рационального выбора Э. Даунса, избиратель рассматривает выборы только как средство поддержать наиболее выгодное для него правительство и поэтому всегда оценивает, какую пользу принесет ему та или иная партия, если она в будущем окажется у власти. Иными словами, электоральный

выбор строится на сравнении тех выгод, которые гражданин получил в результате деятельности правящей партии с теми, которые он рассчитывает обрести в случае прихода к власти какой-либо из оппозиционных партий. Формулируя мотивы электорального поведения избирателя, Э. Даунс подчеркивал, что «первый фактор, влияющий на его оценку будущей деятельности каждой партии, — не их обещания по поводу перспектив, раздаваемых в ходе избирательной кампании, а их действия на протяжении предыдущего периода» [3]. Поэтому решение — за кого голосовать — гражданин принимает, опираясь на факты, а не на предположения. Таким образом, Э. Даунсом были заложены основы теории «ретроспективного голосования», согласно которой, избиратель, выступая в роли «покупателя», делает выбор на основе оценки социальных последствий экономической политики, проводимой действующей властью, и, соответственно, либо поддерживает ее, либо нет, голосуя за оппозицию. Следовательно, в периоды экономической нестабильности и нарастания социальных проблем электоральная мобильность избирателей имеет тенденцию к усилению и ориентирована в направлении поддержки оппозиционных политических сил. В условиях же устойчивой экономической ситуации, роста уровня и качества жизни электоральная подвижность носит умеренный характер и ориентирована в направлении поддержки правящих партий. Таким образом, экономическое голосование представляет собой механизм обеспечения политической ответственности правительства, обязывающий его достигать тех экономических и социальных целей, которые в текущем периоде отвечают ожиданиям общества. Альтернативная трактовка мотивов электорального поведения избирателей представлена теорией «перспективного голосования», сторонники которой полагают, что граждане в своих партийных предпочтениях скорее ориентированы в будущее, чем в прошлое. Выступая в роли «инвестора», избиратель делает выбор на основе своих оценок вероятности будущего успеха социально-экономических программ партий, конкурирующих на выборах. Можно сказать, что, предвосхищая социально-экономическую ситуацию, которая, возможно, будет достигнута, избиратели заранее наказывают или вознаграждают партии, участвующие в электоральной борьбе. Таким образом, граждане стремятся поддержать те политические силы, которые, по их субъективному мнению, действительно способны улучшить в обозримом бу-

душем их материальное благосостояние, исправив существующее тяжелое положение. Если, в силу особенностей политической культуры общества, ожидания роста благополучия прочно увязываются, прежде всего, с деятельностью правящей партии, то она имеет высокие шансы вновь обрести широкую поддержку избирателей и сохранить власть, даже несмотря на социально неэффективную экономическую политику, которую эта партия проводила в предшествовавший выборам период. Применительно к РФ следует подчеркнуть, что «преимущественно перспективный характер голосования, во многом объясняющийся преобладанием в массовом сознании ценностей выживания, благоприятствует “партии власти”» [4]. Важным для понимания динамики электоральной подвижности является также эгоцентрично-социотропное измерение мотивов поведения избирателей. Если при эгоцентричном голосовании критерием оценки социально-экономических программ правящих и оппозиционных партий выступает финансовое положение избирателя и его семьи, то при социотропном — экономическая ситуация во всем обществе. Учитывая характерную для посткоммунистических стран непрочность чувств национальной идентичности и социальной солидарности, можно предположить, что граждане все же более озабочены условиями жизни, которые затрагивают их непосредственно, а не общенациональной социально-экономической ситуацией. Этим обстоятельством обусловлен используемый в статье региональный подход в исследовании динамики электоральной подвижности. В целом же суждения избирателей о социально-экономических курсах правящих и оппозиционных партий формируются под воздействием не только рациональных, но и эмоциональных ориентаций. Как заметил французский экономист Э. Дюбуа, «демонстрируя лицо то искушенное, то наивное, то обращенное в прошлое, то в будущее, то к окружающим, то к самому себе, избиратель подобно Янусу предстает как персонаж с множеством лиц» [5].

Главными критериями динамики электоральной подвижности выступают направленность и интенсивность смены партийных предпочтений граждан. В ходе голосования по партийным спискам на выборах депутатов Государственной Думы VIII созыва в регионах ЦФО направленность электоральной мобильности избирателей полностью совпала с тем, что наблюдалось на общенациональном уровне: практически везде произошел спад электоральной поддержки партий «Единая

Таблица 1 / Table 1

Индексы электоральной подвижности в регионах Центрального федерального округа в период 2016–2021 гг. (в %) / Electoral mobility indices in the regions of the Central Federal District in the period 2016–2021 (in %)

Регион	Индекс
Белгородская область	11,7
Брянская область	5,0
Владимирская область	21,7
Воронежская область	10,0
Ивановская область	18,1
Калужская область	21,8
Костромская область	20,5
Курская область	18,8
Липецкая область	14,5
Московская область	13,9
Орловская область	18,9
Рязанская область	16,4
Смоленская область	18,6
Тамбовская область	11,5
Тверская область	18,2
Тульская область	12,0
Ярославская область	24,3
г. Москва	18,9

Источник / Source: рассчитано автором по: URL: <http://cikrf.ru/opendata/vib16fedsvod.php>; <http://www.izbirkom.ru/calculated> by the author from: URL: <http://cikrf.ru/opendata/vib16fedsvod.php>; <http://www.izbirkom.ru>.

Россия» и ЛДПР и рост доверия избирателей КПРФ и партии СР-ЗП. По сравнению с парламентскими выборами 2016 г. «партии власти» удалось крайне незначительно улучшить свой результат только в Брянской области, а партия СР-ЗП не сумела расширить свой электорат в Белгородской и Воронежской областях¹⁶. Но по уровню интенсивности электоральной мобильности избирателей регионы отличались друг от друга (табл. 1).

¹⁶ Сводные данные результатов выборов по федеральному избирательному округу. Выборы в Государственную Думу. 2016 год. URL: <http://cikrf.ru/opendata/vib16fedsvod.php>.

Наиболее высокими значениями индекса электоральной подвижности (более 20%) были отмечены Ярославская, Калужская, Владимирская, Костромская области. Сравнение данных ЦИК РФ об итогах голосования по партийным спискам на парламентских выборах 2016 и 2021 гг. показывает, что в этой группе регионов действительно уменьшилось число голосов, отданных за партию «Единая Россия» (с 6,2 до 9,4%), и увеличилось количество проголосовавших за КПРФ (с 6,1 до 12,9%) и партию СР-ЗП (с 3,4 до 9,0%)¹⁷. Низкие значения индекса электоральной мобильности избирателей (менее 12%) имели место в Воронежской, Тамбовской, Белгородской, Тульской областях. В этой группе регионов, как свидетельствуют данные ЦИК РФ, наблюдалось наименьшее снижение поддержки «Единой России» и наименьший рост голосов за КПРФ и СР-ЗП. Думается, что разная интенсивность смены партийных предпочтений являлась в определенной степени и выражением отношения избирателей к социально-экономической ситуации, сложившейся в регионе.

В исследованиях мотивов экономического голосования в качестве независимых переменных используется широкий набор макро- и микроэкономических факторов, воздействующих на формирование партийно-электоральных предпочтений избирателей. Очевидно, что в посткоммунистических странах, где в массовом общественном сознании преобладают ценности выживания, наиболее социально значимыми факторами выступают положение на рынке труда и денежные доходы населения. Поэтому в статье в качестве индикаторов, характеризующих выбранные переменные, используются «уровень безработицы» и «доля населения с доходами ниже прожиточного минимума» (табл. 2).

Как видно из табл. 2, согласно первому индикатору, в предвыборный период наиболее сложная ситуация с занятостью населения была в Ярославской, Орловской, Владимирской, Костромской, Ивановской, Рязанской, Смоленской областях, где уровень безработицы для трудоспособного населения превышал 5%. Относительно благополучным было положение на рынке труда в Московской области и особенно в Москве. Согласно второму индикатору наиболее неблагоприятная ситуация сложилась в Брянской, Ивановской, Орловской,

Тамбовской, Владимирской, Рязанской, Костромской, Тульской областях, где более 10% населения находилось за чертой бедности. В остальных областях и в Москве доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума была не столь высокой. Интерпретируя эти показатели с позиции классической теории ретроспективного голосования, следовало бы ожидать нарастающего спада электоральной поддержки партии инкумбента в лице «Единой России» и роста доверия избирателей ведущим оппозиционным партиям по мере ухудшения региональной социально-экономической ситуации. Однако сравнение данных табл. 1 и 2 не дает оснований для столь однозначного вывода. Так, из пяти регионов с наихудшими показателями по обоим индикаторам только Владимирская и Костромская области вошли в группу с наиболее высокими (более 20%) значениями индекса электоральной подвижности, а в Рязанской, Ивановской и Орловской областях электоральная мобильность носила умеренный характер (16,4–18,9%). В то же время в Калужской и Ярославской областях наиболее высокие значения индекса электоральной подвижности были достигнуты при показателях уровня бедности населения менее 10%. Раздельно оценивая воздействие выбранных социально-экономических факторов на динамику голосования за партии «Единая Россия», КПРФ и СР-ЗП, можно отметить не очень последовательный, но все же некоторый спад электоральной поддержки партии инкумбента и рост доверия оппозиционным силам по мере повышения уровня безработицы. Зависимости же колебаний электоральной поддержки партий — как правящей, так и оппозиционных — от фактора расширения доли населения, находящегося за чертой бедности, практически не прослеживается.

Более отчетливую картину воздействия социально-экономической ситуации на электоральное поведение избирателей дает корреляционный анализ значений индикаторов положения на рынке труда, денежных доходов населения и уровня голосования за партии на выборах (табл. 3).

Как следует из табл. 3, голосование по партийным спискам в регионах ЦФО продемонстрировало не очень сильную, но все же заметную корреляционную зависимость между ростом уровня безработицы и сменой электоральных предпочтений избирателей. Положительная корреляция в случае КПРФ, ЛДПР и СР-ЗП прямо указывает на то, что обострение проблемы занятости трудоспособного населения усиливает оппозиционное

¹⁷ Сводные данные результатов выборов по федеральному избирательному округу. Выборы в Государственную Думу. 2016 год. URL: <http://cikrf.ru/opendata/vib16fedsvod.php>.

Таблица 2 / Table 2

Индикаторы социально-экономической ситуации в регионах ЦФО в 2020 г. / Indicators of the socio-economic situation in the regions of the Central Federal District in 2020

Регион	Индикатор 1. Уровень безработицы (%)	Индикатор 2. Доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума (%)
Белгородская область	4,9	7,2
Брянская область	4,0	13,7
Владимирская область	5,6	12,5
Воронежская область	4,3	8,5
Ивановская область	5,4	13,7
Калужская область	4,7	9,7
Костромская область	5,5	12,5
Курская область	4,9	9,9
Липецкая область	4,3	8,5
Московская область	3,6	7,2
Орловская область	6,1	13,7
Рязанская область	5,4	12,5
Смоленская область	5,3	8,5
Тамбовская область	4,6	13,7
Тверская область	4,4	9,7
Тульская область	4,4	12,5
Ярославская область	7,3	9,9
г. Москва	2,6	8,5

Источник / Source: URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>

голосование избирателей. Самый высокий коэффициент корреляции (0,6) у партии СР-ЗП отражает, по-видимому, то, что в массовом общественном сознании она ассоциируется с политикой, имеющей выраженную направленность на решение социальных проблем. В то же время отрицательная корреляция в случае партии инкумбента «Единая Россия» говорит о том, что рост уровня безработицы, безусловно, содействовал падению доверия избирателей «партии власти». Но, следует подчеркнуть, что эта взаимосвязь носит все же весьма умеренный характер. Если изменение уровня безработицы можно действительно рассматривать в качестве предиктора электорального поведения, то изменение доли населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума никак не сказалось на партийном голосовании избирателей регионов ЦФО в ходе парламентских выборов 2021 г. Как видно из табл. 3, значение коэффициента корреляции «0» в случае всех четырех крупных российских партий указывает на отсутствие зависимости между ростом населения, находящегося за чертой бедности, и сменой партийных предпочтениях избирателей.

Представленные результаты корреляционного анализа позволяют сделать ряд выводов.

Во-первых, можно констатировать, что электоральное участие российских граждан продолжает оставаться по большей части перспективным. Об этом свидетельствует, прежде всего, отсутствие значимой корреляции между изменением доли населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума и динамикой электоральной поддержки «партии власти» и ведущих оппозиционных партий. Иными словами, рост бедности не подрывает сложившегося устойчивого общественного доверия партии «Единая Россия» и не усиливает оппозиционное голосование. О том, что широкие слои российского электората продолжают связывать улучшение своего социально-экономического положения с дальнейшим пребыванием у власти партии «Единая Россия», говорят и умеренные коэффициенты корреляции между изменением уровня безработицы и сдвигами в голосовании за правящую партию и оппозиционные партии. Тем не менее существование этой корреляционной зависимости указывает на наличие в политической культуре российского общества рационально-критических ориентаций, толкающих часть электората к ретроспективной оценке политического курса правящей партии. Учитывая это обстоятельство, можно предполагать,

Коэффициенты парной корреляции значений социально-экономических индикаторов и уровня партийного голосования избирателей ЦФО на выборах депутатов Государственной Думы 2021 г. / Coefficients of pair correlation of the values of socio-economic indicators and the level of party voting of CFD voters in the elections of deputies of the State Duma in 2021

Рост уровня безработицы	Рост доли населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума
«Единая Россия» (-0,43588) КПРФ (0,348727) ЛДПР (0,426085) СР-ЗП (0,684687)	«Единая Россия» (0,07319) КПРФ (-0,01189) ЛДПР (0,036525) СР-ЗП (-0,01748)

Источник / Source: URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>; <http://www.izbirkom.ru/>

что ухудшение социально-экономической ситуации, прежде всего с занятостью трудоспособного населения, будет способствовать дальнейшему росту оппозиционных настроений избирателей, что, несомненно, скажется на расстановке партийных сил на российской политической арене.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

- Inozemtsev V. Russie: les difficultes economiques peuvent-elles fragiliser le systeme politique? URL: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/inozemtsev_russie_economie_protestations_2021.pdf
- Lewis-Beck V. Stegmaier M. Economic Determinants of Electoral Outcomes. URL: <https://www.almendron.com/tribuna/wp-content/uploads/2017/10/economic-determinants-of-electoral-outcomes.pdf>
- Downs A. An Economic Theory of Political Action in a Democracy. URL: <https://msuweb.montclair.edu/~lebelp/DownsEcThDemocJPE1957.pdf>
- Чепель С.Л. Динамика электоральной подвижности и перспективы развития партийной системы РФ (на примере регионов Центрального федерального округа). *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета* 2021;11(2):87–96.
Chepel S.L. Dynamics of electoral mobility and prospects for the development of the party system of the Russian Federation (on the example of the regions of the Central Federal District). *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanity and Social Sciences. Bulletin of Financial University*. 2021;11(2):87–96. (In Russ.).
- Dubois E. Economie politique et prevision conjoncturelle. Construcion d'un modele macroeconomique avec prise en compte des facteurs politiques. URL: http://www.ericdubois.pro/THESE_ED.pdf.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Сергей Львович Чепель — кандидат исторических наук, доцент департамента политологии, Финансовый университет; доцент кафедры теоретической и прикладной политологии, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

Sergey L. Chepel — Cand. Sci (History), Associate Professor, Department of Political Sciences, Finance University, Moscow, Russia; Associate Professor, Department of Theoretical and Applied Political Sciences, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-7962-6337>

ChepelSL:@mpei.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 16.02.2022; принята к публикации 20.04.2022.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 16.02.2022; accepted for publication on 20.04.2022.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-3-89-94
УДК 334.012.3(045)

К вопросу о значении советского концессионного опыта для современной России

Л.Н. Рябчикова

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается значение советского концессионного опыта для экономики современной России. Актуальность исследования детерминирована усложнением социально-экономической обстановки, непосредственно связанной, по сути, с той санкционной войной, которую объявили в настоящее время нашей стране государства так называемого коллективного Запада (включая США, Канаду, Австралию и др.). Автор, используя исторический и сравнительный методы, а также контент-анализ и диалектический подход, рассматривает существующие точки зрения на данный вопрос, показывая эволюцию научных взглядов на концессионную проблематику указанного периода. Целью статьи является обоснование принципиального тезиса, согласно которому в нынешних реалиях России опыт в сфере концессий периода нэпа позволяет российскому законодателю, а также представителям научно-экспертного сообщества творчески переосмыслить совокупность того положительного, что было «наработано» в то время – в целях творческой рецепции для дальнейшего совершенствования организационно-правовых и экономических составляющих института государственно-частного партнерства (ГЧП), и прежде всего в форме концессий.

Ключевые слова: новая экономическая политика; нэп; концессии; советский концессионный опыт; иностранные концессии

Для цитирования: Рябчикова Л.Н. К вопросу о значении советского концессионного опыта для современной России. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(3):89-94. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-3-89-94

ORIGINAL PAPER

To the Question of the Significance of the Soviet Concession Experience for Modern Russia

L.N. Ryabchikova

Finance University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article discusses the importance of the Soviet concession experience for the economy of modern Russia. The relevance of the study is determined by the complication of the socio-economic situation, which is directly related, in fact, to the sanctions war that the states of the so-called collective West (including the USA, Canada, Australia, etc.) have now declared to our country. The author, using historical and comparative methods, as well as content analysis and a dialectical approach, considers the existing points of view on this issue, showing the evolution of scientific views on the concession issues of the specified period. The purpose of the article is to substantiate the fundamental thesis, according to which, in the current realities of Russia, the experience in the field of concessions of the NEP period allows the Russian legislator, as well as representatives of the scientific and expert community, to creatively rethink the totality of the positive that was “acquired” at that time – for the purpose of creative reception for further improvement of the organizational, legal and economic components of the institution of public-private partnership (PPP) and, above all, in the form of concessions.

Keywords: new economic policy; NEP; concessions; Soviet concession experience; foreign concessions

For citation: Ryabchikova L.N. To the question of the significance of the Soviet concession experience for modern Russia. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of Financial University*. 2022;12(3):89-94. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-3-89-94

Концессионный опыт периода нэпа (1921–1929 гг.) в течение последних трех десятилетий привлекает к себе пристальное внимание представителей российского научного и экспертного сообществ. Об этом достаточно убедительно свидетельствуют исследования монографического формата [1–5], а также научные публикации [6–12], в том числе, в виде выступлений и докладов на научных и научно-практических конференциях различного уровня [13, 14].

Внимательное знакомство с этими работами позволяет сделать вывод, что их авторы в той или иной мере пытались дать ответ на важный вопрос о той роли, которую сыграли иностранные концессии в восстановлении экономики молодого Советского государства, разрушенной в ходе Первой мировой войны, интервенции и Гражданской войны. В данной связи целесообразно подчеркнуть, что в советской исторической науке длительное время доминировала не подвергаемая сомнению точка зрения, согласно которой иностранные концессии не имели реального значения для национальной экономики указанного периода.

Следует заметить, что рассматриваемая тема находится в рамках более широкой проблематики новой экономической политики, которая относится к числу наиболее динамично разрабатывающихся в отечественной историографии, при этом сохраняя на протяжении столетия свою актуальность и дискуссионность. Получив всестороннее освещение в научных исследованиях, история нэпа на данный момент все еще недостаточным образом отражена в публикациях архивных документов [15, с. 70].

Все изложенное в равной степени относится и к истории иностранных концессий, которые функционировали в указанный период — сначала в Советской России, а затем в СССР. Однако по мере снятия грифа «Совершенно секретно»¹ с массива архивных документов и материалов и разрешения допускать к ним исследователей, научной общественности становились известны все новые факты и детали, характеризовавшие концессионную политику Советского государства и практику иностранных концессий в несколько ином свете, чем это подавалось и интерпретировалось в социалистической исторической науке.

Как замечает в данной связи О.М. Гарбарт, в настоящий момент появилась реальная «возможность изучить литературу, которая раньше была

недоступна, и получить достоверную информацию о значении концессии и иностранного капитала для восстановления разрушенной экономики Советского государства» [16, с. 19].

Нужно констатировать, что сейчас в научно-экспертной среде преобладает точка зрения, согласно которой необходим «...пересмотр устоявшихся исторических взглядов и концепций, например утверждения о том, что иностранный капитал не сыграл существенной роли в развитии советской экономики и что советская концессионная политика не оправдала возлагавшихся на нее надежд» [13, с. 54].

Среди авторов, которые в той или иной мере признают значение и полезность отечественного концессионного опыта для современной России, прежде всего, следует назвать А.М. Балашова [17, с. 62], В.Г. Варнавского [18], А.П. Вихряна [6, с. 45; 7, с. 14], О.М. Гарбарта [16, с. 16], С.Л. Данильченко. [1; 13, с. 53], М.М. Загорулько [8], О.В. Иншакова [8], А.С. Леденева [4], А.В. Лосякова [19, с. 29], С.А. Сосну [5], Н.Г. Степанову [10, с. 279], Ю.А. Тарасову [11, с. 45], М.В. Фёдорова [7, с. 14], Ю.М. Юмашева [20, с. 8] и др.

В частности, то обстоятельство, что привлечение иностранного капитала на основе концессий в период нэпа для Советского государства было исключительно важным действием, главной целью которого являлось восстановление разрушенной экономики, не вызывает никаких сомнений у названных выше исследователей [17, с. 62; 16, с. 19].

Так, например, по мнению А.М. Балашова, заключение советским правительством концессионных договоров с иностранными компаниями в период нэпа способствовало восстановлению советской экономики, позволило привлечь в страну твердую валюту, в которой СССР в то время очень нуждался [17, с. 62]. Более того, автор убежден в том, что «использование иностранных концессий в значительной мере позволило Советскому Союзу выдержать самые трудные для него годы» [17, с. 66].

Положительную оценку той роли, которую сыграли концессии в восстановлении отечественной экономики в рассматриваемый период, дал и Ю.М. Юмашев (один из разработчиков российского законопроекта «О концессионных договорах, заключаемых с российскими и иностранными инвесторами»². Он особо подчеркивал, что «в период

¹ Как правило, «рассекречивание» архивных материалов и документов происходит по истечении 50-летнего срока.

² Надо подчеркнуть, что этот законопроект в итоге долгих дискуссий, к сожалению, не был принят, так как был преобразован в иной законопроект под названием «О концессионных соглашениях», который и явился концептуальной базой Фе-

нэпа страна уже имела успешный опыт использования концессий. Они сыграли положительную роль как инструмент стабилизации экономики в восстановительный период, дали солидный доход казне в виде долевых отчислений от оборота концессионных предприятий, уплаты налогов» [20, с. 8].

В принципе аналогичную научную позицию по этой проблеме занимает и другой разработчик упомянутого выше законопроекта, С.А. Сосна, автор одной из первых монографий, посвященных концессионным соглашениям, вышедших в свет в начале «нулевых», который замечает, что концессии «...внесли весьма заметный вклад в восстановление народного хозяйства страны, разрушенного Первой мировой и Гражданской войнами» [5, с. 109].

Что же касается непосредственно значения советского концессионного опыта для экономики современной России, то, в частности, с точки зрения В.Г. Варнавского, в период нэпа «концессии помогли становлению и развитию многих отраслей промышленности — добычи полезных ископаемых, машиностроения, авиастроения, транспорта и др. Опыт концессионного процесса в тот период, законодательная база и структура исполнительных органов могут стать в определенной степени прообразом для современной России» [18, с. 245].

Как считают А.П. Вихрян и М.В. Фёдоров, полученный в советский период исторический опыт концессионного дела представляется весьма полезным и вполне может быть применен в современных условиях с учетом, естественно, тех существенных изменений и трансформаций, которые произошли за истекшие годы в экономике России и в мире в целом [7, с. 21].

В свою очередь, Ю.А. Тарасова делает важный вывод о возможности использования опыта советской концессионной политики в целях внедрения концессий в экономику современной России [11, с. 45]. Кроме того, она делает специальный акцент на том весьма существенном обстоятельстве, что исторический опыт использования концессий в 20–30-е гг. прошлого столетия наглядно показывает: концессии (помимо иных достоинств этой самой эффективной и гибкой формы ГЧП) выступают также каналом «получения новых технологий в производстве и управлении, способом создания рабочих мест и мультипликатором экономического развития» [11, с. 55]. Целесообразно заметить, что среди всех указанных выше авторов более осторожный подход

к вопросу о значении советского концессионного опыта для экономики Российской Федерации демонстрирует А.В. Лосяков, который пишет о том, что «возможно, ...опыт составления и правового регулирования концессионных соглашений (периода нэпа — Л.Р.) будет полезен и сегодняшней России» [19, с. 32].

Говоря об авторах, которые считают, что советские концессии не сыграли сколь-нибудь положительной роли в процессе восстановления разрушенной экономики молодого Советского государства, в первую очередь надо назвать Н.П. Федоренко [21], М.В. Жабреева [22, с. 96], И.С. Теплякову [23, с. 259].

Так, в свое время известный экономист, академик АН СССР Н.П. Федоренко отмечал, что «помимо так называемого коммерческого расчета широкое развитие при нэпе получило создание кооперативных объединений, акционерных обществ, смешанных обществ и концессий, арендных предприятий и т.п. Планировавшегося распространения этих форм хозяйствования на производство средств производства, впрочем, не произошло. Полностью вне рынка остались: железные дороги, базисные отрасли (энергетика, металлургия, нефтедобыча и нефтепереработка, добыча каменного угля), оборонная промышленность. Детальное рассмотрение организационных форм функционирования экономики нэпа, думается, не представляет для нас особого интереса» [21, с. 224].

Как мы видим, академик Н.П. Федоренко, по сути, остался на тех же научных позициях в отношении советской концессионной политики в 20-е гг. XX в., которые и доминировали в социалистических исторической и экономической науках.

Но вот совсем недавно (в прошлом году) М.В. Жабреев в своей публикации, посвященной истории развития предпринимательского права в России и на Урале в годы нэпа, замечает: «...в целом в восстановлении и развитии уральской промышленности, как и промышленности всей страны, иностранный капитал и иностранные концессии серьезной роли не играли» [22, с. 101].

И совсем уж радикальную позицию, на наш взгляд, занимает в рассматриваемом вопросе И.С. Теплякова, которая делает поразительный и исключительно дискуссионный вывод о том, что «...концессионные соглашения были не выгодны СССР, и своим существованием мешали активному развитию советской экономики» [23, с. 261].

Безусловно, иностранные концессии были выгодны молодому Советскому государству. В противном случае большевики их бы не использовали

дерального закона от 21.07.2005 № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях».

в качестве инструмента, который, во-первых, позволял привлекать в страну зарубежные капиталы, новейшие — по тому времени — оборудование и технологии, специалистов и т.п., а во-вторых, являлся существенным фактором прорыва блокады СССР со стороны тогдашнего так называемого коллективного Запада, способствовал установлению и развитию дипломатических отношений между нашей страной и теми государствами, граждане и компании которых заключали соответствующие концессионные договоры с СНК СССР (в лице Главного концессионного комитета).

К сожалению, объем настоящей публикации не позволяет более детально аргументировать все те плюсы, которые давала реализация советской концессионной политики и практики в рассматриваемый период. Однако, на наш взгляд, в этом контексте нужно привести мнение уже упоминавшегося выше профессора Ю.М. Юмашева, согласно которому во времена нэпа «эффективность концессионной политики была столь велика, что был разработан специальный план концессий, чтобы добиться с их помощью сбалансированного развития различных секторов экономики на основе передовой технологии» [20, с. 8].

Говоря о возможной творческой рецепции советского концессионного опыта в условиях современной России, по нашему мнению, нужно обратить внимание на одно существенное обстоятельство. Речь идет о том, что еще 17 лет назад (в год принятия Федерального закона «О концессионных соглашениях») в литературе научного характера было обозначена позиция, согласно которой оптимальным решением проблемы управления концессионным процессом — при условии создания полноценного концессионного законодательства в России — должно было стать создание единого концессионного органа — в достаточной степени самостоятельной и полномочной структуры по образцу Главного концессионного комитета при

СНК (в 1920–1930-е гг.). Именно на этот орган (помимо функции централизованного управления концессионным процессом в масштабе всей страны) планировалось возложить непосредственную обязанность комплексного исследования всего спектра проблем концессий (институциональных, юридических, организационных, экономических, финансовых), а также подготовку нормативно-правовой и инструментальной базы для развертывания правоприменительной практики в сфере концессий в России [24, с. 148].

Значение советского концессионного опыта для сегодняшней России заключается в первую очередь в том, что он, на наш взгляд, предоставляет реальную возможность более четко понять сущность современных процессов, напрямую сопряженных со становлением и развитием в нашей стране института государственно-частного партнерства (ГЧП), и прежде всего в форме концессий.

Более того, опыт в сфере концессий периода нэпа позволяет российскому законодателю, представителям научно-экспертного сообщества творчески переосмыслить совокупность всего полезного, что было «наработано» в то время. Эффективно работающая «вертикаль» административного управления концессионным процессом в масштабах всего государства, тщательным образом разработанные типовые концессионные договоры, детально регламентирующие ключевые положения, — все это является ценнейшими составляющими отечественного концессионного опыта, востребованность которого столь актуальна сейчас.

Помимо этого, комплексное и всестороннее исследование правового регулирования концессий и концессионной практики в указанный период, несомненно, позволит предотвратить потенциальные ошибки в сфере нормотворчества и правоприменения, использовать наиболее эффективные механизмы рассматриваемого института, точнее прогнозировать его дальнейшее развитие.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Данильченко С.Л. Концессии в экономике нэповской России. Монография. М.: МАКС Пресс; 2011. 352 с.
2. Новиков М.Н. Из истории концессионных предприятий Москвы в период НЭПа. М.: Наука; 1997. 27 с.
3. Марьясова Н.В. Иностраный капитал на Дальнем Востоке в 20–30-е годы (Концессии и концессионная политика Советского государства). Владивосток; 2000. 167 с.
4. Леденев А.С. Концессии периода нэпа: правовые аспекты регулирования. Монография. М.: РУДН; 2018. 178 с.
5. Сосна С.А. Концессионные соглашения: теория и практика. М.: Нестор Академик Паблишерз; 2002. 256 с.
6. Вихрян А.П. Концессии в Российской Федерации: история и современность. *Экономика и управление собственностью*. 2009;(4):45–47.
7. Вихрян А.П., Фёдоров М.В. Исторические аспекты советской концессионной политики: основные этапы, принципы и правовое регулирование. *Международный правовой курьер*. 2016;5(17):14–21.

8. Загорулько М.М., Иншаков О.В. Концессии в годы НЭПа: исторические корни, принципы и механизмы реализации (научно-методические основы исследования). Волгоград: Изд-во ВолГУ; 2002. 64 с.
9. Зотова И.П. Опыт использования концессий в народном хозяйстве России. *Вестник Белорусского национального технического университета*. 2010;(4):75–80.
10. Степанова Н.Г. Значение концессионной политики в годы НЭП для современной России. *Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования*. 2010;6(14):279–282.
11. Тарасова Ю.А. Концессионная политика в России: креативное новое или хорошо забытое старое? *Креативная экономика и социальные инновации*. 2014;4(9):45–57.
12. Юдина Т.В. Концессионная практика в Советской России на рубеже 1920-х — 1930-х гг. *Власть*. 2012;(12):131–133.
13. Данильченко С.Л. Зарубежные инвестиции в большевистскую экономику: проекты и итоги. Актуальные направления научных исследований: от теории к практике: материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Чебоксары, 12 февр. 2016 г.). Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс»; 2016;1(7):53–60.
14. Рагер Ю.Б. О германо-советской концессии Друзак в Ванновском немецком районе Северокавказского края. Российские немцы на Дону, Кавказе и Волге. Материалы междунар. науч. конф. (г. Анапа, 22–26 сентября 1994 г.). М.: МСНК; 1995:73–78.
15. Мягкова Е.М., Репников А.В. Новая экономическая политика в публикациях архивных документов 1991–2021 годов. *Вестник ВНИИДАД*. 2021;(5):70–82.
16. Гарбарт О.М. Историография иностранного инвестирования советской экономики в 20-е гг. XX века. *Научные исследования и разработки молодых ученых*. 2015;(6):16–20.
17. Балашов А.М. Развитие концессионного предпринимательства в сельском хозяйстве СССР в период нэпа. *Теоретическая экономика*. 2021;5(77):62–67.
18. Варнавский В.Г. Партнерство государство и частного сектора: формы, проекты, риски. М.: Наука; 2005. 314 с.
19. Лосяков А.В. Введение и правовое регулирование концессий в первые годы новой экономической политики в России (1921–1923 гг.). *Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата*. 2019;1(52):29–32.
20. Юмашев Ю.М. Отклоняя закон о концессиях, депутаты препятствуют реформам. *Финансовые известия*. 28 марта 1995 г.
21. Федоренко Н.П. Россия: уроки прошлого и лики будущего. М.: Экономика; 2001. 488 с.
22. Жабреев М.В. Из истории развития предпринимательского права в России и на Урале в годы нэпа. *Российское право: образование, практика, наука*. 2021;(4):96–105.
23. Теплякова И.С. «Выгодность» концессий для советской экономики в годы нэпа. Проблемы современного социума глазами молодых исследователей: материалы VII Международной научно-практической конференции. (г. Волгоград, 1 мая 2015). Волгоград: ООО «Сфера»; 2015:259–262.
24. Вихрян А.П. Будущее концессий в России: политико-организационные и законодательные аспекты. Транснациональные процессы: XXI век. М.: ИСП РАН; 2004.

REFERENCES

1. Danilchenko S.L. Concessions in the economy of NEP Russia. Monograph. Moscow: MAKS Press; 2011. 352 p. (In Russ.).
2. Novikov M.N. From the history of concession enterprises in Moscow during the NEP. Moscow: Nauka; 1997. 27 p. (In Russ.).
3. Maryasova N.V. Foreign capital in the Far East in the 20–30s (Concessions and the concession policy of the Soviet state). Vladivostok; 2000. 167 p. (In Russ.).
4. Ledenev A.S. Concessions of the NEP period: legal aspects of regulation. Monograph. Moscow: RUDN University; 2018. 178 p. (In Russ.).
5. Sosna S.A. Concession agreements: theory and practice. Moscow: Nestor Academic Publishers; 2002. 256 p. (In Russ.).
6. Vikhryan A.P. Concessions in the Russian Federation: history and modernity. *Economics and property management*. 2009;(4):45–47. (In Russ.).
7. Vikhryan A.P., Fedorov M.V. Historical aspects of the Soviet concession policy: main stages, principles, and legal regulation. *International legal courier*. 2016;5(17):14–21. (In Russ.).
8. Zagorulko M.M., Inshakov O.V. Concessions in the years of the NEP: historical roots, principles and mechanisms of implementation (scientific and methodological foundations of the study). Volgograd: VolGU Publishing House; 2002. 64 p. (In Russ.).

9. Zotova I.P. Experience in the use of concessions in the national economy of Russia. *Bulletin of the Belarusian National Technical University*. 2010;(4):75–80. (In Russ.).
10. Stepanova N.G. Significance of the concession policy during the years of the NEP for modern Russia. *Bulletin of the Oryol State University. Series: New Humanities Research*. 2010;6(14):279–282. (In Russ.).
11. Tarasova Yu. A. Concession policy in Russia: creative new or well-forgotten old? *Creative economy and social innovations*. 2014;4(9):45–57. (In Russ.).
12. Yudina T. V. Concession practice in Soviet Russia at the turn of the 1920s — 1930s. *Power*. 2012;(12):131–133. (In Russ.).
13. Danilchenko S.L. Foreign investments in the Bolshevik economy: projects and results. Actual directions of scientific research: from theory to practice: materials of the VII Intern. scientific-practical conf. (Cheboksary, February 12, 2016). Cheboksary: CNS “Interactive plus”; 2016;1(7):53–60. (In Russ.).
14. Rager Yu. B. On the German-Soviet concession Druzag in the Vannovsky German region of the North Caucasus region. Russian Germans on the Don, Caucasus, and Volga: Proceedings of the International. scientific conf. (Anapa, September 22–26, 1994). Moscow: MSNK; 1995:73–78. (In Russ.).
15. Myagkova E. M., Repnikov A. V. New economic policy in the publications of archival documents 1991–2021. *Vestnik VNIIDAD*. 2021;(5):70–82. (In Russ.).
16. Garbart O.M. Historiography of foreign investment in the Soviet economy in the 20s. XX century. *Scientific research and development of young scientists*. 2015;(6):16–20. (In Russ.).
17. Balashov A.M. Development of concession business in agriculture of the USSR during the NEP period. *Theoretical economics*. 2021;5(77):62–67. (In Russ.).
18. Varnavsky V.G. Partnership between the state and the private sector: forms, projects, risks. Moscow: Nauka; 2005. 314 p. (In Russ.).
19. Losyakov A. V. Introduction and legal regulation of concessions in the early years of the new economic policy in Russia (1921–1923). *Scientific works of the Russian Academy of Advocacy and Notaries*. 2019;1(52):29–32. (In Russ.).
20. Yumashev Yu. M. By rejecting the law on concessions, deputies impede reforms. *Financial news*. 1995; March 28. (In Russ.).
21. Fedorenko N.P. Russia: lessons of the past and faces of the future. Moscow: Economics; 2001. 488 p. (In Russ.).
22. Zhabreev M. V. From the history of the development of business law in Russia and the Urals during the NEP. *Russian law: education, practice, science*. 2021;(4):96–105. (In Russ.).
23. Teplyakova I.S. “Favorability” of concessions for the Soviet economy during the years of NEP. Problems of modern society through the eyes of young researchers: materials of the VII International Scientific and Practical Conference. (Volgograd, May 1, 2015). Volgograd: Sfera LLC; 2015:259–262. (In Russ.).
24. Vikhryan A.P. The future of concessions in Russia: political, organizational, and legislative aspects. Transnational processes: XXI century. Moscow: ISP RAN; 2004. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Любовь Николаевна Рябчикова — кандидат исторических наук, доцент департамента гуманитарных наук, Финансовый университет, Москва, Россия

Lyubov' N. Ryabchikova — Cand. Sci. (History), Associate Professor, Department Humanities, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-9507-5088>

L.Ryabchikova@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 01.04.2022; принята к публикации 20.04.2022.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was received on 01.04.2022; accepted for publication on 20.04.2022.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-3-95-101
УДК 323.212(045)

Роль СО НКО в формировании основ новой гражданственности в России

А.Д. Пилипенко

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена обоснованию новой российской гражданственности и ее ценностно-идеологических оснований, в качестве которых выступают гражданский активизм, гражданская ответственность и гражданский контроль. Автор показывает, каким образом некоммерческие организации посредством своей деятельности формируют и закрепляют в сознании граждан ценность указанных категорий и какими способами влияют на распространение практик общественного контроля. На основе диалектического подхода, изучения отечественной и зарубежной литературы, а также анализа кейсов автор проводит связь между гражданскими инициативами и программами, реализуемыми социально ориентированными некоммерческими организациями (СО НКО), и политико-идеологическими ценностями российского общества, формирующими общегражданское сознание.

Ключевые слова: гражданственность; СО НКО; гражданское общество; гражданский контроль; гражданская ответственность; гражданская активность; идентичность

Для цитирования: Пилипенко А.Д. Роль СО НКО в формировании основ новой гражданственности в России. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(3):95-101. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-3-95-101

ORIGINAL PAPER

The Role of Social-oriented NPOs in Shaping the Foundations of a New Citizenship in Russia

A. D. Pilipenko

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article is devoted to the concept of the new Russian citizenship and its value-ideological foundations, which are civil activism, civil responsibility, and civil control. It is considered how non-profit organizations through their activities form and consolidate the value of these categories in the minds of citizens and in what ways they influence the spread of public control practices. Based on the dialectical approach, the study of domestic and foreign literature, as well as the analysis of cases, the author aims to establish a link between the civil initiatives and programs implemented with social-oriented NPOs, and the political and ideological values of Russian society that form the general civil consciousness.

Keywords: citizenship; social-oriented NPO; civil society; civil control; civil responsibility; civic activism; identity

For citation: Pilipenko A. D. The role of social-oriented NPOs in shaping the foundations of a new citizenship in Russia. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(3):95-101. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-3-95-101

ВВЕДЕНИЕ

Российские реалии подтверждают необходимость формирования единого ценностно-идеологического пространства. Повсеместная цифровизация открыла широчайшие возможности для доступа к разноплановой информации, часто противоречивой, недостоверной и откровенно деструктивной. Информационное поле усугубило процессы гражданской деидентификации, начавшиеся в России с распадом Советского Союза, когда прежняя гражданская

идентичность была утрачена, а на ее место не пришла новая национальная идея, которая скрепляла бы государственную нацию в единое целое. Зыбкое ценностное пространство подвержено влиянию чуждых российскому сознанию установок, новые ценности вступают в конфликт со старыми, в итоге общегражданская идентичность не формируется, что приводит к расслоению населения и общей разрозненности. В критических случаях (как это было в России в 90-е гг. XX в.) такая разрозненность

может перерасти в сепаратистские настроения, на почве чего возникают конфликты, урегулирование которых возможно зачастую только с применением силы [1].

Мы видим в формировании общероссийской гражданственности, основанной на понятных объединяющих началах, вне зависимости от этнической принадлежности, путь к внутреннему укреплению государства и упрочению его позиций на международной арене. Представления о своем месте в социальном и политическом процессе страны — одна из важных позиций в общей картине мира человека [2]. Для эффективной политической социализации ему необходимо не только четкое осознание территориальных границ, в рамках которых действует государственный режим, но и субъективное понимание принадлежности к группе, объединенной общей идеей и политическим менталитетом. Это означает, что государству необходим поиск универсальных политических и гражданских ценностей (так или иначе отсылающих в каждом гражданине), объединенных в общую категорию «гражданственность».

ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В МИРЕ

Гражданственность — многомерное понятие, включающее в себя не только наличие юридического гражданства определенного государства, но ценностно-идеологические и политические установки, разделяемые гражданином в связи с его принадлежностью к нации (в гражданском понимании этой категории). Именно этот аспект гражданственности и является предметом нашей работы.

Изучая зарубежную практику формирования общегражданской идентичности, мы обнаруживаем, что большинство национальных идей строится на совместной истории, патриотических и социальных основаниях, связывающих все население в единое целое. Так было во Франции, когда основополагающим идеями в период нестабильности стали свобода, равенство и братство. По этому пути пошел и Советский Союз с его образом советского человека, нацеленного на строительство социалистического будущего и разделяющего ценности коммунистической идеологии. Конечно, этот пример неоднозначен с этической точки зрения насаждения государственной идеологии, однако он весьма ярко демонстрирует

способность единых ценностей формировать гражданственность [3].

Изучая вопрос глубже, мы приходим к выводу, что с конца XIX в. во многих странах мира весомый вклад в формирование гражданственности и изменение политической реальности вносят институты гражданского общества. Общественные движения и некоммерческие организации, представляя интересы тех или иных слоев населения, начали выносить ранее не решенные проблемы на общегосударственный уровень, оказывая непосредственное влияние на государственную политику.

Наиболее показательным примером в мировой истории стало движение суфражисток, выступающих за предоставление политических прав женщинам. Их первоначальные методы сегодня видятся чрезмерно радикальными и в некоторой степени разрушительными, однако пришедшие в конце концов к консенсусу с государствами суфражистки добились предоставления им права голоса [4].

Столь же неоднозначными, но эффективными стали выступления Движения за права чернокожего населения в США. В ответ на политику сегрегации и античеловеческие действия Ку-клус-клана начиная с 50-х гг. XX в., активисты этого общественного движения боролись за права чернокожих. В итоге этой деятельности в июле 1964 г. был подписан закон о гражданских правах, запрещающий сегрегацию по расовому признаку. В связи с этими изменениями и под влиянием общественных движений уже через поколение в политическом сознании граждан закрепились установки, связанные с равенством полов и наций, недопустимостью дискриминации, равным доступом к гражданским правам и т.д. Эти примеры особенно впечатляют, поскольку в них затрагиваются острейшие социальные вопросы, остававшиеся на повестке дня на протяжении десятилетий [5].

Такие переходы происходили не одновременно и вызывали сопутствующие социальные потрясения, однако в конечном счете была сформирована совершенно новая гражданская и этическая реальность.

РОССИЙСКИЙ ОПЫТ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОЙ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ

Россия сегодня не может похвастаться столь же впечатляющими масштабами влияния общественных объединений на политическую

повестку, однако это не означает, что данного предмета исследования в нашей стране нет. Некоторая задержка развития гражданского общества и его институтов связана со спецификой исторического развития самого Российского государства, с его переходами от авторитарного к тоталитарному режиму, а затем — напряженным периодом трансформации к демократическому устройству [6].

Сейчас же мы находимся на той стадии общественного развития, когда гражданские ассоциации набирают все больший вес на политической и социальной арене. В частности, это касается социально ориентированных некоммерческих организаций (СО НКО) — совершенно особого типа НКО, сформированного в России¹. Эти организации уже не просто выразители общественного мнения, они становятся полноценными акторами социальной политики, предоставляя населению социальные услуги вне государственного сектора. Кроме того, они закрывают некоторые экзистенциальные запросы населения, например потребность в социальном «служении», общественном признании, причастности к политическим и социальным трансформациям на всех уровнях — начиная от решения вопросов, касающихся благоустройства придомовых территорий, и заканчивая вопросами экологической повестки.

Через деятельность СО НКО граждане получают возможность непосредственно влиять на принимаемые решения. В этом кроется суть мотивации населения к политическому участию — получение осязаемого результата от прилагаемых усилий. Причем процесс вовлечения может происходить как в пространстве личного участия, так и посредством информационных технологий. Этот способ даже более востребован сегодня, так как открывает доступ для большего количества участников. Так формируется первое основание новой российской гражданской ответственности — гражданская активность [7].

В политическом сознании граждан формируется логическая причинно-следственная связь «активность-участие-результат», позволяющая на всех этапах подкреплять мотивацию к проактивной позиции и уменьшающая анта-

гонистические и абсентеистические тенденции, проявившие себя в середине 2010-х гг.

В качестве кейсов к данному тезису можем привести недавно прошедшее общероссийское голосование по поправкам в Конституцию Российской Федерации. Волна общественной реакции на изменения основного закона страны имела как позитивный, так и негативный контекст. Звучали призывы игнорировать голосование. Однако широко развернутая просветительская деятельность некоммерческого сектора, в частности — молодежных организаций, таких как Российский Союз молодежи и т.д., под лозунгом «твое участие важно» позволила достичь очень высокого уровня участия населения в голосовании [8].

Примерно по такому же сценарию происходило включение граждан в волонтерскую деятельность в период особенно строгих ограничений, связанных с распространением коронавирусной инфекции весной 2020 г. Массовые движения в поддержку донорства крови, помощи особенно уязвимым слоям населения и т.д. появились благодаря деятельности СО НКО и ее широкой огласке [9]. Более того, многие коммерческие компании — фармкорпорация «Вертекс», АО «Объединенная металлургическая компания», группа компаний «Инвитро», АО «Армавирский завод резиновых изделий» и многие другие — перераспределили производственные мощности и наладили выпуск средств первой необходимости, а также безвозмездно передавали средства защиты в социальные учреждения.

Последний пример иллюстрирует уже не только гражданскую активность, но и второе основание новой гражданской ответственности — гражданскую ответственность [10].

Человеческое сознание устроено таким образом, что чем более весомый вклад мы вносим в какое-либо дело, чем больше усилий прикладываем, тем сильнее ощущаем личную ответственность за результаты работы. Это справедливо в отношении и социальной, и политической сферы. Разбирая пример с пандемией, мы обнаруживаем, что, не преследуя экономические выгоды, СО НКО и коммерческие организации произвели значительное количество действий, направленных на поддержку населения и государства. Анализируя подходы к решению социальных проблем в этот период, можно сделать вывод о том, что осоз-

¹ Гражданский активизм: новые субъекты общественно-политического действия. Исследование Института Социологии Российской Академии Наук при поддержке Фонда ИСЭПИ; 2019.

нанная гражданская позиция, в рамках которой действуют волонтеры, руководители НКО, директора и сотрудники компаний, наиболее четко демонстрирует концепт гражданской ответственности [11].

Позиция неотделимости себя от общества и от происходящих в нем процессов побуждает граждан совершать или же не совершать те или иные действия. Так, решение не выходить из дома без крайней необходимости — это пример гражданской ответственности, как и участие в акции «Довези врача», проводимой организацией «Молодежка Общероссийского народного фронта». Здесь вполне логично заметить, что во многом в связи с формированием ответственного отношения к обществу России удалось обойтись без силовых методов удерживания населения на вынужденной изоляции, как это происходило, например, в Индии и в Китае.

Соединяясь между собой гражданская активность и гражданская ответственность уже формируют основания для новой гражданской ответственности. Однако две эти составляющие не в полной мере охватывают весь спектр возможностей политического и гражданского участия, так необходимого для эффективного функционирования демократической системы. Для выстраивания логичной системы не обойтись без особого инструмента, позволяющего гражданам контролировать исполнение органами власти своих обязанностей. И такой инструмент уже существует в российском контексте — это общественный (гражданский) контроль [12].

В действующем законодательстве указывается, что «общественный контроль — деятельность субъектов общественного контроля, осуществляемая в целях наблюдения за деятельностью органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций, осуществляющих в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия, а также в целях общественной проверки, анализа и общественной оценки издаваемых ими актов и принимаемых решений»².

То есть гражданский контроль — и есть способ действия для населения, уже обладающего

такими качествами, как активность и ответственность. СО НКО не являются контрольно-надзорными органами, как и общественные палаты РФ, регионов и муниципалитетов, однако им присущи эффективные методы влияния на принимаемые решения [13].

Во-первых, это практика общественной экспертизы законопроектов. 2021 г. показал эффективность этого инструмента. В качестве примера приведем резонансные законопроекты № 17357–8 «О внесении изменений в Федеральный закон “О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения”» и № 17358–8 «О внесении изменений в статью 107 Воздушного кодекса Российской Федерации и Федеральный закон “Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации”». Обнародование этих документов привело к настолько масштабному всплеску общественного обсуждения, что общественные палаты регионов не успевали обрабатывать поступающие в их адрес обращения. Единый поток негативной реакции обрушился также на социальные сети, и многие публичные личности выступили с открытыми заявлениями по поводу данных законопроектов. В частности, о необходимости их доработки публично высказались представители Общественной палаты РФ — известные общественные деятели — Владислав Гриб и Лидия Михеева [14].

В то же время председатель Комиссии ОП РФ по развитию некоммерческого сектора и поддержке социально ориентированных НКО Елена Тополева-Солдунова высказала сомнения по поводу главного аргумента, используемого общественностью, — нарушения прав человека в связи с возможным введением QR-кодов. Объединенная позиция СО НКО состоит в том, что в случае критического ухудшения эпидемиологической ситуации государство будет вынуждено ввести строгие ограничительные меры, что, в свою очередь, может привести к масштабному нарушению прав. В данном случае необходимо соблюдать баланс между необходимостью защиты населения от вируса и обеспечением соблюдения гарантированных Конституцией прав и свобод [15].

В результате общественных обсуждений было принято решение снять с рассмотрения данные законопроекты. Безусловно, этот пример позволяет говорить о том, что институт общественного контроля набирает вес в политическом пространстве.

² URL: https://minfin.gov.ru/ru/om/soc_ctrl/#:~:text=Общественный%20контроль%20-%20деятельность%20субъектов,ими%20актов%20и%20принимаемых%20решений

В качестве следующего кейса гражданского контроля рассмотрим масштабные общероссийские общественные мониторинги. В 2019 г. был запущен проект «Карта возможностей особого ребенка». Это цифровая платформа, отображающая в интерактивном формате все реально действующие в субъектах РФ объекты социальной и образовательной инфраструктуры для детей с ограниченными возможностями здоровья. По каждому пункту прилагается подробная информация о предоставляемых услугах. Весной 2019 г. представители СО НКО во всех регионах лично посещали указанные на карте объекты с общественными проверками, чтобы уточнить и дополнить существующие сведения. В ходе таких проверок на карту было нанесено более 3000 новых объектов, часть — упразднена, а в некоторых случаях руководству организаций были направлены предписания о необходимости устранения выявленных нарушений [16].

Точно так же в 2020–2021 гг. были проведены проверки качества питания детей в школах, безопасности детских площадок, цен на услуги ЖКХ, дорожной инфраструктуры (в рамках национального проекта «Безопасные и качественные автомобильные дороги»), а также вывоза и переработки твердых коммунальных отходов (в связи с реформой, осуществляемой в России по данному вопросу) [17].

Проведенные общественные мониторинги позволили обобщить сведения о ситуации в регионах и свести их в единые реестры для дальнейшего решения наиболее острых вопросов. Общественные организации своей активной деятельностью направляют работу государственного аппарата и помогают ему обращать внимание на то, что волнует граждан непосредственно. В этом и состоит преимущество СО НКО — их близость к населению, глубокое

погружение в проблемы и нацеленность на результат для конкретных благополучателей [18].

Таким образом, институт гражданского контроля становится логическим продолжением гражданской активности и ответственности, дополняя и завершая основания для выстраивания новой российской гражданской ответственности — общероссийской идентичности, не связанной с языковыми, этническими и иными основаниями, более прочной и более гибкой одновременно [19].

ВЫВОДЫ

СО НКО в современной России представляют собой институт, способствующий формированию новой гражданской ответственности, основанной на трех составляющих — гражданском активизме, гражданской ответственности и гражданском контроле. Он — не обезличенная величина, а вполне осязаемая и доступная для диалога единица, гибко реагирующая на запросы населения и осуществляющая в связи с этим конкретные действия. Пример СО НКО поступательно мотивирует все большее количество граждан к активной и ответственной гражданской позиции. Посредством их работы в массовом сознании закрепляется цепочка «активность-деятельность-результат-контроль», которая помогает гражданам оценить свое место в политической и социальной структуре государства и приводит к единому знаменателю все существующие в информационном пространстве политические и социальные ценности, не отрицая их разнообразие, но сглаживая противоречия. По нашему мнению, основанному на анализе кейсов из практики России и зарубежных государств, именно эти основания способны стать фундаментом прочной общегражданской идентичности, а СО НКО являются проводником этой идеи.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Карачаровский В. В., Шкаратан О. И. Когда благо благу рознь: две грани социального выбора. *Социологические исследования*. 2020;46(3):27–39.
2. Фан И. Б. Гражданственность в публичном дискурсе России. *Вестник Пермского университета. Серия: Политология*. 2021;15(1):74–64.
3. Никифоров Ю. Н., Скалина А. Н. О понятии «гражданственность». *Известия Алтайского государственного университета. Серия: История и политические науки*. 2007;(2):248–253.
4. Коктыш К. Е. Событие свободы: опыт деконструкции. *Полис. Политические исследования*. 2020;(2):21–36.
5. Murguía J. Parallel Universes? Lines and Ties in Civil Society 2021. URL: https://ssir.org/articles/entry/what_motivates_people_to_participate_in_civil_society#

6. Дискин И. Е. Крах и рождение института из взрыва повседневности. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/krah-i-rozhdenie-instituta-iz-vzryva-povsednevnosti>
7. Бронников И. А. Гражданский активизм в сетевых сообществах. *Вестник Московского университета*. 2020;(1):7–18.
8. Барсукова С. Ю., Звягинцев А. В., Лаптиева Л. С. Опыт участия молодежи в избирательных кампаниях и его влияние на их гражданскую позицию. *Социологические исследования*. 2021;47(7):90–100.
9. Патрушев С. В. Формирование гражданской ответственности в России. *Социологическая наука и социальная практика*. 2020;8(1):27–47.
10. Smith D. H. *Nonprofits Daring to Be Different as Moral Dark Energy Improving the World: A Review of Deviant Voluntary Associations*. Leiden: Koninklijke Brill NV; 2020.
11. Кочетков А. П. Гражданский контроль — важная форма взаимодействия государства и гражданского общества в России. *Политическая наука*. 2017;(5):107–123.
12. Пырма Р. В. Содержание современного гражданского активизма. *Власть*. 2021;(2):141–147.
13. Соловьев А. И. Политическая повестка правительства или зачем государству общество. *Политические исследования*. 2019;(4):8–25.
14. Якобсон Л. И. Корпоративное управление в НКО: теория и российская практика. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 2021;(6):459–476.
15. Sullivan William C. Nature, culture, and civil society 2021. URL: https://www.researchgate.net/publication/238400267_Nature_culture_and_civil_society
16. Мартынов М. Ю. Социально-ориентированные некоммерческие предприятия — обретение легитимности? *Социологические исследования*. 2019;45(10):83–93.
17. Carol L., Nazarov Z., Jakobson L. Do voluntary associations matter for the spread of civic activism in Russia? Matching technique applied to survey data. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/ssqu.12726>
18. Marx A. *Transparency in EU Trade Policy: A Comprehensive Assessment of Current Achievements 2021*. URL: https://www.researchgate.net/publication/350527993_Transparency_in_EU_Trade_Policy_A_Comprehensive_Assessment_of_Current_Achievements
19. Han H. *How Organizations Develop Activists*. New Haven, CT: Yale Univ. Press; 2017.

REFERENCES

1. Karacharovskii V. V., Shkaratan O. I. When the good of the good is different: two facets of social choice. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2020;(46–3):27–39. (In Russ.).
2. Fan I. B. Citizenship in public discourse of Russia. *Bulletin of Perm University. Series: Political Science*. 2021;(15–1):74–64. (In Russ.).
3. Nikiforov Yu. N., Skalina A. N. About the concept of “citizenship”. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki*. 2007;(4/3):248–253. (In Russ.).
4. Koktysh K. E. The event of freedom: the experience of deconstruction. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2020;(2):21–36. (In Russ.).
5. Murguía J. Parallel Universes? Lines and Ties in Civil Society 2021. URL: https://ssir.org/articles/entry/what_motivates_people_to_participate_in_civil_society (accessed on 03.02.2022).
6. Diskin I. E. The collapse and birth of the institute from the explosion of everyday life. *Monitoring*. 2020;(5–159). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/krah-i-rozhdenie-instituta-iz-vzryva-povsednevnosti> (accessed on 04.02.2022). (In Russ.).
7. Bronnikov I. A. Civic activism in online communities. *Bulletin of the Moscow University*. 2020;(1):7–18. (In Russ.).
8. Barsukova S. Yu., Zvyagintsev A. V., Laptieva L. S. The experience of youth participation in election campaigns and its impact on their civic position. *Sociological Research*. 2021;(47–7): 90–100. (In Russ.).
9. Patrushev S. V. Formation of civil responsibility in Russia. *Sociological Science and social practice*. 2020;(8–1):27–47. (In Russ.).
10. Smith D. H. *Nonprofits Daring to Be Different as Moral Dark Energy Improving the World: A Review of Deviant Voluntary Associations*. Leiden: Koninklijke Brill NV; 2020.

11. Kochetkov A. P. Civil control — an important form of interaction between the state and civil society in Russia. *Political science*. 2017. Special issue. (In Russ.).
12. Пырма Р. В. The content of modern civic activism. *Vlast*. 2021;(2):141–147. (In Russ.).
13. Solov'ev A. I. The political agenda of the government or why the state needs society. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2019;(4):8–25. (In Russ.).
14. Jakobson L. I. Corporate governance in NGOs: theory and Russian practice. *Monitoring obshhestvennogo mneniya: Jekonomicheskie i social'nye peremeny*. 2021;(6):459–476. (In Russ.).
15. Sullivan William C. Nature, culture, and civil society 2021. URL: https://www.researchgate.net/publication/238400267_Nature_culture_and_civil_society. (accessed on 04.02.2022)
16. Martynov M. Ju. Social-oriented non-profit enterprises — gaining legitimacy? *Sociological research*. 2019;(45–10):83–93. (In Russ.).
17. Carol L., Nazarov Z., Jakobson L. I. Do voluntary associations matter for the spread of civic activism in Russia? Matching technique applied to survey data. *Social Science Quarterly*. 2019.
18. Marx A. Transparency in EU Trade Policy: A Comprehensive Assessment of Current Achievements 2021. URL: https://www.researchgate.net/publication/350527993_Transparency_in_EU_Trade_Policy_A_Comprehensive_Assessment_of_Current_Achievements. (Date of access 03.02.2022).
19. Han H. How Organizations Develop Activists. New Haven, CT: Yale Univ. Press; 2017.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Александр Дмитриевич Пилипенко — доцент департамента массовых коммуникаций и медиабизнеса факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
Aleksandr D. Pilipenko — Associate Professor, Department of Mass Communications and Media Business, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0003-0434-9042>
pilipenkorussia@gmail.com

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 10.02.2022; принята к публикации 20.04.2022.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The article was received on 10.02.2022; accepted for publication on 20.04.2022.
The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-3-102-109
УДК 3.37.37.84(045)

От средневекового к современному университету: этапы развития и концептуальные решения

И.Н. Шапкин

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Вопросы образования входят в число актуальнейших социальных задач. От них во многом зависит состояние и перспективы общественного развития. Центральное место в образовательной системе принадлежит университетам, призванным готовить интеллектуальную элиту. В странах сложились национальные «университетские» модели, но при всех отличиях для каждой из них характерен здоровый консерватизм. Однако динамично меняющаяся внутренняя и внешняя среда требует от университетов постоянной готовности к вызовам и требованиям времени. Вместе с тем, «университетская» образовательная модель сохраняет сущностные черты, что отличает ее от других образовательных структур. Истории университетского образования и формированию различных его моделей и посвящена данная статья.

Ключевые слова: университет; специализированные учебные заведения; В. Гумбольдт; Берлинский университет; Дж. Ньюман; Болонская декларация

Для цитирования: Шапкин И.Н. От средневекового к современному университету: этапы развития и концептуальные решения. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(3):102-109. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-3-102-109

ORIGINAL PAPER

From Medieval to Modern University: Stages of Development and Conceptual Solutions

I.N. Shapkin

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

Education issues are among the most urgent social tasks. The state and prospects of social development largely depend on them. The central place in the educational system belongs to universities, designed to train the intellectual elite. The countries have developed national “university” models, but with all the differences, healthy conservatism is characteristic of all of them. However, the dynamically changing internal and external environment requires constant adjustment of universities to the challenges and demands of the time. At the same time, the “university” educational model retains essential features, which distinguishes it from other educational structures. This article is devoted to the history of university education and the formation of its various models.

Keywords: university; specialized educational institutions; V. Humboldt; University of Berlin; J. Newman; Bologna Declaration

For citation: Shapkin I.N. From medieval to modern university: Stages of development and conceptual solutions. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(3):102-109. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-3-102-109

В период санкций и ограничений важнейшей задачей является сохранение и обеспечение устойчивого социально-экономического развития. Новые вызовы ставят перед образованием новые задачи. Образовательной системе как социальному институту, осуществляющему воспроизводство, передачу и совершенствование компетенций в динамично меняющемся мире, необходимо не только сохранять положительные тренды, сложившиеся в предшествующие времена, но и меняться с учетом новых требований. Ведущая роль в образовательной системе, как и прежде, принадлежит университетам.

В период санкций и ограничений важнейшей задачей является сохранение и обеспечение устойчивого социально-экономического развития. Новые вызовы ставят перед образованием новые задачи. Образовательной системе как социальному институту, осуществляющему воспроизводство, передачу и совершенствование компетенций в динамично меняющемся мире, необходимо не только сохранять положительные тренды, сложившиеся в предшествующие времена, но и меняться с учетом новых требований. Ведущая роль в образовательной системе, как и прежде, принадлежит университетам.

Первые университеты появились в результате экономических и общественно-политических изменений в Западной Европе в XI–XII вв. Непосредственное влияние на становление и развитие университетского образования оказал рост городов и городской культуры, рыночной экономики, совершенствование сельскохозяйственного производства. Произошедшие изменения способствовали росту благосостояния населения, спросу на квалифицированную рабочую силу. Развивающемуся городу, муниципальным службам, горожанам нужны были судьи, адвокаты, нотариусы, писцы, врачи. Растущему хозяйству требовались грамотные специалисты. Образование давало шанс незнатному молодому человеку занять более высокое социальное положение [1, 2].

В раннее средневековье термином «universitas» называли любое профессиональное, этническое, цеховое объединение. Иногда даже горожан именовали «universitas citium». Основной целью подобных сообществ являлось отстаивание независимости корпорации и защита прав ее членов. Но постепенно этот термин начал наполняться новым содержанием и использоваться только применительно к образовательным учреждениям.

Благодаря идеалам гуманизма университет рассматривался как место, где не только передавались накопленные, но и создавались новые знания. Университет — это союз единомышленников, проникнутых духом созидания, объединение преподавателей и студентов, которые через совместную деятельность формируют новую творческую личность [3].

Как средневековая корпорация, университет стремился к укреплению своего правового статуса, к «академической свободе», которая понималась как неподсудность его членов, кроме собственного суда. Другим важным правом стало беспрепятственное передвижение членов университета по Европе. В XIII–XIV вв. сформировалось «академическое пространство», не знавшее государственных границ, свободное от местных законов и не имевшее вначале даже собственного здания. Средневековый университет — это очень подвижная структура, легко мигрировавшая из города в город.

В средние века устройство университета было схоже с ремесленными цехами. Оно облакалось в те же формы: иерархия членов корпорации; общее собрание членов под председательством главы корпорации; дисциплина; последовательность занятия ступеней на внутренней иерархической лестнице. Градация на школяров, бакалавров и магистров (докторов) соответствовала цеховому делению на

учеников, подмастерьев и мастеров. Желающие обучиться должны были поступить в обучение к конкретному мастеру (магистру). После двухлетнего обучения основам ремесла мастер представлял своего ученика другим мастерам для испытания (экзамена), после успешного прохождения которого ученик становился подмастерьем (бакалавром). Бакалавр, продолжая учиться, начинал преподавать под руководством мастера. Через два года он проходил новое испытание и после этого становился полноправным членом корпорации — магистром, т.е. мастером науки, и получал право заниматься обучением [4].

На протяжении всей истории университетов рядом с ними находились альтернативные структуры, дававшие иное образование, иногда даже лучшее, чем университетское. Таковы были, например, студии доминиканцев и францисканцев в XIII в., гуманистические школы и протестантские академии в XVI в., иезуитские колледжи в XVII в., различные высшие училища и технические институты в XIX в. Но, несмотря на это, университеты сохранили свою главенствующую роль в европейской системе образования.

Чем отличается университет от других образовательных учреждений? Этот вопрос не раз обсуждался в прежние времена. Не потерял он своей актуальности и сегодня. В XIV в. анонимный автор трактата о школьной жизни попытался ответить на этот вопрос. «В studia generalia — всеобщих школах (т.е. университетах) — воины и господа наук увенчиваются лаврами, чтобы радоваться как одеждам, так и особым свободам. Они пользуются также особым уважением как светских, так и духовных глав не менее, чем уважением народа. И такие магистры и господа наук титулуются похвальным образом. В studia particularia (т.е. не имевших университетского статуса) сколько бы магистры ни гордились своим ремеслом, оно не связано с привилегированной деятельностью, из чего следует, что само слово “магистр” здесь двусмысленно» [5].

С самого начала университеты превратились в институты европейской «регионализации», способствуя развитию областных рынков и социально-политических структур, содействуя укреплению местной власти. Но очень скоро, как правило, через 40–50 лет после основания, они брали на себя функции по объединению индивидов и народов, проживавших на определенной территории, в нацию, превращались в важнейший элемент национальной идентичности. Университеты помогали преодолеть и раздвинуть границы национально-традиционных практик, соединить в едином космополитическом

пространстве религию, науку, искусство, транслировать знания и культуру новым поколениям.

Постепенно сложились представления о «национальной модели» университета, которая включала в себя внутренние и внешние черты университетского устройства, механизмы его функционирования, принципы взаимодействия с другими образовательными структурами. Каждая нация рассматривала университет как национально образующий фактор, стремилась увидеть в нем выражение национального духа и культуры, вершину национального развития [6].

Распространение в мире европейской университетской модели образования можно отнести к своеобразной европейской экспансии. Широкое развитие университетского образования является одной из немногих европейских ценностей, утвердившихся в мире, тогда как другие экспортируемые Европой социальные и политические институты (такие как парламентаризм, свобода слова, доктрина прав человека и пр.) прижились далеко не везде. Зарождавшиеся университеты Китая и Японии перенимали вплоть до мелочей правила, нормы, принципы организации европейской высшей школы.

Первые университеты воспринимались современниками как светские монастыри. Несмотря на кажущуюся оторванность от реальности, они принимали деятельное участие в общественной и политической жизни Европы. В их стенах пересекались интересы различных социальных групп — интеллектуалов и обывателей, императоров и римских пап, аристократии и буржуазии. Как институты средневековой культуры, университеты являлись интеграционной площадкой, на которой происходило соединение свободомыслия и еретических идей, городской культуры и бюргерско-буржуазной оппозиции феодальным порядкам и феодальному устройству. В стенах средневековых университетов рождались не только вольнодумцы, но и необходимые обществу юристы, правоведа, врачи и богословы [6].

Как средневековая структура, университет оказался весьма жизнеспособной формой. Существовая в определенном обществе, он не может не меняться вместе с социумом и не встраиваться в меняющееся социальное пространство. Университет должен соответствовать задачам и запросам, которые ставит перед ним общественная практика.

Если университет не отвечает новым требованиям, то он неизбежно попадает в кризисное положение. Впервые о кризисе университетского образования заговорили средневековые гумани-

сты, осуждавшие схоластику в преподавании, оторванность университетов от жизни: «Долой университетскую псевдонауку с ее невежественными и лицемерными служителями, процветающими на своих жирных бенефициях и валяющимися в бездне греховной», — таков был боевой клич гуманизма [7].

Университетские структуры необходимо переоснащать в соответствии с насущными общественными потребностями. Большой ошибкой является стремление сохранить имеющиеся нормы, правила и принципы организации и управления в неизменном виде. Изменения необходимы, но корректные, не меняющие природу университетов как центров образования, науки и воспитания.

Каждой исторической эпохе соответствует своя социокультурная модель университета. Современный университет — это продукт длительного развития. По своей природе, форме и содержанию он довольно консервативен. Его внутренний мир подчинен определенным ритуалам и обрядам, сложившимся в академической среде, первоначальный смысл которых не всегда понятен не только тем, кто не причастен к университету, но даже тем, кто напрямую связан с ним.

Реформаторы университетов, такие как Вильгельм фон Гумбольдт и Джон Ньюман, проводя преобразования, никогда не забывали о базовых принципах университетской системы и обращались к истокам университетской автономии и корпоративизма. Они понимали, что проведение реформ требует внимательного отношения к прошлому, бережного и осмотрительного подхода к изменениям, поскольку каркас университетского здания является результатом многовекового развития. Современным реформаторам хорошо бы руководствоваться этими принципами: ведь прежде, чем «ломать», было бы неплохо определиться — что можно, а что нельзя менять. В противном случае уничтожение «несущих конструкций» университета может извратить его сущность.

Переход к индустриальному обществу потребовал университетской реформы. Старая модель не справлялась с новыми задачами. Но существовали и сугубо частные причины, которые привели некоторые страны к реформам. Инициатором университетских преобразований стала Пруссия. Она понесла в ходе наполеоновских войн сокрушительное поражение: потеряла армию, половину территории страны, была финансово обескровлена. В этих условиях прусский король заявил, что «государство должно возместить духовной силой то, что оно потеряло физической». В стране в 1806–1813 гг.

начались реформы в сфере начального и университетского образования.

Суть новой модели университетского устройства, предложенной Вильгельмом Гумбольдтом, заключалась в переходе университета от корпорации к государственному учреждению, которое служит уже не групповым, а широким общественным интересам. Общеизвестно программное заявление Гумбольдта о том, что «университеты ничем не обязаны правительству, наоборот, правительство всем обязано университетам». Государство должно следить за соблюдением университетских свобод, обеспечивать финансирование, регулировать поступление в число студентов подготовленных молодых людей, создавать условия для преподавательской деятельности и поддержания высокого профессионального уровня лиц, осуществляющих преподавание [7].

На базе Прусской академии наук в 1810 г. был открыт Берлинский университет, который стал прообразом университетской модели новой индустриальной эпохи. Начало деятельности университета проходило в атмосфере национального подъема после победы в Освободительной войне 1813–1814 гг., в которой немецкое студенчество принимало самое активное участие. В 1817 г. студенты из различных земель и государств провозгласили идею немецкого единства. Позднее одно из студенческих знамен стало национальным флагом Германии [8].

Основной миссией университета, по мысли европейских мыслителей XIX–XX вв., являлось формирование интеллектуала и гражданина, поэтому обучение должно было основываться на достижениях культуры, развитии интеллекта и духовности.

В основу «нового», классического университета легли три принципа. Первый состоял в отрицании примитивного утилитарного взгляда на образование, оценивавшего знания лишь с практической точки зрения. Университет должен обеспечивать студента не столько профессией, сколько жизненными ориентирами, определенным мировосприятием. Второй принцип предостерегал от засилья опытной (эмпирической) науки, которое могло противодействовать фундаментальному теоретическому знанию. К ценностям университетского образования относилась культура, мировые и национальные духовные ценности, истина, автономия, «сократическая» коммуникация между участниками образовательного процесса. И, наконец, третий принцип утверждал господство гуманитарного образования, без которого невозможно формировать образованную личность. В центре университетской структуры

должен был находиться философский факультет, обеспечивающий интеграцию всех остальных факультетов и преподаваемых предметов [9].

Предложенный вариант, соединивший процесс обучения с исследовательской деятельностью, привел к появлению немецкой национальной модели высшего образования. Создание Берлинского университета имело громадное значение для развития мирового высшего образования XX в. Был создан прототип современного исследовательского университета.

Гумбольдт выступал против университета как фабрики по производству чиновников. Новая модель стремилась к компромиссу. Во-первых, университет должен был сохранять академическую свободу и одновременно отвечать потребностям государства и общества, во-вторых — объединить задачи образования и решение научных проблем, не связанных с какими-либо определенными целями.

Новый университет — свободная «республика науки». Он основывался на академической свободе, единстве исследования и преподавания. Разрабатывая и внедряя новые принципы в практику, Гумбольдт противостоял не только средневековой схоластике, сохранявшейся в британских университетах, где наука была полностью отделена от обучения, но и французской университетской модели, утилитарной и предназначенной для обслуживания государственных интересов [9]. Последняя была сформирована в революционной Франции и развита при Наполеоне. К началу революции во Франции насчитывалось 22 университета. 17 августа 1792 г. все они были закрыты и их место заняла новая французская система высшего образования, основанная на двух «антиуниверситетских» принципах: разделение учебных заведений на ряд факультетов и школ (т.е. фактически ничем не связанных друг с другом профессиональных училищ), а также установление всеобъемлющего бюрократического контроля над преподаванием. Для подготовки специалистов были созданы специальные высшие школы: Центральная школа общественных работ (впоследствии — Политехническая школа), Школа искусств и ремесел, Школа восточных языков, Школа изящных искусств и пр. В 1808 г. Наполеон создает Императорский университет, который получил монопольное право на образовательную деятельность и объединение всех учреждений среднего и высшего образования. Университет должен был обеспечить единство теории и практики.

Спор между «утилитаристами» и «романтиками» разрешила история. Немецкий учитель, как справед-

ливо было замечено, выиграл битву при Садовой¹. Но и о сражении при Седане, которое оказалась роковым для Франции, можно сказать то же самое. В 1870 г. немецкий классический университет выиграл битву у «наполеновской» специализированной высшей школы.

Еще один вариант университета нового времени был предложен Джоном Ньюменом, ректором католического университета в Дублине в 1853–1858 гг. Он издал книгу «Идея Университета», в которой изложил свои мысли о миссии, цели и задачах университета.

По его мнению, миссия университета состоит в формировании либеральной личности — джентльмена. В соответствии с ней задачей университета является культивирование интеллекта, под которым Ньюмен понимал развитие умственных способностей индивида, обладающего набором «умственных операций», и стилем мышления, позволяющих ему решать жизненные проблемы. Интеллект необходим для получения знаний, обретения свободы и автономного индивидуального поведения. Студентам предоставляется свобода в выборе академических предметов и учебного пути.

Университет — это «элитный «клуб», место сосредоточения интеллектуальной культуры, которая рождается благодаря свободному общению представителей различных знаний. Среда, в которой находятся студенты, уникальна и неповторима. Вне университета она не существует нигде. Студенты, помещенные в «духовную нишу» университета, осваивают особенности этой среды, двигаясь самостоятельно. У них складывается и остается на всю жизнь стремление к саморазвитию. Личность, сформированная в университете, становится локомотивом общественной жизни [10].

В условиях индустриального общества университет стал важным социальным институтом, соединившим в себе образование и науку. Сформировалась идея университета как «универсума наук». Изменилось понимание науки, которая стала восприниматься не суммой готовых застывших знаний, а процессом бесконечного поиска и приближения к истине.

К концу XX — началу XXI в. гумбольдтская модель университета почти полностью видоизменилась. Происходит расширение высшего образования, переход от элитарного к массовому, а от массо-

вого — к всеобщему образованию. Университеты и вузы университетского сектора превращаются в комплексные учебно-научные и производственные структуры с более обширными функциями, в которые входят: содействие социальной мобильности и решение глобальных проблем; повышение роли высшего образования в социально-экономическом развитии, удержании позиций государств на мировых рынках и, как следствие, возрастание требований, предъявляемых к нему государством и обществом; финансовые ограничения и ужесточение подотчетности вузов, изменение организационной культуры университетов и др. Массовость ведет к понижению требований к обучающимся, доминированию рыночной логики при оценке деятельности университетов, использованию экономических показателей при оценке образования и проводимых в университетах исследований. Нередко рыночная логика вступает в противоречие с научной, направленной на получение научных результатов и принесение пользы обществу.

Вступление мира в постиндустриальную фазу неизбежно затронуло университет. Социальные, культурные и политические изменения последних десятилетий не могли не отразиться на университетской системе. Самые существенные из них связаны с ослаблением традиционных институциональных основ и гарантий, а также уменьшением влияния университетов на общество. Монопольная и привилегированная роль университетов в создании ценностей культуры, производства и распространения знания оспорена и продолжает оспариваться другими участниками образовательного процесса. Вместе с тем они сохраняют свою уникальность, которая и позволяет им отвечать запросам современного мира.

Для всех развитых стран в последние десятилетия характерны процессы реформирования университетского образования, основанные на собственных традициях, национальных моделях университетов. Все страны по-разному отвечают на современные вызовы, но глобализация и информационно-коммуникационная революция сближают национальные системы университетского образования. Это находит отражение в национальных программах реформирования и развития единого мирового образовательного пространства.

В разработке общенациональной политики в сфере высшего образования нашла свое отражение централизация. Несмотря на сокращение государственных средств, университетское образование не просто остается одним из приоритетов наци-

¹ Генеральное сражение Австро-Прусской войны 1866 г., которое произошло 3 июля 1866 г. Итогом стало сокрушительное поражение австрийских войск. Победа при Садовой обеспечила Пруссии победу в войне.

онального развития. Более того, оно приобретает все большее значение.

Сегодня университет — это учебное заведение, где сконцентрированы все науки, все отрасли человеческого знания (*universitas literarum*), в противоположность высшим учебным заведениям, в которых учащиеся специализируются в какой-либо одной области знания, а обучение носит преимущественно прикладной, практический характер.

Современными тенденциями образования последних десятилетий являются массовость, дифференциация и диверсификация, что обеспечило широкий доступ в высшие учебные заведения представителей разных социальных групп; увеличение числа учебных заведений с правами и статусом университета; разнообразие программ высшего образования — как классического, так и, в большей степени, технического и прикладного профилей.

Для нынешнего российского университетского образования характерны в основном те же черты, что и для университетов других стран — сокращение бюджетного финансирования, введение новых платных форм образовательных услуг, децентрализация и регионализация образования, рост автономии университетов. Но, в отличие от Запада, это происходит на фоне сложностей социально-экономического, политического характера, что делает проблемы российских университетов более трудноразрешимыми [11].

Сегодня в реформировании российских университетов существуют два основных подхода. Первый подход связан со стремлением сохранить университеты как научно-образовательные центры, предоставляющие обучающимся широкий набор фундаментальных знаний, прививающие им вкус к учебе, к получению новых знаний. Сохраняется главное предназначение университетов — «научить студентов учиться». В научной области они занимают преимущественно фундаментальными исследованиями. Второй подход связан с приданием университетам большей «профессионализации», превращением их в некое подобие бизнес-школ. Такое отношение к университетам предполагает отказ от широкого фундаментального знания в угоду профессиональной, узкоспециализированной подготовке.

Близкая ко второму подходу утилитаристская концепция превращения университета в экономическую корпорацию (эффективность функционирования которой оценивается с точки зрения конкурентоспособности и доходности) учитывает количество привлеченных студентов, полученных

внешних грантов и дотаций, а также востребованность выпускников на рынке труда. Меняется статус студентов, выступающих теперь в качестве клиентов корпорации, покупателей образовательных услуг. Трансформируется характер учебного процесса, — он теперь подразумевает наличие потребительских качеств: полуразвлекательного формата преподавания, доступности изучаемого материала, создания ощущения удовлетворенности полученными знаниями, красивой мультимедийной «упаковки» [12].

Сегодня можно говорить о нескольких университетских моделях.

Первая — модель исследовательского университета. Для нее характерны: междисциплинарные научные исследования, тесное сплетение образовательной и научной функций университета, активное участие в инновационных проектах, доступность обучения для всех слоев населения, творческая деятельность студентов и преподавателей.

Вторая — модель сетевого университета, при которой вузы объединяются в одну большую сеть. Студенты могут перемещаться по разным университетским факультетам и институтам, получая максимально широкие и комплексные знания. При этом в такую сеть могут входить вузы разных стран. Этот вариант обладает некоторыми преимуществами, например, можно создавать индивидуальные образовательные программы; активно развивать сотрудничество между университетами и реализовывать международные проекты.

Третий — модель «Университет 3.0» или «Предпринимательский университет». Такие образовательные учреждения отличает тесное соединение образовательного процесса с наукой и бизнесом, создание условий для самостоятельной работы студентов и их самореализации; применение инноваций и пользование результатами исследований.

Модель «Университет 4.0» или «Цифровой университет» представляет собой еще один тип новых образовательных структур. В рамках этой модели происходит трансформация университета с учетом цифровых технологий, научных достижений и требований современного бизнеса. Используется дистанционное обучение, адаптивные образовательные методы, а также осуществляется обратная связь и менторство в учебе.

Современный университет как общественный институт нельзя рассматривать только через призму экономических характеристик, так как его деятельность включает в себя и другие не менее важные общественно значимые аспекты, которые

невозможно отразить при помощи экономических показателей [12]. Роль университета не сводится к предоставлению образовательных услуг.

Развитие сегодняшнего высшего образования свидетельствует о больших структурных и институциональных изменениях. В условиях, когда национальные границы начинают выглядеть архаичными, высшее образование все меньше ассоциируется с национальным контекстом. Создание глобальных информационных сетей коренным образом меняет как саму систему образования, так и ее взаимоотношения с обществом. Многие элементы гумбольдтской модели устарели, но и в условиях глобализации остаются факторами, способствующими институциональной стабильности университета в современных условиях.

К романтизированному идеалу университета, сформировавшемуся на основе средневековых представлений об его миссии, относится принятая в 1999 г. Болонская декларация, направленная на создание единого образовательного пространства. Болонский процесс нацелен на унификацию стандартов высшего образования и создание единого европейского образовательного пространства, на

повышение конкурентоспособности европейского образования и формирование европейской идентичности, для которой средневековые служат своеобразным культурным маркером и брендом. Если изначально Болонские конвенции были приняты правительствами четырех стран: Италии, Германии, Великобритании и Франции, то сегодня участниками процесса стали 48 из 49 стран, ратифицировавших Европейскую культурную конвенцию Совета Европы (1954 г.). Россия присоединилась к Болонскому процессу в 2003 г., активно интегрируясь в единое европейское образовательное пространство и подвергая традиционную систему высшего образования коренному переустройству [12, 13].

Таким образом, университеты на протяжении всей своей истории меняли вокруг себя не только образовательное, но и социальное пространство, всю структуру породившего их европейского социума. Они обогатили и усложнили экономическую и социальную жизнь средневековой и современной Европы, оказали глубокое и всестороннее влияние на развитие европейской культуры, науки и образования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Вебер А. Университет и историческая ситуация. СПб.: Университетская книга; 1998. 565 с.
2. Вебер М. Наука как призвание и профессия. М.: Прогресс; 1990.
3. Скрипник К.Д. Формирование традиций высшего образования в первых университетах Западной Европы URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-traditsiy-vysshego-obrazovaniya-v-pervyh-universitetah-zapadnoy-evropy#ixzz48iVN3Zog>
4. Захаров И.В., Ляхович Е.С. Миссия университета в европейской культуре. М.: Новое тысячелетие; 1994. 235 с.
5. Уваров П.Ю. У истоков университетской корпорации URL: <http://polit.ru/article/2010/02/04/university>
6. Налетова И.В., Прохоров А.В. Академическая культура как идея университета. *Вопросы теории и практики.* 2013;12(38):137–141.
7. Налетова И.В. Университет Гумбольдта в динамике развития университетского образования. *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки.* 2010;89(9):7–12.
8. Андреев А. «Национальная модель» университетского образования: возникновение и развитие. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnaya-model-universitetskogo-obrazovaniya-vozniknovenie-i-razvitie#ixzz490dATJwZ>
9. Шнедельбах Г. Университет Гумбольдта. *Логос.* 2002;(5–6):65–78.
10. Ньюмен Дж.Г. Идея Университета. Минск: БГУ; 2006. 208 с.
11. Морозова И.С., Картавцева А.П. Особенности университетского образования на современном этапе развития общества URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-universitetskogo-obrazovaniya-na-sovremennom-etape-razvitiya-obschestva#ixzz48jAMTndq>
12. Сидорова Т.И. Концепция средневекового университета: к проблеме современной интерпретации понятийного комплекса «университет - корпорация» URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-srednevekovogo-universiteta-k-probleme-sovremennoy-interpretatsii-ponyatiynogo-kompleksa-universitet-korporatsiya#ixzz48iS7EX8a>
13. Новохатько А.Г., Новохатько И.М. К вопросу об историко-философских предпосылках идеи классического университета. *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки.* 2012;(11):259–264.

REFERENCES

1. Weber A. University and historical situation. In: Weber A. Favorites: the crisis of European culture. St. Petersburg, University Book; 1998. 565 p. (In Russ.).
2. Weber M. Science as a vocation and profession. In: Weber M. Selected works. Moscow; 1990:644–706. (In Russ.).
3. Skripnik K.D. Formation of traditions of higher education in the first universities of Western Europe. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-traditsiy-vysshego-obrazovaniya-v-pervyh-universitetah-zapadnoy-evropy#ixzz48iVN 3Zog> (In Russ.).
4. Zakharov I.V., Lyakhovich E.S. The mission of the University in European culture. Moscow: New Millennium; 1994. 235 p. (In Russ.).
5. Uvarov P. Yu. At the origins of the University Corporation. URL: <http://polit.ru/article/2010/02/04/university> (In Russ.).
6. Naletova I.V., Prokhorov A.V. Academic culture as the idea of a university *Questions of theory and practice*. 2013;12(38):137–141. (In Russ.).
7. Naletova I.V. Humboldt University in the dynamics of university education development. *Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities*. 2010;89(9):7–12. (In Russ.).
8. Andreev A. “National model” of university education: emergence and development (Part 1). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnaya-model-universitetskogo-obrazovaniya-vozniknovenie-i-razvitie#ixzz490dATJwZ> (In Russ.).
9. Schnedelbach G. Humboldt University. *Logos*. 2002;(5–6):65–78. (In Russ.).
10. Newman J.G. The Idea of the University. Under the general editorship of M.A. Gusakovskiy. Minsk: BSU; 2006. 208 p. (In Russ.).
11. Morozova I.S., Kartavtseva A.P. Features of university education at the present stage of development общества. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-universitetskogo-obrazovaniya-na-sovremennom-etape-razvitiya-obschestva#ixzz48jAMTndq> (In Russ.).
12. Sidorova T.I. The concept of a medieval university: on the problem of modern interpretation of the conceptual complex “university-corporation”. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-srednevekovogo-universiteta-k-probleme-sovremennoy-interpretatsii-ponyatiynogo-kompleksa-universitet-korporatsiya#ixzz48iS 7EX8a>. (In Russ.).
13. Novokhatko A. G., Novokhatko I.M. On the historical and philosophical prerequisites of the idea of a classical university. *Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities*. 2012;(11):259–264. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Игорь Николаевич Шапкин — доктор экономических наук, профессор, научный руководитель департамента гуманитарных наук, Финансовый университет, Москва, Россия

Igor N. Shapkin — Dr. Sci. (Econ.), Professor, Scientific Director of the Department of Humanities, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0003-3060-9610>

ishapkin@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 16.02.2022; принята к публикации 20.04.2022.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 16.02.2022; accepted for publication on 20.04.2022.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-3-110-116

УДК 372.881.161.1(045)

Обучение китайских студентов русской политической речи*

Е.В. Ганина^а, Р.И. Полякова^б, В.Э. Матвеев^с

^{а,б} Финансовый университет, Москва, Россия; ^с Школа иностранных языков «YCode», Сочи, Россия

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена проблеме обучения китайских студентов гуманитарного профиля русской политической речи (I сертификационный уровень). В качестве примера в работе представлены части авторских уроков: словарь политической лексики с переводом на китайский язык, текст, послетекстовые упражнения, направленные на развитие лексических и грамматических навыков учащихся; даны практические рекомендации по работе над политической речью на занятиях по РКИ¹ в аудитории китайских обучающихся. Практическая значимость работы заключается в возможности применения предлагаемой национально ориентированной методики, практических рекомендаций в процессе преподавания политической речи в курсе РКИ китайским студентам I ТРКИ². Доказано, что перевод лексического значения слова является ведущим приемом при обучении китайских учащихся русскому словарю, а создание национально ориентированных учебников по политической лексике русского языка для китайских студентов значительно повысит результативность обучения.

Ключевые слова: РКИ; обучение китайских студентов; политическая речь; лексика; трудности обучения; национально ориентированная методика; перевод; профессиональная компетенция филолога

¹ Русский язык как иностранный.

² Международный экзамен на определение уровня владения русским языком.

Для цитирования: Ганина Е.В., Полякова Р.И., Матвеев В.Э. Обучение китайских студентов русской политической речи. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(3):110-116. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-3-110-116

ORIGINAL PAPER

Teaching Chinese Students to the Russian Political Speech**

E.V. Ganina^а, R.I. Polyakova^б, V.E. Matveenko^с

^{а,б} Financial University, Moscow, Russia; ^с Foreign languages school "YCode", Sochi, Russia

ABSTRACT

The article is devoted to problem of teaching Chinese students (humanitarian specializations) to the Russian political speech (I RFL level). Parts of authors lessons are given in the paper as an example: vocabulary of political lexica (Russian-Chinese translation), text, post-text tasks (developing lexica and grammar skills of students). There are methodical recommendations of working with political speech during Russian language lessons in Chinese students' groups. It is possible to use the thesis, offered national oriented methods, and recommendations during teaching the Russian political speech to Chinese students of the 1st certificate level of Russian. It is proven, translation of lexical meaning of a word is the main method during teaching Russian language to Chinese students. Preparation of national oriented lexical study books for Chinese students will increase positive results of language learning.

Keywords: Russian language as a foreign; teaching Chinese students; political speech; lexica; teaching difficulties; national oriented methods; translation; professional philological competence

For citation: Ganina E.V., Polyakova R.I., Matveenko V.E. Teaching Chinese students to the Russian political speech. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(3):110-116. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-3-110-116

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

** The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds under the state assignment to the Financial University.

© Ганина Е.В., Полякова Р.И., Матвеев В.Э., 2022

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время в российских вузах учатся 18 200 студентов из Китая [1]. Основные специальности, по которым обучаются граждане КНР в российских вузах: 1) гуманитарно-социальные, русский язык (включая языкознание и литературоведение, русский язык как специальность и курсы изучения русского языка); 2) экономика и управление; 3) инженерно-технические специальности (строительство, машиностроение, электро- и теплоэнергетика). По программам магистратуры и аспирантуры граждане КНР изучают гуманитарно-социальные специальности, экономику и управление, педагогику, искусство.

Знание русского языка становится все более важным для современной китайской молодежи, в особенности для китайских русистов, политологов, экономистов. В связи с этим необходимо переосмыслить теоретические и практические подходы к обучению русскому языку китайских обучающихся в период интенсивного развития отношений между Россией и Китаем и привлекать в учебный процесс новые дидактические материалы политической направленности, что значительно расширит лексический запас студентов из Китая в сфере их специальности и облегчит понимание содержания лекций по изучаемым дисциплинам курса. Актуальность исследования состоит в необходимости разработки эффективной методики в области обучения китайских студентов гуманитарных специальностей компетентному владению русской политической речью. Цель работы — проанализировать существующие теоретико-методические и практические (учебные) материалы в данном аспекте РКИ и предложить приемы работы с китайскими студентами, позволяющие организовать эффективное обучение данной категории обучающихся. Задачи статьи: 1) выявить и проанализировать лингвистические и экстралингвистические трудности китайских студентов при изучении русской политической речи; 2) изучить существующие учебно-методические пособия аспекта «Русская политическая речь», используемые в обучении китайских студентов в российских вузах на означенном уровне; 3) сформулировать ряд методических рекомендаций, способствующих эффективному обучению китайских студентов русской политической речи; 4) предложить собственные практические материалы и описать методику их использования на занятиях.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Проблемам преподавания русского языка китайским студентам посвящен ряд научных работ отечественных и зарубежных специалистов, представленный ниже поаспектно:

- общие вопросы методики обучения китайских студентов РКИ [2];
- культуроориентированное обучение китайских студентов РКИ [3];
- методика обучения китайских студентов говорению на русском языке [4];
- национально ориентированный подход в обучении китайских студентов РКИ [4, 5] и др.

Однако к настоящему времени подготовлено сравнительно мало методических работ по обучению китайских студентов русской политической речи [5].

МЕТОДИКА И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

При подготовке работы были задействованы следующие методы исследования: эмпирический (сбор и анализ российских и зарубежных научных, методических и учебных материалов, посвященных вопросам обучения китайских студентов различным аспектам РКИ); метод практического наблюдения и обобщение практического знания (при написании статьи авторы опирались на собственный многолетний педагогический опыт работы с китайскими обучающимися в Финансовом университете при Правительстве РФ, Российском университете дружбы народов, Российском экономическом университете им. Г.В. Плеханова).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Политика — сложная часть человеческих взаимоотношений. В настоящее время политика и язык находятся в тесной взаимосвязи, ведь без межнациональной коммуникации трудно представить современный мир. Роль полноценной и грамотной политической коммуникации в развитии экономических, культурных, военных, образовательных и других сфер между государствами очень высока. Изучение политической речи происходит на всех этапах обучения русскому языку иностранных студентов гуманитарных специальностей. Однако при обучении китайских учащихся русской политической речи (и в целом РКИ) преподаватели сталкиваются

с лингвистическими и экстралингвистическими трудностями.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ТРУДНОСТИ

1. По мнению И.Ю. Лидиной и А.А. Федосеева, к данной группе относится «разница в русской и китайской языковых системах, которая касается всех уровней языка, включая графику» [4]. Например, в китайском языке прилагательные и местоимения **не изменяются** по числам, родам и падежам; глаголы **не изменяются** по числам и лицам [6].

2. Китайские студенты при изучении русского языка сталкиваются с принципиально иным способом формирования и формулирования мысли, так как русский язык имеет огромное количество словоформ, что резко отличает его от китайского. Достаточно свободный порядок слов в русском предложении и вариативность русских интонационных конструкций также являются существенным отличием от китайского.

3. Доказано, что у китайцев наиболее развито правое полушарие, отвечающее за образное мышление, анализ звуков, интонации, однако оно почти не понимает глаголов (что связано с использованием иероглифического типа письменности) и семантику. Лексикон правого полушария имеет целостные образы слов, отдельных фраз и выражений.

4. Китайские политические тексты содержат имплицитный компонент ввиду соответствующей философии и существующего строя в государстве, что отличает их от русских политических материалов, следовательно, выбор лексики, смысловая нагрузка, цель и содержание политической речи отличается от русской.

ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ТРУДНОСТИ

1. Частое отсутствие языка-посредника в аудитории китайских студентов, обучающихся в России, а также малое количество имеющихся в российской практике пособий по политической речи с переводом на китайский язык.

2. Особенности китайской национальной методики обучения, направленной на заучивание большого количества лексики при отсутствии устного общения, что вызывает трудности в практике применения заученной лексики в беглой спонтанной речи.

3. Склонность китайских студентов к общению только в своих национальных группах и, как правило, избегание общения со студентами других национальностей как во время пребывания в аудитории, вузе, так и за их пределами (в общежитии, на экскурсиях и др.).

Газетные статьи, записи выступлений лидеров государств, выпусков новостей являются ценным информативным материалом и могут быть использованы в качестве учебного материала на занятиях по РКИ. Лингводидактическая ценность материалов этой категории для учащихся гуманитарных специальностей (филологов, политологов, историков и т.д.) определяется не только тем, что в них представлены актуальные, характерные для жизни российского общества события и явления, но и профессиональной направленностью обучающихся. Тем не менее необходимость использовать политические тексты (статьи, записи новостей) на занятиях по РКИ в качестве дидактического материала продиктована образовательной программой. Русский язык необходим для повседневного общения, когда коммуникация осуществляется в социально-бытовых и социально-культурных сферах (включая прочтение российской прессы и просмотр телевизионных и информационных программ). Также он является средством для получения специальности, что включает в себя глубокое усвоение научного стиля речи, что обеспечивает необходимый уровень коммуникации в актуальных учебно-научных сферах деятельности студентам гуманитарных специальностей.

Обучение политической речи (чтению газет, аудированию новостей) китайских студентов гуманитарных специальностей является одним из самых сложных аспектов в преподавании русского языка как иностранного. Практика обучения китайских студентов РКИ показывает, что данной аудитории намного сложнее понимать политическую речь, чем европейским студентам. Это объясняется тем, что политический словарь русского языка включает в себя большое количество заимствований из европейских языков («атташе», «делегация», «контракт» и др.), что значительно повышает уровень понимания еврофонами русской политической лексики. В то же время в китайском языке эти слова имеют свои собственные эквиваленты, не похожие ни по написанию, ни по звучанию на их перевод в европейских языках. Обучение лексике происходит в тесной взаимосвязи с грамматикой:

предложения с политической лексикой строятся на уже известных иностранным учащимся грамматических конструкциях. Упражнения на аналогию, как правило, отрабатывают лексические навыки и способствуют лучшему запоминанию нового материала.

Программа обучения студентов гуманитарных специальностей включает следующие обязательные политические темы: «Официальные встречи. Визиты. Переговоры», «Бизнес. Экономика», «Правительство. Формирование правительства», «Выборы», «Власть. Формы власти», «Международные отношения», «Международные организации», «Войны. Конфликты», «Экология». Как правило, тема открывается введением нового лексического материала.

Приведем примеры словарей-минимумов, составленных к теме «Официальные встречи. Визиты. Переговоры» с переводом на китайский язык.

После ознакомления студентов с полным словарем темы предполагается ее разделение на подтемы: «Визиты», «Международное положение», чтение текстов (для младших курсов — адаптированных, для старших — возможно использование неадаптированного материала) и выполнение устных и письменных заданий:

Тема «Визиты».

Образцы заданий:

I. Ознакомьтесь с новыми словами:

министр иностранных дел 外交部长	подписывать / подписать 标志
министр образования 教育部长	(подписывать договор, соглашение, контракт)
обсуждать / обсудить 讨论	подписание 签署
(обсуждать вопросы, проблемы, ситуацию, сотрудничество)	(подписание договора, соглашения, контракта)
обсуждение 讨论	посещать / посетить 访问
(обсуждение вопроса, проблемы, ситуации, сотрудничества)	проводить / провести 实施
область 球体	(проводить встречу, конференцию, олимпиаду, переговоры)
переговоры 谈判	проведение 举行
(переговоры о мире, о дружбе, о сотрудничестве)	(проведение встречи, конференции, олимпиады, переговоров)
планировать 计划	соглашение 该协议
(планировать встречу, конференцию, переговоры)	(соглашение о сотрудничестве, о мире)

II. Прочитайте текст, ответьте на вопросы:
«Сегодня в Москву с официальным визитом прибывает министр иностранных дел Китая, который проведет здесь четыре дня. Министр встретится в Кремле с министром образования России. Основной темой китайско-российских переговоров будет обсуждение вопросов в области науки и образования. В последний день визита министры посетят Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. Здесь они проведут конференцию и встретятся со студентами университета. Планируется подписание соглашения о сотрудничестве в области науки и образования».

Вопросы: Кто прибывает сегодня в Москву? С кем и где встретится министр иностранных дел Китая? Какова основная тема китайско-российских переговоров? 4. Что посетят министры в последний день визита? С кем встретятся министры на конференции?

III. Выполните тест:

Сегодня в Москву с официальным визитом прибывает

А) министр иностранных дел Китая; В) король Таиланда;

Б) президент Франции; Г) королева Великобритании.

2. Основной темой китайско-российских переговоров будет:

А) обсуждение вопросов в области туризма;

Б) обсуждение вопросов в военной области;

В) обсуждение вопросов в области науки и образования;

Г) обсуждение вопросов в области здравоохранения.

3. Планируется подписание:

А) документа; В) приказа;

Б) соглашения; Г) контракта.

IV. Составьте предложения со словами:

Официальный визит, министр иностранных дел, министр образования России, вопросы в области науки и образования, конференция, соглашение о сотрудничестве в области науки и образования.

V. Составьте предложения из слов:

1. Пекин, сегодня, министр иностранных дел России, в, с официальным визитом, прибывает.

2. Посетит, проведет, российскими и иностранными студентами, министр образования России, 17 марта, Московский государственный университет, и, встречу, с, и, преподавателями.

3. О сотрудничестве, соглашение, 15 сентября, и, подписали, министр иностранных дел КНР, министр иностранных дел РФ, в сфере науки и образования.

Тема «Международное положение».

Образцы заданий:

I. Ознакомьтесь с новыми словами:

Опасность 危险	Запрещение 禁止
Опасный (опасный город, опасная страна, опасный регион)	Международное положение 国际局势
Без 没有	Обсуждать 讨论
Безопасность 安全	(обсуждать вопрос, проблему, ситуацию)
(безопасность страны)	Обсуждение 讨论
Безопасный	(обсуждение вопроса, проблемы, ситуации)
(безопасный город, безопасная страна, безопасный регион)	Сотрудничать 合作
Беседа 谈话	Сотрудничество 合作关系
(проводить / провести беседу)	(сотрудничество в области / в сфере экономики, сотрудничество в области / в сфере безопасности, сотрудничество в области / в сфере образования, сотрудничество в области / в сфере культуры)
Беседовать 谈话	Участник 缔约方
(беседовать о политике, о сотрудничестве)	(участник конференции, переговоров, встречи)
Взаимопомощь 互助	Укрепление 加强
Друг 友	(укрепление безопасности, мира, дружбы, сотрудничества)
дружить 做朋友	
Дружба 友谊	
(дружба народов, дружба стран)	
Дружный	
(дружный коллектив, дружная группа)	
Запрещать / запретить 禁止	

II. Выполните задание по образцу:

Руководители двух стран обсудили вопросы международного положения. — **Какие вопросы** обсудили руководители двух стран? — **Вопросы международного положения**.

1. В ходе дружеской беседы были обсуждены вопросы экономического сотрудничества.

2. Участники встречи рассмотрят проблему укрепления безопасности и сотрудничества европейских народов.

3. В ходе беседы были обсуждены вопросы науки и образования.

4. Делегации обсудили вопросы сотрудничества и взаимопомощи.

5. Переговоры проходили в обстановке дружбы и взаимопонимания.

Вставьте подходящие по смыслу слова в правильной грамматической форме:

укрепление, обсуждение, запрещение, участники, дружный, безопасный, взаимопомощь, многонациональный.

1. Россия — это ... страна. 2. Москва — это ... город. 3... встречи беседовали о политической ситуации в мире. 4. Наша группа ... 5. В Кремле прошло ... экономической ситуации в России. 6. Страны подписали договор о ... использования оружия. 7... — это помощь друг другу. 8. Главная задача — ... безопасности страны.

ВЫВОДЫ

При обучении китайских студентов политической речи главным является перевод лексических единиц и частота их использования в различных упражнениях: грамматических, лексических (т.е. высока необходимость наличия пособий по РКИ с переводом на китайский язык). Формирование коммуникативной компетенции (в области политической речи в том числе) требует от китайских студентов владения грамматикой русского языка и понимания специфики русского словообразования и синтаксиса, так как понимание прочитанного зависит не только от знания лексики, но и в целом от уровня сформированности всех грамматических навыков. Следовательно, обучение русской политической речи подразумевает сложную методическую работу, включающую в себя параллельное развитие всех навыков студентов и имеющую национально ориентированную основу [7]. Перевод, система организации лексики и закрепления ее в грамматических конструкциях позволяет эффективно реализовать речевую деятельность китайских учащихся. Немаловажным является учет особенностей менталитета китайской аудитории, социокультурную специфику студентов [8].

БЛАГОДАРНОСТИ

Авторы работы выражают благодарность китайским студентам филологического факультета РУДН Ли Цзяляо, Фань Сяоян за перевод с русского языка на китайский словарь, представленного в статье.

ACKNOWLEDGEMENTS

The authors of the work express their acknowledgements to the Chinese students of the Faculty of Philology of PFUR Li Jialiao, Fan Xiaoyang for translating the dictionary presented in the article from Russian into Chinese.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Малыхин М. Студенты из Китая — вторые по численности иностранцы в российских вузах. URL: <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2015/08/11/604362-kitaiskie-studenti-rossiiskih-vuzah>
2. Овсий Е. С. Специфика преподавания РКИ китайским студентам. *Вопросы гуманитарных наук*. 2018;3(96):95–98.
3. Колода С. А. Развитие лингвосоциокультурной компетенции на занятиях по русскому языку с китайскими студентами. *Восточнославянская филология. Языкознание*. 2016;3(29):102–110.
4. Лидина И. Ю., Федосеев А. А. Обучение китайских студентов свободному диалогическому общению на русском языке. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2020;13(2):285–289.
5. Румянцева Н. М., Оганезова А. Е. По-русски — о политике. М.: РУДН, 2010. Ч. 1. 147 с.
6. Горелов В. И. Грамматика китайского языка. М.: Просвещение; 1982. 280 с.
7. Ван Я. Национально ориентированный подход в обучении РКИ китайских студентов. *Глобальный научный потенциал*. 2021;7(124):49–51.
8. Лифэн Я. Технология проблемного обучения в процессе обучения китайских студентов русскому языку. *Современное педагогическое образование*. 2021;3(3):87–91.

REFERENCES

1. Malykhin M. Students from China are the second largest number of foreigners in Russian universities. URL: <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2015/08/11/604362-kitaiskie-studenti-rossiiskih-vuzah>. (In Russ.).
2. Ovsy E. S. Specifics of teaching RFL to Chinese students. *Questions of the humanities*. 2018;3(96):95–98. (In Russ.).
3. Koloda S. A. Development of linguo-sociocultural competence in Russian language classes with Chinese students. *East Slavic Philology. Linguistics*. 2016;3(29):102–110. (In Russ.).
4. Lidina I. Yu., Fedoseev A. A. Teaching Chinese students to free dialogic communication in Russian. *Philological sciences. Questions of theory and practice*. 2020;13(2):285–289. (In Russ.).
5. Rumyantseva N. M., Oganezova A. E. About politics in Russian. Part 1. Moscow: RUDN University; 2010. 147 p. (In Russ.).
6. Gorelov V. I. Grammar of the Chinese language. Moscow: Prosveshchenie; 1982. 280 p. (In Russ.).
7. Wang Ya. A nationally oriented approach in teaching RFL to Chinese students. *Global scientific potential*. 2021;7(124):49–51. (In Russ.).
8. Lifen Ya. Technology of problem-based learning in the process of teaching Chinese students Russian. *Modern pedagogical education*. 2021;3:87–91. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Елена Викторовна Ганина — доцент, заместитель руководителя департамента иностранных языков и межкультурной коммуникации факультета международных экономических отношений, Финансовый университет, Москва, Россия

Elena V. Ganina — Associate Professor, Deputy director of the Department of Foreign Languages and Intercultural Communication, Faculty of International Economical Relations, Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-5726-3835>
eganina@fa.ru

Рауза Ильдаровна Полякова — доцент департамента иностранных языков и межкультурной коммуникации факультета международных экономических отношений, Финансовый университет, Москва, Россия

Rauza I. Polyakova — Associate Professor, Department of Foreign Languages and Intercultural Communication, Faculty of International Economical Relations, Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-7198-2150>
RIPolyakova@fa.ru

Вероника Эдуардовна Матвеевко — кандидат педагогических наук, преподаватель РКИ, школа иностранных языков «YCode», Сочи, Россия
Veronika E. Matveenko — Cand. Sci. (Pedagogy), teacher of Russian language as a foreign, Foreign languages school “YCode”, Sochi, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-5405-5347>
veronikabelle@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

Е.В. Ганина — руководство исследованием, постановка проблемы и задач исследования, систематизация упражнений, научно-методическое редактирование текста.

Р.И. Полякова — проведение обзора научно-методической литературы, составление упражнений.

В.Э. Матвеевко — сбор данных, проведение обзора научно-методической литературы, составление упражнений, работа над результатами и выводами.

Authors' declared contribution:

E. V. Ganina — research management, formulation of the problem and tasks of the research, classification of exercises, scientific and methodical text editing.

R. I. Polyakova — organization of scientific and methodical materials review, preparation of exercises.

V. E. Matveenko — data collection, organization of scientific and methodical materials review, preparation of exercises, analyze of results and conclusions.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 10.05.2022; принята к публикации 20.05.2022.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 10.05.2022; accepted for publication on 20.05.2022.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-3-117-122
УДК 378+37.014.256(045)

Высшее образование в Китае и России: сравнительный духовно-ценностный аспект*

Т.Т. Махаматов

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу культурных оснований высшего образования в РФ и КНР. Особое внимание уделено проведению рыночных реформ и модернизации высшей школы. Отмечается, что, несмотря на схожую форму, преобразования российского и китайского образования, в том числе в связи с вступлением в Международную торговую организацию, имеют различное ценностное наполнение, так как в первом случае происходит ломка ценностей и вестернизация, а во втором – сохранение традиций и национальной компоненты. В конце статьи автор делает вывод о ключевой роли воспитательного аспекта и идеологии в высшем образовании КНР.

Ключевые слова: высшее образование; Россия; Китай; ценности; культура; реформа высшего образования; конфуцианство; WTO

Для цитирования: Махаматов Т.Т. Высшее образование в Китае и России: сравнительный духовно-ценностный аспект. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(3):117-122. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-3-117-122

ORIGINAL PAPER

Higher Education in China and Russia: Comparative Spiritual and Value Aspect**

T.T. Makhamatov

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article is devoted to the analysis of the cultural foundations of higher education in the Russian Federation and China. Special attention is paid to the implementation of “market reforms” and the modernization of higher education. The author noted that despite the similar form, the transformations of Russian and Chinese education, including in connection with joining the International Trade Organization, have different value content, since in the first case there is a breakdown of values and “Westernization”, and in the second case there is a reliance on tradition and the preservation of the national component. The author makes a conclusion about the key role of the educational aspect and ideology in the higher education of the People’s Republic of China.

Keywords: higher education; Russia; China; values; culture; higher education reform; Confucianism; WTO

For citation: Makhamatov T.T. Higher education in China and Russia: Comparative spiritual and value aspect. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(3):117-122. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-3-117-122

Социальную организацию общества в целом можно рассматривать как систему, включающую сферы управления, власти, экономики, права, идеологии и образования. При этом сфера образования является результатом взаимодействия различных компонентов социальной ор-

ганизации и, таким образом, выступает не столько «надстройкой» над экономическим «базисом» в марксистском понимании, сколько частью фактического базиса общества наравне с культурой, идеологией, экономикой и государственностью — с культурно-исторической точки зрения [1].

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию ВТК-ГЗ-ПИ-31–21 «Анализ потенциала рынка частного образования для организации подготовки кадров в новых формируемых сферах экономики с использованием современных технологий».

** The article was prepared based on the results of studies carried out at the expense of budgetary funds under the state task VTK-GZ-PI-31–21 “Analysis of the potential of the private education market for organizing training in new emerging areas of the economy using modern technologies”.

Согласно ныне действующей Конституции РФ в нашей стране в настоящее время существует идеологическое многообразие — никакая идеология не может признаваться в качестве государственной и обязательной¹. Однако, как отмечает С. Глазьев, отсутствие у государства и общества общей идеологии — «признание того, что никакой единой системы ценностей, никаких целей общего развития у них нет, что превыше всего — частные и клановые интересы» [2].

В Китае ценность образования поддерживается традицией. Доминирующей доктриной почти на протяжении 1000 лет, вплоть до начала XX в., выступало учение Конфуция, которое представляет собой этико-политическое мировоззрение, соединившее в себе политическую идеологию, религиозные установки, научную традицию и этику социального поведения. Будучи официальной идеологией, конфуцианство обеспечило престиж и преемственность образования.

Согласно конфуцианской традиции принято выделять два вида образования: «для себя» и «для других».

«Обучение для других» означает овладение профессиональными навыками, которые необходимы для узкоспециализированной деятельности, но недостаточны для формирования целостной личности.

Поэтому Конфуций предложил модель «обучение для себя», следуя которой учащийся «выправляет» себя, совершенствует свои нравственные качества на протяжении всей жизни.

В результате реализации традиционного образования формируется идеальный гражданин, или благородный муж (君子 junzi), чья жизнь посвящена поддержанию шести добродетелей, которые, будучи реализуемы посредством повседневной практической деятельности, в конечном счете обеспечивают процветание государства: гуманность или человеколюбие (仁 ren); долг, справедливость (义 yi); этикет (礼 li); сыновняя почтительность, благодарность (孝); мудрость (智 zhi); преданность (信 xin). Критерием благородного мужа является соблюдение баланса между внутренним и внешним: между личным и общественным, между нравственностью и следованию ритуалу. В учении Конфуция отражено социальное неравенство, которое является необходимым условием иерархии, составляющей государство. Соблюдая иерархию, следуя ритуалу, каждый социальный слой выполняет свою роль

и функцию. Задача образовательного процесса — закрепить в сознании человека правила, нормы и ценности, основанные на традициях.

Иными словами, в культурно-педагогической традиции Китая высшее образование есть не столько комплекс знаний, навыков и компетенций, сколько «государственно-идеологическая доктрина, заключающая основные смыслообразующие установки политики и идеологии» на протяжении всей истории развития страны. Таким образом, высочайший престиж высшего образования закреплен в культурной и философской традиции Китая.

В отечественной традиции высшее образование служило не столько закреплению национальных ценностей и естественно сложившихся особенностей народной культуры, сколько, напротив, — формированию нового типа личности, основанного на европейском образе мышления. Более того, в России на протяжении столетий, начиная с романовской эпохи, под любой модернизацией фактически подразумевается вестернизация, что, естественно, сопровождается комплексной ломкой сложившихся ценностей.

Основателем российской науки и образования принято считать Петра I, который, наряду с повышенным интересом ко всему западному, привил России «комплекс неполноценности», находивший, в частности, выражение в принижении всего отечественного, с обязательным преклонением перед иностранным (европейским) [3].

Высшее образование, выстроенное по немецкому образцу, явилось привилегией правящего класса и служило продвижению по служебной лестнице, что привело к сугубо утилитарному пониманию данного социального института в условиях российского социума. Все это приводило к комплексному результату — неявной колонизации «возрожденной» и «просвещенной» Европой территории, занимаемой российским государством, планомерно и глубоко преобразуемым по ее, Европы, образу и подобию.

«Наши университеты привыкли себя считать до того государственными учреждениями, что все их внимание сосредоточилось на одну подготовку для государства людей с дипломами, званиями и правами на чины, а на просвещение края и общества они смотрят как на дело для них и вовсе постороннее», — с горечью писал Н.И. Пирогов.

В советское время была выстроена новая национальная модель высшего образования, сочетавшая научную фундаментальность, гражданственность и духовность, которые обеспечили рост нацио-

¹ URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/5b9338a7944b7701f1be63f48c943e8175be16462/

нального самосознания и сформировали модель «советского человека». Однако с распадом СССР данная модель прекратила свое существование, а на уровне государства и общества была инициирована и продолжается «модернизация» системы образования, снова взявшая за основу западные социальные институты и их базовые ценности.

Вернемся к рассматриваемым современным образовательным системам. Поступить в высшее учебное заведение — как в России, так и в Китае — могут выпускники средних профессиональных учебных заведений и старшей ступени средней школы при условии сдачи Единого государственного экзамена, (в КНР — 高考 *gaokao*). Аналогично российскому ЕГЭ, китайский *гаокао* является одновременно выпускным для учеников средней школы старшей ступени. Если ранее возраст абитуриента ограничивался 25 годами, а замужние и женатые вообще не могли стать студентами, то сейчас возрастные и семейные барьеры сняты, и обучение в вузе можно начать в любом возрасте.

Несмотря на внешнюю схожесть отечественного ЕГЭ и его китайского аналога, данные экзаменационные системы имеют разные духовно-ценностные основания. Экзаменационная традиция современного Китая уходит корнями во времена древних империй, образовательная система которых была призвана готовить кадры для чиновничества, а потому выступала делом государственной важности.

В наши дни, ввиду высокой численности населения Поднебесной и естественно обусловленной этим обстоятельством социально-экономической напряженности, успешная сдача *гаокао* и поступление в вуз значительно повышают шансы человека на жизненный успех — будь то создание семьи, престижная работа, высокий заработок или помощь родственникам.

Поскольку, в отличие от модернизированного российского или современного западного социума, китайское общество не является атомизированным, а как раз наоборот — обществом общинного типа [4, 5], то базовой категорией социального анализа выступает не индивид, а взаимозависимость индивидов — семья, следовательно, провал на *гаокао* является не столько личной неудачей, сколько позором для всей семьи и рода. Именно поэтому китайский государственный экзамен оказывает наивысшее психологическое давление — как на абитуриентов, так и на их родителей.

Среди недостатков *гаокао* выделяют авторитарность; необходимость заучивать, зазубривать материал; подавление творческого начала; внешнюю

мотивацию и страх «провалиться» [6]. М. Ишисада идет еще дальше и называет такую систему государственных испытаний «экзаменационным адом» [7]. Российские исследователи также невысокого мнения о данной практике. Например, С. Просеков, отдавая должное достоинствам китайской образовательной системы в целом, отмечает, что «образование нацелено исключительно на сдачу экзамена» и «у китайских детей отсутствует индивидуальный подход и инновационный потенциал» [8].

Тем не менее система строгих конкурсных испытаний, реализуя принцип «образование для всех», обеспечивает социальное продвижение лучших и устойчивость китайского общества. Как отмечает В. Малявин, приверженность «идеи конкурсных экзаменов как надежного инструмента отбора в государственную элиту самых талантливых» — одно из проявлений веры китайцев в справедливость и воздаяние за труды уже при жизни.

Возможное объяснение также предложено С. Пэнном, который связывает экзаменационную систему со снятием конфликта интересов у тех, в чьей власти находится допуск к образованию, поскольку в странах конфуцианского наследия нравственной основой существования личности, с одной стороны, выступает почтительное отношение к семье, а с другой — равный доступ к образованию. В результате, если, например, к представителю приемной комиссии обращается кто-либо из родственников с просьбой посодействовать с поступлением в учебное заведение, то в случае согласия должностное лицо нарушает общественные этические стандарты, а в случае отказа — нравственные кланово-семейные установления. Единый беспристрастный экзамен помогает избежать данного конфликта и гарантировать, что результат зависит только от самого учащегося.

Важно отметить, что китайские студенты — как из обеспеченных семей, так и из семей со скромным достатком — одинаково прилежно относятся к получению образования. Многие из них добровольно проходят суровые экзаменационные испытания не только в силу карьерных притязаний, но и для того, чтобы почтить своих родителей, служить укреплению семьи и рода, приносить пользу обществу, что исконно заложено в китайской культурной традиции.

В Российской Федерации до 2009 г. выпускники школ сдавали выпускные экзамены для получения аттестата, а вузовские — непосредственно для поступления. После 2009 г. ЕГЭ стал проводиться на территории всей страны и перешел из стадии

эксперимента в обязательную процедуру. С этого момента роль ЕГЭ становится более весомой, так как успешная сдача выпускного экзамена открывает путь к высшему образованию и предоставляет социальные лифты.

Образовательная политика современного государства, помимо ориентации на национальные интересы, учитывает также векторы мирового развития. Для России и Китая таким вектором является членство во Всемирной торговой организации, причем Китай вступил в организацию в 2001 г., а Россия значительно позже — в 2012 г. Помимо этого, Россия, в целях интеграции в европейское образовательное пространство в 2003 г. присоединилась к Болонскому процессу. Китай не является участником данного процесса, но также перешел на программы подготовки бакалавров, магистрантов и докторов наук. Страны — участницы ВТО по согласованию могут ввести ограничения по доступу на свой рынок услуг.

В данной ситуации Китай заблаговременно начал подготовку к адаптации системы высшего образования к условиям глобального рынка. Уже начиная с 1978 г. китайские студенты организовано выезжают за рубеж с целью обучения. Подразумевается, что выпускники-специалисты должны перенять передовой опыт для модернизации собственной экономики и культуры. С 1992 г. упор был сделан на привлечение иностранных специалистов и преподавателей. Еще через 3 года Китай начал осуществлять совместные образовательные программы, запретив иностранным вузам самостоятельно осуществлять деятельность в КНР. Был развернут импорт зарубежных образовательных услуг. Бакалавриат и магистратура были введены в Китае еще в 1980 г., и, поскольку на тот момент большинство вузовских программ в КНР были краткосрочными, этот переход произошел без глубинной перестройки системы в целом. С момента вступления Китая в ВТО страна начинает ориентироваться уже на экспорт высшего образования, которое служит одновременно и некоей «мягкой силой», и источником национального дохода. Важно отметить, что на данный момент Китай является как крупнейшим импортером высшего образования, так и его экспортером. Экономический успех Поднебесной и возрастающий авторитет на международной арене усиливают привлекательность высшего образования в КНР.

Россия в качестве участника Болонского процесса провела в своей системе высшего образования преобразования, схожие с китайскими: введены

программы бакалавриата и магистратуры, и, как следствие, — подготовка кадров осуществляется в сжатые сроки (4 года — бакалавр, 2 года — магистр); произошел отказ от фундаментальности в пользу практико-рыноко-ориентированности; продолжается принятие европейских образовательных стандартов, в числе которых — модели компетенций и зачетные единицы, что нашло отражение в соответствующей законодательной базе; развивается ориентация на непрерывное образование. Однако, несмотря на внешнюю схожесть с китайскими, наши реформы имеют качественно иное наполнение, так как преобразования проходили без должного общественного обсуждения, следовательно, без учета опыта уже проведенных реформ образования — как отечественного, так и зарубежного [9]. В результате утрачивается самое основное — национальный компонент, а наши лучшие студенты либо уезжают после окончания вуза за рубеж, либо трудоустраиваются в иностранные компании, что равносильно их работе в интересах другого государства².

Согласно нормам ВТО и Генеральному соглашению по торговле услугами высшее образование является **коммерческой услугой**, заказчики и потребители которой — сами учащиеся-студенты [10]. Данное положение соответствует западному исторически сложившемуся стилю мышления, однако входит в противоречие с традиционным отечественным пониманием образования как **общественного блага**, что закреплено в Законе об образовании РФ. Без идеологии и опоры на национальные традиции отечественное образование оказалось беззащитным перед западными ценностями, которые транслируются как через систему самого образования, так и через другие общественные институты, в том числе СМИ.

В результате воздействия глобализации и интенсивного осуществления рыночных реформ в области высшего образования оказались затронуты сами культурные основы китайской цивилизации, и, таким образом, высшие традиционные духовные ценности начали подменяться несравнимо более легко понимаемыми и обретаемыми материальными достижениями. С целью противостояния интенсивному «вливанию» западных образов ментальности и моральных установок правительство Китая способствует

² П. А. Столыпин предупреждал об этом: «Народ, забывший о своих корнях, традициях предков, о своей многовековой культуре, есть навоз, на котором произрастают другие народы».

укреплению конфуцианской морали. Начиная с середины 1980-х гг. в области образовательных реформ в Китае учитывается гуманитарный аспект, закладываемый в самую матрицу высшего образования. В программах высшего образования Китая важное значение придается воспитанию. Коллективные, общественные цели и ценности признаются выше личных интересов. Личность должна гармонично выстраивать отношения с природой, социумом, семьей³. Поступки должны быть обоснованы и правильно мотивированы, слово и дело — неразрывны. Члены партии и руководящие работники также обязаны беспрекословно следовать коренной конфуцианской концепции благородного мужа, во всем опирающегося на шесть основных добродетелей. Управление государством происходит не только на основании писаного закона, но и с опорой на конфуцианские ценности.

Учитывая вышесказанное, можно заключить, что в Китае высшее образование выполняет роль движущей силы модернизации, а применительно к России данный тезис является дискуссионным. Китай принят в мировое образовательное пространство в качестве равноправного субъекта, в то время как позиции России в этом плане весьма сомнительны. Основные аспекты успешности

³ В частности, это выражено в известном китайском изречении о смысле жизни человека: 修身·齐家·治国·平天下 (досл.: самотренировка, создание семьи, управление государством, умиротворение Поднебесной).

современных реформ высшего образования в КНР можно свести к нижеследующим пунктам:

1. Наличие ясной и простой идеологии, которая сплачивает государство и общество, задает идеал позитивного настоящего и светлого будущего⁴ и указывает направление развития.

2. Модернизация без вестернизации: общественные преобразования с опорой на собственные традиции, приоритет национальных интересов, адаптация западных достижений к собственной культуре.

3. Последовательность реформ и быстрое реагирование на отрицательные явления, закрепление положительного опыта.

4. Внедрение достижений науки и образования в производство.

Российской стороне стоит взять на вооружение современный позитивный опыт КНР и, в том числе, воссоздать комплексную систему государственного воспитания, вернуть ценностные смыслы в содержание образования, устранить разрыв образования и культуры, поскольку позитивный образ будущего может выстраиваться только на основе понимания собственного прошлого [11]. Только в этом случае российское высшее образование будет успешно выполнять три свои основополагающие функции: быть универсальным источником саморегенерации национальной культуры, совершенствования национальной науки, центром подготовки кадров высочайшего уровня.

⁴ 小康大同 — «малое благоденствие, великое единение».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Махаматов Т.М., Махаматов Т.Т. О духовно-культурных основаниях сближения и столкновения цивилизаций в эпоху глобализации. Столкновение VS сближение цивилизаций. Коллективная монография. Казань: Отечество; 2020.
2. С. Глазьев. Идеи правят миром. URL: <https://glazev.ru/articles/165-interv-ju/93895-sergey-glaz-ev-idei-pravjat-mirom>
3. Махаматова С.Т. Смольный институт благородных девиц как модель социализации школьников в образовательных учреждениях закрытого типа. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(1):120–127.
4. Махаматов Т.Т. Современный Китай — классическое государство Востока. Философские, социально-экономические и правовые основания современного государства в контексте глобализации: сборник научных трудов. М.: Финансовый университет; 2011.
5. Махаматов Т.Т. Сущностные философско-культурные основания сближения России и Китая. *Социально-гуманитарные знания*. 2015;(10):248–263.
6. Ли Ц. Культурные основы обучения: Восток и Запад. Пер. С англ. М.: Изд. дом Высшей школы экономики; 2017.
7. Ishisada M. The civil service examination: China's examination hell. *Chinese education*. 1974;(7):1–74.
8. Просеков С.А. Особенности образования и воспитания в КНР. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2017;7(2):72–81.

9. Сачко Г.В. Почему сходные реформы высшего образования в России и Китае ведут к разным результатам? *Вестник ЧелГУ*. 2012;12(266):48–55.
10. Логинова А.С. Повышение конкурентоспособности российского высшего образования в условиях выхода на международный рынок образовательных услуг. *Инновационные проекты и программы в образовании*. 2015;(1):11–15.
11. Шатилов А.Б. Деятельность органов государственной власти Российской Федерации по формированию исторических представлений студенческой молодежи в постсоветский период. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(3):15–26.

REFERENCES

1. Makhamatov T.M., Makhamatov T.T. On the spiritual and cultural foundations of the rapprochement and clash of civilizations in the era of globalization. In: *Clash VS rapprochement of civilizations. Collective monograph. Kazan: Fatherland; 2020. (In Russ.)*.
2. Glaziev S. Ideas rule the world URL: <https://glazev.ru/articles/165-interv-ju/93895-sergey-glaz-ev-idei-pravjat-mirom>. (In Russ.).
3. Makhamatova S.T. Smolny Institute for Noble Maidens as a Model of Schoolchildren's Socialization in Closed Educational Institutions. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(1):120–127. (In Russ.).
4. Makhamatov T.T. Modern China is a classical state of the East. Philosophical, socio-economic and legal foundations of the modern state in the context of globalization: a collection of scientific papers. Moscow: Financial University; 2011. (In Russ.).
5. Makhamatov T.T. Essential philosophical and cultural grounds for the rapprochement between Russia and China. *Social and humanitarian knowledge*. 2015;(10):248–263. (In Russ.).
6. Li Ts. Cultural foundations of learning: East and West. Moscow: Higher School of Economics; 2017. (In Russ.).
7. Ishisada M. The civil service examination: China's examination hell. *Chinese education*. 1974;(7):1–74.
8. Prosekov S.A. Features of education and upbringing in China. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2017;7(2):72–81. (In Russ.).
9. Sachko G.V. Why do similar higher education reforms in Russia and China lead to different results? *Bulletin of ChelGU*. 2012;12(266):48–55. (In Russ.).
10. Loginova A.S. Increasing the competitiveness of Russian higher education in the conditions of entering the international market of educational services. *Innovative projects and programs in education*. 2015;(1):11–15. (In Russ.).
11. Shatilov A.B. The activities of state authorities of the Russian Federation in the formation of historical ideas of student youth in the post-Soviet period. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(3):15–26. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Тимур Таурович Махаматов — кандидат философских наук, доцент департамента гуманитарных наук, Финансовый университет, Москва, Россия

Timur T. Makhamatov — Cand. Sci. (Philosophy), Associate Professor, Department of Humanities, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0003-0997-3979>

Timour.makhamatov@gmail.com

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 11.09.2021; принята к публикации 10.04.2022.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 11.09.2021; accepted for publication on 10.04.2022.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-3-123-129
УДК 81.139(045)

Особенности обучения английскому языку студентов поколения Z в неязыковом вузе (на примере студентов, обучающихся по направлению «Реклама и связи с общественностью»)

А.В. Пономарева, Е.Н. Яковлева
Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Целью данной работы является изучение специфики обучения поколения Z английскому языку как иностранному в российских неязыковых вузах. Статья опирается на принципы теории поколений и методологию фокус-групп. Опрос проводился среди восьмидесяти семи студентов первого курса бакалавриата, обучающихся по направлению «Реклама и связи с общественностью» и включал в себя следующие вопросы: характеристика преподавателя, общая атмосфера и компоненты урока, частота использования аудитивных и визуальных материалов, а также форма взаимодействия студентов. Вопреки представлению о том, что у поколения Z существует тенденция к индивидуализму и десоциализации, результаты опроса демонстрируют, что современные студенты охотно взаимодействуют в группах из нескольких человек, что позволяет удерживать мотивацию и реализовывать свой творческий потенциал. Для представителей поколения Z ключевую роль должно играть использование цифровых технологий, поскольку оно способствует широкой реализации педагогических и методических принципов, а также выстраивает оптимальный формат урока, тем самым сокращая разрыв поколений.

Ключевые слова: поколение Z; теория поколений; коммуникативный подход; методика коммуникативных заданий; английский язык; интерактивность; ИКТ; цифровые ресурсы

Для цитирования: Пономарева А.В., Яковлева Е.Н. Особенности обучения английскому языку студентов поколения Z в неязыковом вузе (на примере студентов, обучающихся по направлению «Реклама и связи с общественностью»). *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(3):123-129. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-3-123-129

ORIGINAL PAPER

Specific Features of Teaching Generation Z English in a Non-linguistic University (Based on the example of students majoring in public relations)

A.V. Ponomareva, E.N. Yakovleva
Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

This research aims to identify the specifics of teaching generation Z English as a foreign language in Russian non-linguistic universities and covers the principles of the theory of generations including focus group methodology. The survey encompassed eighty-seven undergraduate freshmen majoring in Advertising and Public Relations and included the following key aspects: professor's qualifications and behavior, overall atmosphere and lesson structure, frequency of utilization of audio and visual materials as well as students' preferred forms of interaction. Contrary to the belief that generation Z is not sociable and prefers individualism, our survey highlights those students willingly interact in groups of several people maintaining their motivation and realizing creative potential. Employment of digital technologies plays a crucial role for generation Z as it contributes to the widespread implementation of pedagogical and methodological principles, by making a lesson more interesting for nowadays students consequently reducing the generation gap.

Keywords: generation Z; theory of generations; communicative approach; task-based learning; English language; interactivity; ICT; digital resources

For citation: Ponomareva A.V., Yakovleva E.N. Specific features of teaching generation Z English in a non-linguistic university (based on the example of students majoring in public relations). *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of Financial University*. 2022;12(3):123-129. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-3-123-129

Современная эпоха характеризуется быстрым развитием IT-технологий, которые заняли важное место в социуме. Не стоит на месте и методика преподавания английского языка, старающаяся оперативно отвечать запросам общества. На фоне этого особенно важно исследовать вопрос мотивации и интеграции в образовательный процесс современных студентов неязыковых вузов, так как английский язык является для них не основным предметом. Преподаватель английского языка в этом смысле не может игнорировать дискуссии о теории поколений.

Теория поколений была разработана Н. Хоу и В. Штраусом в начале 90-х гг. XX в. [1, р. 15]. В соответствии с данной концепцией поколением считается социальная группа, члены которой рождены в определенный временной период, имеют общие жизненные позиции, ценности, предпочтения и были свидетелями схожих политических и социально-экономических событий. Исследователи выделяют: традиционалистов (родившиеся в 1925–1945 гг.), бэби-бумеров (1946–1960 гг.), поколение X (1961–1980 гг.), поколение Y (миллениалы, 1981–1994 гг.) и поколение Z (зумеры, 1995 — настоящее время). Ряд отечественных исследователей считают поколением Z родившихся к началу нулевых годов XXI в. [2, с. 154].

Представители поколения Z комфортно существуют с современными технологиями и зачастую владеют ими лучше своих учителей. Мировоззрение нынешнего поколения студентов можно обозначить как «мышление информационного века». Компьютеры и интернет, стриминговые сервисы, мессенджеры и соцсети органично интегрированы в жизнь этих людей. В отличие от предыдущих поколений, у них нет необходимости прилагать массу усилий для получения необходимой информации. Экосистема, в которой находится поколение Z, детерминирует их психологическое и интеллектуальное развитие, определяя характерные особенности: многозадачность, нетерпеливость, ранимость, чувствительность, фрагментарное мышление, прагматизм, неспособность долго концентрироваться на одном виде деятельности, клиповое мышление [3, с. 86]. Нынешним студентам коммуницировать в реальной жизни сложнее, чем людям старших поколений. Проблема депрессии, высокой эмоциональной чувствительности, тревожности также является характерной чертой современных подростков [1, р. 114]. Существуют

исследования, показывающие связь между временем пребывания в социальных сетях и уровнем тревоги, стресса [4, р. 160]. Для адаптации к таким студентам преподавателю английского языка необходимо применять новые стратегии. В российских вузах в наши дни наблюдается проблема разрыва поколений. Так, преподаватели старой формации при проведении урока могут не брать в расчет специфику нынешних студентов, что будет заметно снижать мотивацию представителей поколения Z. Например, зазубривание текстов, проведение словарных диктантов должны быть минимизированы и проводиться максимально деликатно, чтобы студент неязыкового вуза не «закрылся», не потерял интерес к изучаемому предмету. Опрос, проведенный нами среди студентов первого курса направления «Реклама и связи с общественностью», только подтверждает, что игровой характер взаимодействия, проведение дебатов и круглых столов, выполнение презентаций гораздо более уместно, нежели формальный, официальный подход (рис. 1).

Понимание специфики представителей поколения Z может стать ключом к трансформациям в обучении английскому языку. Так как современные подростки поглощают огромное количество информации (контента), то на первый план при выборе видеоролика на платформе Youtube встает подача материала: как оформлено превью, выставлен свет, какого качества микрофон у автора ролика и какова манера речи и т.д. Опрос, проведенный нами, продемонстрировал, что от уроков английского у студентов примерно те же ожидания, что и от любого другого вида контента (рис. 2).

Студентов мотивирует индивидуальной подход и креативность преподавателя, а демотивирует — его безразличие и однотипные уроки. Идеальный преподаватель английского языка в сознании опрошенных студентов предстает как специалист, который обладает высокой компетентностью, дружелюбием и креативностью. Атмосфера на занятиях студентам фокус-группы видится в первую очередь дружелюбной (рис. 3).

Учитывая характерные психологические особенности поколения Z, необходимо выстроить взаимоотношения так, чтобы студент находился в центре внимания, был полноправным участником образовательного процесса, с которым преподаватель английского языка структурирует учебную деятельность. Образовательное пространство должно быть созвучно целям зуме-

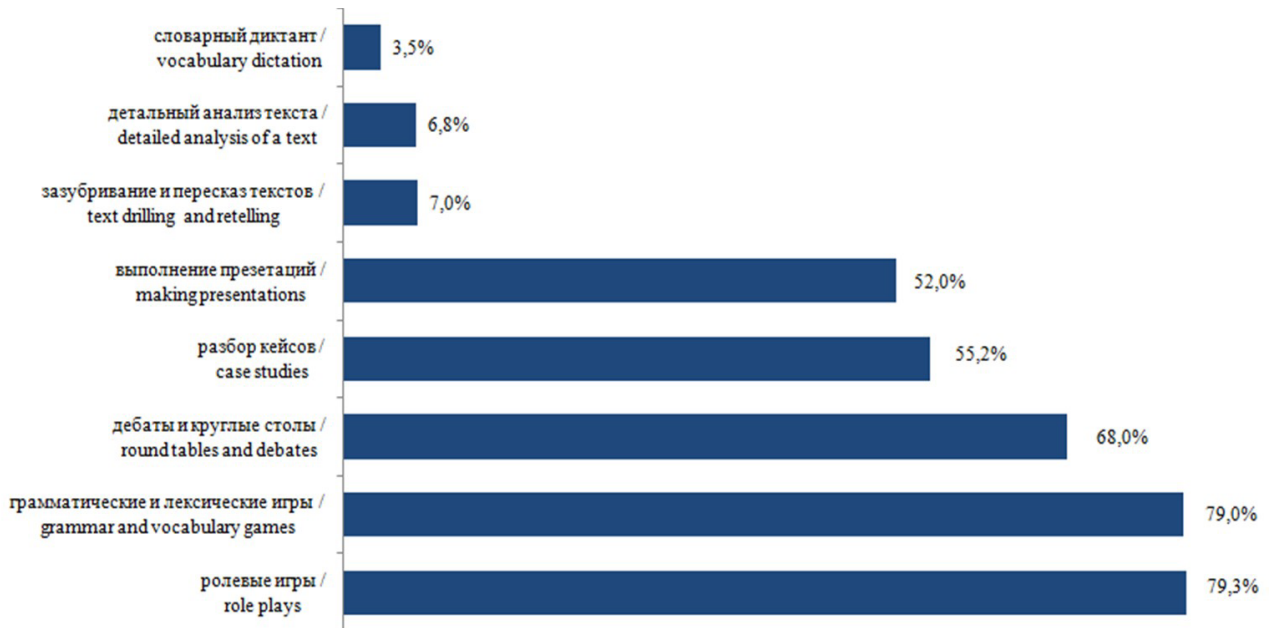

Рис. 1 / Fig. 1. Главные компоненты, из которых должен состоять хороший урок английского языка (возможны несколько вариантов ответов) / The main components of a good English lesson (a few options are possible)

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

Рис. 2 / Fig. 2. Что для вас в преподавателе важнее всего? / What is most important in a teacher to you?

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

ров. В первую очередь это получение тех знаний, утилитарная выгода которых им очевидна, и осознание того, что время, которое они тратят на изучение английского языка, использовано не зря. Желание изучать язык, особенно среди студентов неязыковых вузов, напрямую зависит от того, где они смогут его применять. Оптимальным является связь новых тем, терминов с направлением подготовки студентов. Для этого преподавателю необходимо подготовить презентацию, где перед представителями поколения

Z ставится хорошо сформулированная задача, у которой имеется четкий алгоритм решения. Информацию современным студентам следует подавать концентрированно, небольшими порциями, она не должна быть избыточной. Им необходимо давать множество разных заданий, включать дополнительные материалы, учитывая многозадачность и гиперактивность студентов поколения Z (рис. 4).

Важное место в образовательном процессе занимают информационные и коммуникаци-

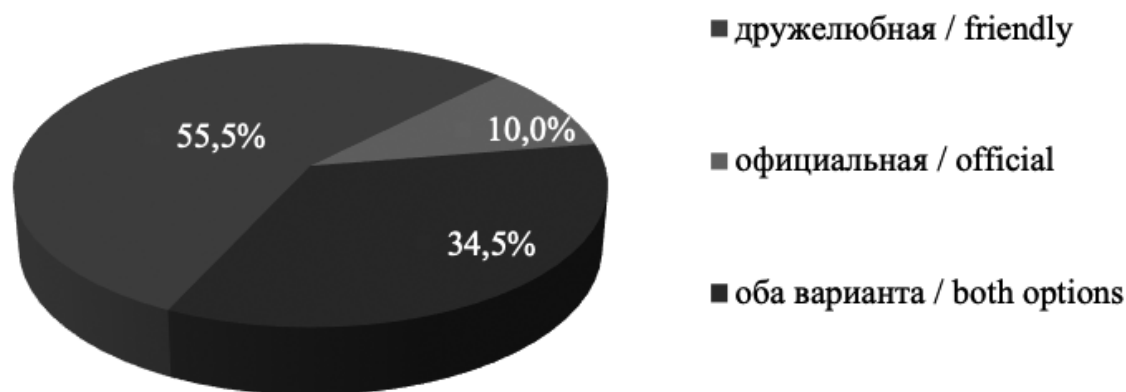

Рис. 3 / Fig. 3. Предпочтительная атмосфера на занятиях английского языка / Preferred atmosphere at English classes

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

Рис. 4 / Fig. 4. Нужно ли преподавателю комбинировать учебную программу с дополнительными материалами по изучаемой теме? / Does the teacher need to combine the curriculum with additional materials on the topic being studied?

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

онные технологии (ИКТ). Компьютер, интернет вместе с элементами интерактивности должны использоваться как для подготовки презентаций, так и для закрепления уже пройденного материала [5, с. 98]. Использование современных технологий способствует широкой реализации педагогических и методических принципов, а также помогает сделать урок более креативным и интересным. Преимуществом задействования цифровых платформ является возможность записи занятий и их пересмотра в любое удобное время (к примеру, в Teams).

Если говорить о преподавании в неязыковом вузе, то в условиях ограниченного времени на первый план выходит личная мотивация студентов и задействование компьютерных технологий. Геймификация образования также стоит в ряду необходимых методов работы с поколением Z. Соревновательный дух, элемент борьбы,

конкуренции, спортивной составляющей способны заинтересовать современных подростков в изучении иностранного языка. Огромную роль игры в современном обучении подчеркивают как западные [6, р. 32], так и отечественные исследователи. Так, М.Р. Кармова отмечает, что игра способна «мотивировать учащихся на занятиях в аудитории, дать преподавателям более эффективные инструменты для руководства иощрения учащихся, а также побудить учащихся полностью посвятить себя учебе» [7, с. 49]. На вопрос «как часто преподаватель должен использовать образовательные платформы и обучающие игры (kahoot, quizlet, etc.) для эффективного изучения?» 49% студентов ответили «через урок», 30,3% — «каждый урок» и только 20,7% — «1–2 раза в месяц» (рис. 5).

В соответствии с новейшими требованиями федеральных государственных образовательных

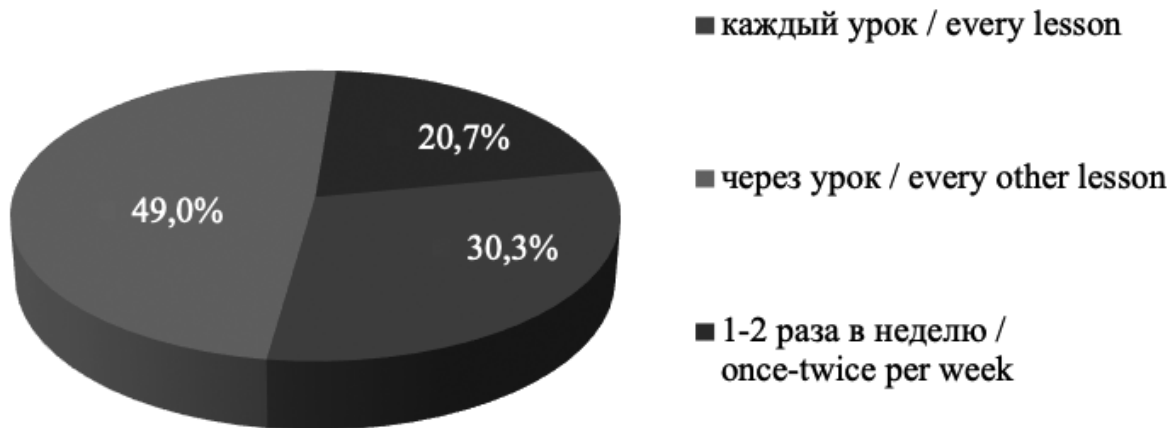

Рис. 5 / Fig. 5. Как часто преподаватель должен использовать образовательные платформы и обучающие игры / How often the teacher should use educational platforms

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

стандартов именно коммуникативная направленность в обучении иностранным языкам является на сегодняшний день преобладающей [8, с. 39]. В коммуникативном подходе (Communicative Language Teaching, CLT) во главу угла ставится использование различных контекстов английского языка. Важная роль отводится коммуникативной функции языка. К особенностям CLT можно отнести его психолингвистическую интенцию, использование английского языка в аудитории как средства коммуникации, когда способность свободно говорить на изучаемом языке ставится выше точности. Язык позиционируется как инструмент коммуникации, а не объект изучения. Студент ставится на передний план, преподаватель же выступает помощником и старается создать ситуации, при которых обучающийся говорит больше, чем педагог. Преподавателю на практике требуется уделять много усилий развитию лексических компетенций (отдельные слова и их употребление в контексте). Формирование лексических навыков сопровождается прохождением определенных этапов: презентация, семантизация, отработка, вывод в речь слов и фразеологизмов. К особенностям работы с методикой CLT можно отнести необходимость обладания широким запасом слов, даже несмотря на формирование стратегической компетенции, и высокие требования к компетенциям педагога. Также стоит отметить, что обучение английскому языку уже сформировавшегося взрослого человека сопряжено с такими трудностями, как страх говорения (детерминированный безрезультатностью обучения в традиционных подходах) и практика искусственных речевых ситуаций [9, с. 293]. CLT избегает данных трудностей, так как

включение в учебный процесс реальных бытовых ситуаций стимулирует активное, максимально приближенное к реальной жизни общение. Данные нашего опроса еще раз подтверждают востребованность развития навыков речевого общения в ходе обучения представителей поколения Z. При описании идеального урока студенты выбрали следующие компоненты: практика устной речи, интерактивный формат, командная и проектная работы (рис. 1, 4, 6).

Методика коммуникативных заданий (Task-based learning) была сформулирована М. Холлидеем с целью усиления слабых сторон коммуникативного подхода [10, с. 49]. Данная методика особенно хорошо работает, когда все студенты принимают активное участие в процессе занятия, что проще осуществить при работе с небольшими группами. Вопреки представлению о том, что у поколения Z существует тенденция к индивидуализму, опрос, проведенный нами, демонстрирует, что современные студенты охотно взаимодействуют в группах по несколько человек, они готовы обмениваться знаниями и помогать друг другу (рис. 6). Стоит также отметить, что групповая работа помогает студентам с более низким уровнем владения языком и стеснительным характером проявить себя и раскрыть свои возможности.

Подводя итоги, можно отметить, что нынешние подростки на занятиях по английскому языку заинтересованы в использовании аудитивных и визуальных материалов, образовательных платформ и обучающих игр, применении групповой формы взаимодействия, интерактивного формата работы, практик устной речи. Мы пришли к выводу, что, исходя из социально-психологической специфики современных студентов, наиболее оптимальной

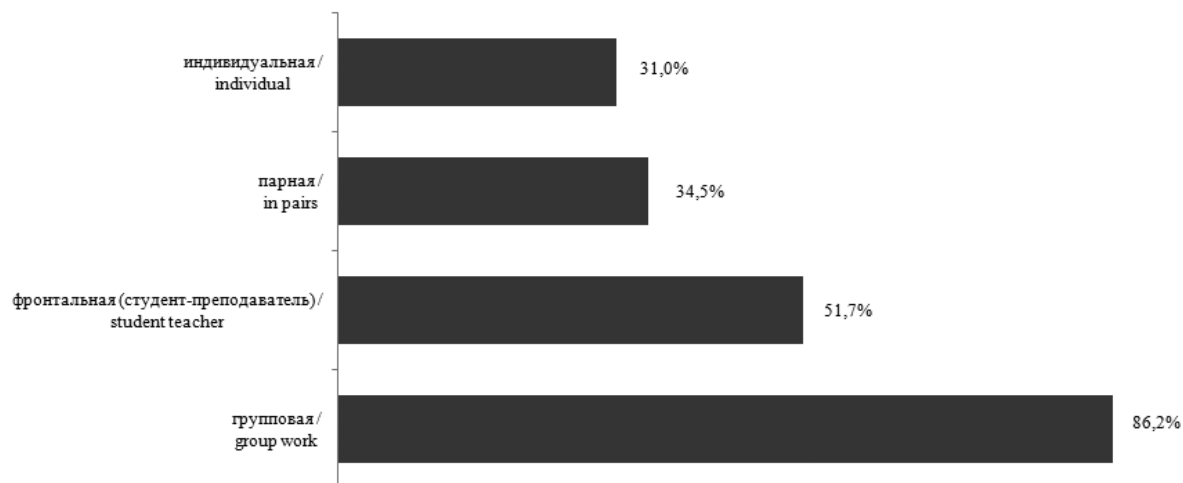

Рис. 6 / Fig. 6. Выберите оптимальную форму взаимодействия на уроках английского языка (возможны несколько вариантов ответов) / Choose the optimal form of interaction at English lessons (a few options are possible)

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

стратегией обучения является использование методик коммуникативного подхода в совокупности с задействованием цифровых технологий. При этом студенту поколения Z необходимо понимать, с какой целью он выполняет определенное задание

и какова его практическая применимость. Групповая форма взаимодействия имеет главное значение во время занятий, так как это позволяет удерживать мотивацию и реализовывать творческий потенциал студентов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Strauss W., Howe N. Generations: the history of America`s future, 1584 to 2069. New York: Morrow; 1991. 538 p.
2. Леонтьева Т.И., Котенко С.Н. Особенности обучения иностранному языку поколения Z: традиции и новаторство. *Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса*. 2017;(1):152–158.
3. Алексюк Ю.О. Развитие креативности у студентов поколения Z в цифровой среде. *Вестник Оренбургского государственного университета*. 2019;(2):85–90.
4. Frison E., Eggermont S. Exploring the Relationships Between Different Types of Facebook Use, Perceived Online Social Support, and Adolescents' Depressed Mood. *Social Science Computer Review*. 2015;34(2):153–171.
5. Старкова Д.А., Эсенова Э.П. Цифровые технологии в обучении грамматике английского языка. *Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики*. 2021;(3):97–100.
6. Hitchens M. A gamification design for the classroom. *Interactive Technology and Smart Education*. 2018;15(1):28–45.
7. Кармова М.Р. «Геймифицируй», или почему современному образованию нужны игры (на примере студентов, обучающихся по направлениям «Социология» и «Политология»). *Гуманитарные науки. Вестник финансового университета*. 2020;10(1):46–50.
8. Кукарская Г.А., Пахомова В.Н., Трифонова И.С. Использование наглядных источников для развития письменной иноязычной коммуникативной компетенции у студентов. *Высшее образование сегодня*. 2020;(6):37–43.
9. Артамонова Г.В. Проблемы в процессе обучения иностранному языку студентов неязыковых специальностей. *Вектор науки Тольяттинского государственного университета*. 2015;(3):289–294.
10. Tammy M., Fajardo J., Argudo M. Language and Teaching Methodology Features of CLIL in University Classrooms: A Research. *Colombian Applied Linguistics Journal*. 2020;22(1):40–54.

REFERENCES

1. Strauss W., Howe N. Generations: the history of America`s future, 1584 to 2069. New York: Morrow; 1991. 538 p.
2. Leontieva T. I., Kotenko S. N. Features of teaching a foreign language to generation Z: traditions and innovation. Territory of new opportunities. *Bulletin of the Vladivostok State University of Economics and Service*. 2017;(1):152–158. (In Russ.).

3. Alekseyuk Yu.O. Development of creativity among students of generation Z in the digital environment. *Bulletin of the Orenburg State University*. 2019;(2):85–90. (In Russ.).
4. Frison E., Eggermont S. Exploring the Relationships Between Different Types of Facebook Use, Perceived Online Social Support, and Adolescents' Depressed Mood. *Social Science Computer Review*. 2015;34(2):153–171.
5. Starkova D.A., Esenova E.P. Digital technologies in teaching English grammar. *Actual problems of German studies, romance and Russian studies*. 2021;(3):97–100. (In Russ.).
6. Hitchens M. A gamification design for the classroom. *Interactive Technology and Smart Education*. 2018;15(1):28–45.
7. Karmova M.R. “Gamify”, or why modern education needs games (on the example of students studying in the areas of “Sociology” and “Political Science”). *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(1):46–50. (In Russ.).
8. Kukarskaya G.A., Pakhomova V.N., Trifonova I.S. The use of visual sources for the development of written foreign language communicative competence among students. *Higher education today*. 2020;(6):37–43. (In Russ.).
9. Artamonova G.V. Problems in the process of teaching a foreign language to students of non-linguistic specialties. *Science vector of Togliatti State University*. 2015;(3):289–294. (In Russ.).
10. Tammy M., Fajardo J., Argudo M. Language and Teaching Methodology Features of CLIL in University Classrooms: A Research. *Colombian Applied Linguistics Journal*. 2020;22(1):40–54.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Алиса Владиславовна Пономарева — преподаватель департамента английского языка и профессиональной коммуникации, Финансовый университет, Москва, Россия

Alisa V. Ponomareva — Teacher, Department of English Language and Professional Communication, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-6682-0149>

avponomareva@fa.ru

Екатерина Николаевна Яковлева — ассистент-преподаватель департамента английского языка и профессиональной коммуникации, Финансовый университет, Москва, Россия

Ekaterina N. Yakovlva — Teacher, Department of English Language and Professional Communication, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0003-1153-2769>

enyakovleva@fa.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 13.03.2022; принята к публикации 12.04.2022.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 13.03.2022; accepted for publication on 12.04.2022.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-3-130-136
УДК 378(045)

Особенности индивидуализации обучения иностранному языку в неязыковом вузе

Н.Г. Кондрахина, О.Н. Петрова, Н.П. Староверов
Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена вопросу индивидуализации обучения иностранному языку в неязыковом вузе. Авторы рассматривают понятия «индивидуализация», «дифференциация» и «персонализация», где индивидуализация реализуется в конкретном предмете, персонализация направлена на всю систему образования в целом, а дифференциация дополняет два данных принципа в условиях групповой организации процесса обучения. Проанализировав типологию Е.И. Пассова, авторы в своем исследовании обобщили те методы и приемы, которые соответствуют личностной и субъектной индивидуализации. Кроме того, был проведен опрос учителей английского языка, который показал, что педагоги готовы реализовывать принцип индивидуализации, однако перед ними стоят проблемы, которые нужно решить. В статье подробно разбираются эти проблемы и приводятся соответствующие выводы.

Ключевые слова: языковое образование; иностранный язык; индивидуализация образования; неязыковой вуз

Для цитирования: Кондрахина Н.Г., Петрова О.Н., Староверова Н.П. Особенности индивидуализации обучения иностранному языку в неязыковом вузе. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(3):130-136. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-3-130-136

ORIGINAL PAPER

Features of Individualization of Teaching a Foreign Language in a Non-linguistic University

N.G. Kondrakhina, O.N. Petrova, N.P. Staroverova
Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article is devoted to the issue of individualization of teaching a foreign language in a non-linguistic university. The authors consider the concepts of "individualization", "differentiation" and "personalization", where individualization is realized in a particular subject, personalization is aimed at the entire education system as a whole, and differentiation complements these two principles in the conditions of the group organization of the learning process. After analyzing the typology of E.I. Passov, the authors in their study summarized those methods and techniques that correspond to personal and subjective individualization. In addition, a survey of English teachers was conducted, which showed that teachers are ready to implement the principle of individualization, but they face problems that need to be solved. The article analyzes these problems in detail and draws the corresponding conclusions.

Keywords: language education; foreign language; individualization of education; non-linguistic university

For citation: Kondrakhina N.G., Petrova O.N., Staroverova N.P. Features of individualization of teaching a foreign language in a non-linguistic university. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of Financial University*. 2022;12(3):130-136. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-3-130-136

Опираясь на многие исследования и личные наблюдения, можно отметить, что современное школьное и вузовское обучение (в том числе и иностранным языкам) ориентировано на «среднего» студента. При этом не уделяется должного внимания индивидуальным особенностям обучающихся, из-за чего слабые ученики становятся неуспевающими, а сильные

теряют интерес к предмету. Именно поэтому вопрос индивидуализированного подхода становится актуальным, в особенности при преподавании иностранного языка — из-за групповой формы обучения.

Индивидуализация обучения остается актуальной темой для ученых и педагогов, несмотря на то, что она достаточно изучена [1]. Многие

ученые в своих трудах определяли феноменологию индивидуализации, отмечали ее различия с дифференциацией, разрабатывали технологии и приемы применения индивидуализации в обучении различным дисциплинам. Но, несмотря на достаточную разработанность проблемы, остаются вопросы, которые требуют дальнейших исследований. Особенно остро стоит вопрос использования различных приемов обучения, соответствующих индивидуализированному подходу в обучении иностранным языкам, ввиду особого места дисциплины «Иностранный язык» среди предметов вузовского курса [2]. Препятствия в использовании индивидуализации в обучении иностранному языку обуславливаются следующими противоречиями между:

- индивидуальным процессом усвоения иностранного языка и групповой формой организации занятия;
- методами и приемами работы в группе и многочисленными индивидуальными характеристиками, присущими конкретному обучающемуся;
- реальной нагрузкой учителя и большой трудоемкостью в реализации индивидуализации обучения.

Данные противоречия приводят к необходимости дальнейшего изучения возможностей индивидуализации обучения иностранному языку. Стратегическая цель образования — создание условий для самореализации личности и раскрытия ее потенциала, что невозможно без индивидуализации процесса обучения. Индивидуализация — системный принцип, который относится ко всем предметам вузовского образования [3, 4]. Множество технологий индивидуализации имеют общедидактический характер и могут применяться при преподавании как иностранного языка, так и других дисциплин — в старшей школе и в вузе [5, 6]. Остановимся подробнее на некоторых из них.

Метод инверсии нацелен на поиски и нахождение творческих решений в той части учебной деятельности, где обычно присутствует только логика и простое запоминание, заучивание. Он базируется на закономерности и, соответственно, принципе дуализма, диалектического единства и оптимального использования противоположных (прямых и обратных) процедур творческого мышления: анализ и синтез; логическое и интуитивное; статические и динамические характеристики объекта исследования; внешние и внутренние стороны объекта; увеличение или, наоборот, уменьшение

размеров; конкретное и абстрактное; реальное и фантастическое; разъединение и объединение; конвергенция (сужение поля поиска) и дивергенция (расширение поля поиска). Если не удастся решить задачу от начала до конца, то ее рекомендуется решать от конца к началу, но «...недостатком данного метода является то, что он требует достаточно высокого уровня творческих способностей, базисных знаний, умений и опыта» [2].

Когда применяется метод эмпатии, то объекту приписывают чувства и эмоции самого человека. Эмпатия (или личная аналогия) в решении творческой задачи понимается как отождествление человека с техническим объектом, процессом, некоторой системой.

При коллективном поиске оригинальных идей их количество возрастет. Данный метод работает, когда в коллективе есть сплоченность.

Метод синектики по своей сути является комбинацией предыдущих методов. Первым условием здесь является то, что педагог не должен давать готовые формулировки творческих заданий — это может помешать поиску оригинальных, нестандартных решений [7]. Суть второго условия состоит в том, что в данном методе критика чужих идей и их количества запрещена, наоборот — стоит поощрять множественность идей. Руководителю нужно контролировать ход идей, уметь корректно и в простой форме прокомментировать сложные моменты, иногда подсказывать. Этот метод способствует повышению эффективности генерирования новых идей и позволяет привлечь к работе всех обучающихся.

Индивидуальный подход должен реализовываться на каждом занятии. Одним из трудных условий успешной реализации индивидуализации является изучение особенностей каждого обучающегося и дальнейшая организация учебной деятельности с опорой на составленную психологическую картину отдельного студента и класса в целом [8, 9].

Мы считаем, что успешной реализации индивидуализации будет способствовать технология учета и развития индивидуального стиля учебной деятельности студента (ИСУД). Данную технологию подробно описала Н.Л. Галеева и выявила несколько параметров [10]:

Обученность — объем и глубина знаний студента по предмету; уровень владения предметными умениями и навыками.

- Обучаемость — проявляется как уровень самостоятельности в учебной деятельности студента.

- Внимание — характеризует в системе ИСУД направленность и сосредоточенность сознания студента на определенных объектах.
- Память — сложный психофизиологический процесс, в результате которого у студента происходит запоминание, сохранение, воспроизведение информации.
- Модальность — предпочитаемый, наиболее комфортный канал приема информации (визуал, аудиал, кинестетик).
- Функциональная асимметрия полушарий головного мозга — способность одного полушария головного мозга включаться на доли секунды раньше другого, подавляя функцию другого полушария.
- Организационные ОУУН — общеучебные умения и навыки, обеспечивающие ученику самостоятельность действий и оптимизацию деятельности на занятиях и при выполнении домашнего задания.
- Коммуникативные ОУУН — определяют виды и формы участия в коллективной учебной деятельности учеников с разными характеристиками развития сферы общения.
- Информационные ОУУН — определяют для студента возможность самостоятельного поиска и осмысления информации.
- Мыслительные ОУУН — психофизиологические функции головного мозга, лежащие в основе сознательного мышления учащихся.

Данные параметры нужны для того, чтобы педагог смог выстроить индивидуальный маршрут обучения для каждого студента. Мы считаем, что при реализации индивидуализации особую роль играют первые шесть параметров, так как они являются ключевыми при обучении иностранному языку. По мнению Н.Л. Галеевой, «для выявления уровня развитости того или иного параметра можно прибегнуть к психологическому обследованию, но и сам педагог может определить “западающий” параметр путем внимательного наблюдения за деятельностью обучающегося». После прохождения теста составляется матрица учебного успеха студента — открытая система, которая может использоваться в сокращенном виде, а при необходимости расширяться в учебных заведениях различного типа и с разным контингентом учащихся.

Технология Н.Л. Галеевой подходит для реализации индивидуализации. Ведь именно учет всех параметров обучающегося позволяет максимально четко поставить цели и задачи для каждого

студента и добиться максимального высокого результата по предмету. Помимо этого, составленные матрицы могут использоваться и другими учителями-предметниками.

Изучение индивидуального стиля познавательной деятельности обучающегося — кропотливая работа, требующая системного подхода и выбора соответствующих методов и приемов. Однако именно выбор способов обучения в рамках ИСУД может представлять проблему.

Отличным примером выбора методов и приемов выступает смешанное обучение, «предполагающее сочетание традиционного обучения (присутствие педагога) и элементов дистанционных технологий» [7, с. 74]. В его основе лежит объединение нескольких технологий: классно-урочной системы, электронного обучения и дистанционно-образовательных технологий [11, с. 56].

Традиционные формы обучения используются для мотивации студентов при личном общении с педагогом, электронная же позволяет осуществлять учебную деятельность обучающимся с разными возможностями и при разных условиях, делает образовательный процесс интерактивным и личностно ориентированным [11, 12].

Дистанционное обучение обладает рядом особенностей и преимуществ и позволяет решить ряд задач для обучающихся, учителей и для организации учебного процесса. Студенты сами конструируют свои знания в своем темпе и ритме и могут получать объективную оценку своих результатов. В случае появления пробелов в знаниях и трудностей при освоении материала студенты могут обращаться за консультацией к преподавателю. Кроме того, в ходе образовательного процесса возникает активное взаимодействие обучающихся, необходимое для решения совместных проблем, что способствует организации групповой деятельности.

Помимо этого, происходит персонализация учебного процесса и повышение мотивации, познавательной деятельности. В приоритете данного обучения стоит самостоятельная деятельность обучающихся, которые осваивают современные средства организации работы и планируют результаты своего обучения. «Освоение новых технологий становится все более и более актуальным, так как возрастает количество онлайн-занятий, электронных курсов, мобильных обучений» [7]. Также данное обучение «...способствует появлению новых возможностей взаимодействия учителя и обучающегося, выбора различных форм пред-

ставления учебного материала и новых способов управления обучением» [7].

Более того, дистанционная часть обучения предоставляет учителю больше новых способов контроля и оценивания знаний. Таким образом, технологии создают новые подходы в преподавании и новые виды коммуникации, а также способствуют повышению квалификации учителей.

Осознавая необходимость индивидуализировать процесс обучения, учителя иностранного языка пытаются адаптировать приемы индивидуализации к традиционному обучению. Мы изучили целый ряд источников и остановились на некоторых приемах и методах, используемых учителями иностранного языка.

Самым целесообразным, по мнению Е.А. Дроздовой и Ю.Ф. Тимофеевой, «...является деление класса на три условные группы:

- Сильные, которые получают дополнительные задания творческого характера; либо будут выполнять задания учебника, но с элементами творчества.
- Средние, которые будут получать конкретные задания, но с небольшим их усложнением.
- Слабые, которые получают более конкретные, практически направленные задания» [13, 14].

Для реализации данной условной градации обучающихся необходимо дать общее задание для всех учеников с последующим его усложнением до определенного уровня. Или же педагог может дать индивидуальные задания уже условно разделенным группам обучающихся и потом подвести проделанную работу к общему результату.

Несмотря на то что задания предлагаются с учетом уровня владения иностранным языком, такое деление класса на условные группы будет, с одной стороны, создавать ситуацию успеха для определенного числа обучающихся, а с другой — не индивидуализировать, а дифференцировать процесс обучения, что, по мнению Н.Л. Галеевой, не учитывает индивидуального развития параметров ИСУД и, соответственно, не может относиться непосредственно к индивидуализации обучения [10].

Тем не менее остается нерешенным вопрос: как, учитывая индивидуальное развитие памяти, мышления, внимания и других параметров ИСУД, сделать так, чтобы в конце каждой темы обучающиеся обладали всеми знаниями, умениями и навыками, поскольку обязательный минимум должны освоить все, без исключения? Условное деление класса на группы — это лишь один из

способов стимулировать обучающихся изучать иностранный язык, а также сделать работу каждого студента более продуктивной.

Если говорить о современном образовании, то педагог должен понимать, что неправильно делать акцент на тех студентах, которые быстрее включаются в работу и более умело справляются со всеми заданиями. Преподаватель должен строить занятие так, чтобы он мог взаимодействовать с каждым обучающимся.

Совершенно очевидно, что реализация индивидуализации с помощью создания собственных учебных материалов требует от преподавателя дополнительных временных и интеллектуальных затрат. Но такая работа может окупиться значительным повышением эффективности обучения. Разноуровневые задания с определенными опорами и правильно подобранными упражнениями способствуют развитию речевых умений. Подобный подход может применяться и при отработке других навыков.

В педагогической и методической литературе подчеркивается, что цели занятия должны быть ориентированы на реальный, достижимый результат. Педагог прогнозирует, что обучаемый сможет сказать, понять, написать на изучаемом языке по окончании определенного отрезка учебного времени. «Такой подход заставляет учителя ставить перед собой реалистичные цели, степень достижения которых легко отслеживать, так как они воплощаются в некий конечный продукт и могут быть оценены» [13].

Как было сказано выше, реализация индивидуализации возможна в различных вариациях, что позволяет развивать и гибкие навыки, которые так необходимы для личностного роста каждого обучающегося. Также мы упоминали, что индивидуализацию отлично дополняют дифференциация и персонализация. Путем комбинирования этих принципов можно добиться высоких показателей в усвоении материала.

Проанализировав и обобщив опыт реализации индивидуализации в обучении иностранному языку, мы полагаем, что личностная индивидуализация осуществляется через создание доброжелательной атмосферы на занятии, в ходе которой каждый обучающийся может проявить свои интересы, поделиться своим опытом, высказать свою точку зрения. Это возможно реализовать через дискуссионные приемы и методы, в процессе которых обучающиеся обмениваются мнениями.

В свою очередь, субъектная индивидуализация осуществляется через предоставление обучающимся возможностей выбрать те задания, которые в большей степени проявят их субъектные свойства, иначе говоря, их особенности или сильные стороны в осуществлении речевой деятельности. Так, например, в конце каждого раздела студентам предлагается задание продуктивного типа: составить монолог, сделать презентацию, написать сочинение, выполнить проект и т.д. Если педагог периодически будет предлагать продуктивные задания на выбор обучающихся, это может способствовать реализации их творческих способностей и создавать ситуацию успеха.

В целом, задания на выбор, развивающие такие качества личности, как гибкость мышления и толерантность, на наш взгляд, способствуют также активному развитию иноязычной коммуникативной компетенции.

Что касается индивидуализации, ее реализация в основном закладывается в том содержании обучения, которое предусмотрено учебно-методическим комплексом, поскольку именно УМК учитывает возраст целевой группы и исходный уровень владения иностранным языком. Педагог должен постоянно осуществлять рефлексию результатов проделанной работы, планируя и разрабатывая новые задания, которые помогут обучающимся в учебной деятельности в процессе формирования совершенствования навыка.

По утверждению многих методистов и ученых, процесс обучения иностранным языкам является одним из самых сложных: «...при обучении иностранному языку индивидуален не только сам процесс овладения, но и объект усвоения — речь человека как способ выражения мысли средствами языка» [10, с. 22].

Принципы индивидуализации и дифференциации являются в достаточной мере хорошим дополнением друг друга и играют большую роль в обучении иностранным языкам. При выполнении упражнений, исходя из потенциальных

возможностей, индивидуально-психологических и личностных свойств учеников, педагог перед каждым обучающимся или группой ставит реальную цель. Достижение этой цели стимулирует мотивацию, способствует развитию психического аспекта личности и т.д.

Согласно ФГОС, современное образование нацелено на создание таких условий развития личности, при которых каждый обучающийся будет способен реализовать свой потенциал, а это невозможно без индивидуализации обучения. Однако среди ученых нет единого мнения по поводу определения сущности индивидуализации. Ряд ученых практически отождествляют это понятие с дифференциацией и персонализацией. Однако, по мнению других, они не тождественны, хотя обладают рядом сходных характеристик. Разделяя точку зрения последних, мы в своем исследовании придерживаемся позиции, что индивидуализация, дифференциация и персонализация (при ведущей роли индивидуализации) могут создать максимально эффективные условия для обучения, позволяя учителю грамотно строить занятие и создавать условия для самореализации обучающихся.

Исследовав и проанализировав опыт реализации принципа индивидуализации в подходах каждого учителя, можно найти сходства и различия. Мы убедились, что индивидуализация — это такой принцип, при котором педагог должен учитывать множество деталей, а самое главное — правильно подобрать задания и сделать так, чтобы каждый студент усвоил обязательный минимум и у него возрос интерес к предмету. Весь процесс реализации индивидуализации является энергозатратным, но именно с его помощью можно добиться самых высоких результатов в усвоении материала обучающимися.

Таким образом, обобщая вышесказанное, можно констатировать, что индивидуализация — это принцип обучения, подразумевающий создание целого ряда условий, способствующих эффективному усвоению учебного материала.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Gruzina Yu.M., Ponomareva M.A., Firsova I.A., Mel'nichuk M.V. Present-day challenges to an educational system. *European Journal of Contemporary Education*. 2020;(4):773–785.
2. Шукин А.Н. Обучение иностранным языкам: теория и практика. Учебное пособие для преподавателей и студентов. 2-е изд. М.: Филоматис; 2006. 416 с.
3. Климова И.И., Ганина Е.В., Гисин В.Б., Мельничук М.В., Федорова Е.А. Формирование интегральной индивидуальности студента-первокурсника: вызовы и перспективы. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2017;3(27):72–78.

4. Мельничук М.В., Алисевич М.В. Проблемы формирования интеллектуальной культуры современного студента. *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки.* 2015;(5–6):48–51.
5. Кондрахина Н.Г., Южакова Н.Е. Алгоритм применения коммуникативного подхода в рамках иноязычного обучения студентов. *Образование и право.* 2021;(4):411–415.
6. Кондрахина Н.Г., Южакова Н.Е. Специфика индивидуализации в рамках иноязычного обучения студентов. *Мир науки, культуры, образования.* 2021;3(88):366–368.
7. Скрыпникова Н.Н. Технология смешанного обучения: актуальность и проблематика. *Профессиональное образование и рынок труда.* 2018;(3):74–78.
8. Белогаш М.А., Мельничук М.В. Когнитивные аспекты развития информационно-образовательной среды в высшей школе в эпоху цифровизации. *Российский гуманитарный журнал.* 2020;(2):123–132.
9. Восковская А.С., Карпова Т.А., Мельничук М.В. Педагогические условия формирования коммуникативно-профессиональной компетентности студентов неязыкового вуза в условиях цифрового общества. М.: ООО «КноРус»; 2019. 162 с.
10. Галеева Н.Л. Сто приемов для учебного успеха ученика на уроках в начальной школе. М.: ООО «5 За Знания»; 2008. 128 с.
11. Нагаева И.А. Смешанное обучение в современном образовательном процессе: необходимость и возможности. *Отечественная и зарубежная педагогика.* 2016;(6):56–67.
12. Гальскова Н.Д. Основы методики обучения иностранным языкам. М.: Кнорус; 2018. 390 с.
13. Дроздова Е.А. Технология индивидуализации обучения на уроках английского языка. URL: <https://nsportal.ru/shkola/inostrannye-yazyki/angliiskiy-yazyk/library/2014/07/23/tekhnologiya-individualizatsii>
14. Тимофеева Ю.Ф. Подготовка педагогов к развитию творческих умений и навыков у дошкольников. URL: https://books.google.ru/books?id=tMrhAwAAQBAJ&pg=PA169&lpg=PA169&dq=Ю.Ф.+Тимофеева&source=bl&ots=kUwDctHE1R&sig=gqhx2OYg6C05t_I5KM2sZXv9c1Y&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKEwjA34WZptzbAhUIW5wKHS5CCPIQ6AEIPzAF#v=onepage&q=Ю.Ф.%20Тимофеева&f=false

REFERENCES

1. Gruzina Yu.M., Ponomareva M.A., Firsova I.A., Melnichuk M.V. Present-day challenges to an educational system. *European Journal of Contemporary Education.* 2020;(4):773–785. (In Russ.).
2. Shchukin A.N. Teaching foreign languages: theory and practice: a textbook for teachers and students. 2nd ed. Moscow: Philomatis; 2006. 416 p. (In Russ.).
3. Klimova I.I., Ganina E.V., Gisin V.B., Melnichuk M.V., Fedorova E.A. Formation of the integral individuality of a first-year student: challenges and prospects. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University.* 2017;3(27):72–78. (In Russ.).
4. Melnichuk M.V., Alisevich M.V. Problems of formation of intellectual culture of a modern student. *Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series: Humanities.* 2015;(5–6):48–51. (In Russ.).
5. Kondrakhina N.G., Yuzhakova N.E. Algorithm for applying the communicative approach in the framework of foreign language teaching of students. *Education and law.* 2021;(4):411–415. (In Russ.).
6. Kondrakhina N.G., Yuzhakova N.E. Specifics of individualization within the framework of foreign language teaching of students. *The world of science, culture, education.* 2021;3(88):366–368. (In Russ.).
7. Skrypnikova N.N. Blended learning technology: relevance and issues. *Vocational education and the labor market.* 2018;(3):74–78. (In Russ.).
8. Belogash M.A., Melnichuk M.V. Cognitive aspects of the development of the information and educational environment in higher education in the era of digitalization. *Russian humanitarian journal.* 2020;(2):123–132. (In Russ.).
9. Voskovskaya A.S., Karpova T.A., Melnichuk M.V. Pedagogical conditions for the formation of communicative and professional competence of students of a non-linguistic university in a digital society. Moscow: KnoRus; 2019. 162 p. (In Russ.).
10. Galeeva N.L. One hundred techniques for the student's educational success in the classroom in elementary school: a methodological guide for the teacher. Moscow: 5 For Knowledge; 2008. 128 p. (In Russ.).
11. Nagaeva I.A. Blended learning in the modern educational process: necessity and opportunities. *Domestic and foreign pedagogy.* 2016;(6):56–67. (In Russ.).

12. Galskova N.D. Fundamentals of methods of teaching foreign languages. Tutorial. Moscow: Knorus; 2018. 390 p. (In Russ.).
13. Drozdova E.A. Technology of individualization of teaching in English lessons. URL: <https://nsportal.ru/shkola/inostrannye-yazyki/angliiskiy-yazyk/library/2014/07/23/tekhnologiya-individualizatsii>. (In Russ.).
14. Timofeeva Yu.F. Preparing teachers for the development of creative skills and abilities in preschoolers. URL: https://books.google.ru/books?id=tMrhAwAAQBAJ&pg=PA169&lpg=PA169&dq=Ю.Ф.+Тимофеева&source=bl&ots=kUwDctHE1R&sig=gqXH2OYg6C05t_15KM2sZXv9c1Y&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKEwjA34WZptzbAhUIW5wKHS5CCPIQ6AEIPzAF#v=onepage&q=Ю.Ф.%20Timofeeva&f=false. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ /ABOUT THE AUTHORS

Наталья Геннадиевна Кондрахина — кандидат филологических наук, доцент, профессор департамента английского языка и профессиональной коммуникации, Финансовый университет, Москва, Россия
Natalya G. Kondrakhina — Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Professor of the Department of English Language and Professional Communication, Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0003-3299-2617>
NKondrakhina@fa.ru

Оксана Николаевна Петрова — кандидат технических наук, доцент, доцент департамента английского языка и профессиональной коммуникации, Финансовый университет, Москва, Россия
Oksana N. Petrova — Cand. Sci. (Technical Sciences), Associate Professor, Associate Professor of the Department of English Language and Professional Communication, Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-003-2581-5073>
jefferson@bk.ru

Нина Петровна Староверова — доцент департамента английского языка и профессиональной коммуникации, Финансовый университет, Москва, Россия
Nina P. Staroverova — Associate Professor, Department of English Language and Professional Communication, Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-003-4617-6709>
nstaroverova@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

Н.Г. Кондрахина — разработка общей концепции статьи.

О.Н. Петрова — подбор материала и подготовка теоретической части статьи.

Н.П. Староверова — подготовка практической части и оформление статьи.

Declared contribution of the authors:

N.G. Kondrakhina — development of the general concept of the article.

O.N. Petrova — selection of material and preparation of the theoretical part of the article.

N.P. Staroverova — preparation of the practical part and design of the article.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 01.03.2022; принята к публикации 30.03.2022.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 01.03.2022; accepted for publication on 30.03.2022.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-3-137-141
УДК 316(257)(045)

Анализ социального конструкционизма на примере Франкфуртской школы

Д.В. Ульянов

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье описывается, каким образом с помощью социально-конструкционистских (в том числе, дискурсивных) практик осуществляются технологии конструирования социальной реальности. Для создания социальных конструкций применяются дискурсивные практики, в первую очередь концепты. Концепты могут приобретать характер идеологических структур, например для убеждения многочисленных групп населения в правильности каких-либо идей. Одним из самых известных примеров дискурсивных практик и других социально-конструкционистских приемов в XX в. стал Франкфуртский институт социальных исследований (известный как Франкфуртская школа).

Ключевые слова: социальный конструкционизм; дискурсивные практики; концепты; репрессивная мораль; одномерный человек; авторитарная личность; фашизм; теория коммуникативного действия; Франкфуртская школа

Для цитирования: Ульянов Д.В. Анализ социального конструкционизма на примере Франкфуртской школы. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(3):137-141. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-3-137-141

ORIGINAL PAPER

Analysis of Social Constructionism on the Example of the Frankfurt School

D.V. Ulianov

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article is devoted to the description of the processes in which the technologies of constructing social reality occur with the help of socio-constructionist (including discursive) practices. Discursive practices, primarily concepts, are used to create social constructions. Concepts can acquire the character of ideological structures, including for convincing numerous groups of the population of the correctness of any ideas. One of the most famous examples of discursive practices and other social constructionist techniques in the 20th century was the Frankfurt Institute for Social Research (known as the Frankfurt School).

Keywords: social constructionism; discursive practices; concepts; "repressive morality"; "one-dimensional man"; "authoritarian personality"; "fascism"; theory of communicative action; Frankfurt school

For citation: Ulianov D.V. Analysis of social constructionism on the example of the Frankfurt School. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(3):137-141. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-3-137-141

Современные социальные исследования тесно связаны с исследованиями конструктивистского типа. Сам термин «социальное конструирование» («конструкция») впервые был употреблен в середине 1960-х гг. в совместной работе Питера Бергера и Томаса Лукмана «Трактат по социологии знания» [1]. Социальный конструкционизм — одно из направлений социально-психологи-

ческой теории, изучающей технологии конструирования социальной реальности.

Бергер и Лукманн демонстрировали, каким образом случайное взаимодействие людей делается сконструированным и переходит в разряд шаблонов поведения, нередко обязательных для членов общества. Для всех социализированных людей они становятся «внешними и объективными факторами жизни» [2].

Для создания социальных конструкций могут применяться дискурсивные практики, основанные, в том числе, на пропозиционных структурах (фреймах), образно-схематических структурах, метафорах, метонимиях. При помощи языковых средств политические акторы определяют терминологию, с помощью которой происходит коммуникация с населением. Терминология становится основой для легитимирующей модели, определяющей знания и представления как средства познания социального мира [3].

В рамках социальных конструктов функционируют концепты — способы мышления, а также ряд идей и способы их осуществления [4]. Концепты могут приобретать характер идеологических структур [5], а язык (в том числе язык концептов) — подходящее место для развития идеологии.

Язык в качестве структуры, которая формирует восприятие мира людьми, изучался структуралистами и постструктуралистами, — их интересовало, как он детерминирует возможные мысли и чувства людей. Концепты, используемые, в том числе, в рамках социальных конструктов, присутствуют как в социальных практиках, так и в образе мышления людей в целом.

Вместе с тем существует множество теорий о том, насколько язык силен в формировании мышления людей. Одни из ключевых (как уже было указано ранее) — структуралистские версии, где предпринимается попытка соотнести структуры языка с теми структурами, согласно которым организован наш опыт. Несмотря на то что идеология как фиксированные паттерны мышления не заложена в языке, анализ структур языка проводится с целью сбора информации о власти или идеологии, лежащих в основе культуры, в которой находится определенный язык. То есть язык идеологичен по своей природе, причем настолько, что периодически заставляет людей поддерживать влиятельные группы. Результатом обсуждений этой темы стал более комплексный подход к идеологии, когда культура интерпретируется как место борьбы за власть со стороны различных групп, а не как образ власти правящих классов. Иными словами, культура становится площадкой для создания социальных конструкций, с помощью которых происходит воздействие на сознание населения. Антонио Грамши в «Тюремных те-

традах» охарактеризовал гегемонию власти как способность разнообразных групп убеждать остальных людей в правильности и уместности таких способов мышления, которые соответствуют интересам сохранения неравной доли ресурсов в определенной части общества [6, с. 465].

Грамши повлиял на критическую теорию, возникшую в рамках деятельности Франкфуртского института социальных исследований (также известного как Франкфуртская школа). Под «критической теорией» подразумевалась философски самоочевидная концепция «диалектической критики политической экономии» [7, с. 117]. Макс Хоркхаймер, один из основателей критической теории, определял ее как социальную критику, предназначенную для осуществления социологических изменений и осуществления интеллектуальной эмансипации посредством просвещения, которое не является догматическим [8]. Задачей Франкфуртской школы был социологический анализ и интерпретация областей, которые Маркс не обсуждал в XIX в. [9, с. 21].

Хоркхаймер противопоставлял критическую теорию традиционной. Под термином «теория» понимался способ наблюдения, выводящий обобщающие законы о реальном мире. Социальные науки, в отличие от естественных, не могут основываться на получении знаний из опыта, особенно в условиях действий исследователя в рамках историко-мировоззренческого контекста [10, с. 13]. Социальное конструирование, реализуемое Франкфуртской школой, основывалось на подчеркивании противоречий и негативного характера современности без альтернативного образа будущего, который можно было бы предложить [7, с. 113]. Основа социального конструкционизма в рамках Франкфуртской школы — анализ господствующих в обществе представлений о социальных отношениях с целью демонстрации того, как господствующая идеология формирует трактовку исторических и социальных процессов. История, интерпретируемая господствующими классами, скрывает информацию, как подметил историк-исследователь Франкфуртской школы Мартин Джей [9, с. 21]. Этот тезис тесно перекликается с трактовкой Антонио Грамши о гегемонии власти как способности господствующих социальных групп убеждать население в правильности своих идей.

На Франкфуртскую школу оказал влияние и Вильгельм Райх — единственный ученик Фрейда, который развивал возможности радикальной социальной критики. Именно благодаря этому исследователю ее представители (особенно Теодор Адорно и Герберт Маркузе) изучали такие конструкты, как «фашизм» и «репрессивная мораль». В Книге «Психология масс и фашизм» Райх объяснял появление фашизма подавлением сексуальности, в результате чего, по его мнению, у ребенка развиваются пугливость, робость, страх перед авторитетом, покорность, а также доброта и послушание в авторитарном смысле этих слов [11, с. 242]. На основании, в том числе, этих идей Теодор Адорно сформировал концепцию «авторитарной личности». Однако для Райха, в отличие от многих исследователей-франкфуртцев, семья была не способной противостоять государству территорией, а миниатюрным авторитарным государством, готовящим ребенка к дальнейшему подчинению.

Эрих Фромм, ведущий психоаналитик уже непосредственно Франкфуртской школы, скорее соглашался со взглядами Райха, однако не поддерживал недостаток эмпирических данных и чрезмерное внимание к сексуальным вопросам. Концепт «авторитарной личности» Фромм объяснял «бегством от свободы», а также «революционным» и «мазохистским» характером. Люди первого типа обладали силой «я» и стремились самостоятельно распоряжаться своей судьбой, тогда как второго — подчинялись внешним обстоятельствам, в том числе, высшим авторитетам [12]. Последние два концепта были тесно сопряжены с «бегством от свободы». Под ними Фромм подразумевал носителей «протестантской этики» — бережливых, отказывавших себе в удовольствиях и связанных чувством долга представителей мелкой буржуазии, доминировавших в раннем капитализме. При развитии государственно-монополистического капитализма («прогрессивной эры» 1890–1920-х гг.) они сохраняли свою обособленность, а в период Веймарской республики потеряли политическую субъектность и оказались в безысходности. Так Фромм объяснял потребность мелкой буржуазии в сильном лидере и приход национал-социалистов к власти в Германии в 1933 г.

Другой концепт, рассматриваемый Франкфуртской школой, — «одномерный человек»

Герберта Маркузе, проживающий в «одномерном обществе». Концепция «одномерного общества» критикует «общество потребления». В ее рамках люди принимают себя за потребительские товары для собственного пользования и узнают себя в окружающих их предметах потребления [13]. В «одномерном обществе» нет возможности превращения в аутентичного индивида по причине незнания его членами своих потребностей. Маркузе разделяет потребности на «истинные» (питание, одежда, жилье) и «ложные» (навязываемые индивиду социальными интересами в процессе его подавления). При этом право определения «истинных» и «ложных» потребностей остается за самим индивидом, однако ответ на этот вопрос дол-

Макс Хоркхаймер, один из основателей критической теории, определял ее как социальную критику, предназначенную для осуществления социологических изменений и осуществления интеллектуальной эмансипации посредством просвещения, которое не является догматическим.

жен быть окончательным — когда индивид достигнет достаточного уровня свободы [14]. Таким образом, свобода от материальной нужды в концепции «одномерного человека» была трансформирована в средство для порабощения. На это влияли массовая культура, консюмеризм и капитализм, которые, согласно интерпретации исследователя Франкфуртской школы Стюарта Джеффриса, превращали людей в «умиротворенных, услужливых дурачков» [15, с. 326]. Маркузе оценивает образ жизни своих современников неоднозначно: он препятствует качественным переменам, несмотря на то, что он лучше, чем был когда-либо [16].

Некоторые критики концепции «одномерного человека» (например, профессор-марксист Маршалл Берман) отмечали элитарность автора, а также его негативное отношение к массам и отрицание их политической субъектности — «презрение к современным мужчинам и женщинам» [17]. Тем не менее «Одномерный че-

ловек» стал популярной работой среди «новых левых» 1960-х гг. В 1964 г. после публикации этой книги Маркузе стремился искать замену пролетариату, надеясь найти ее среди «остающихся за бортом демократического процесса», среди «эксплуатируемых и преследуемых» представителей других рас, а также безработных и нетрудоспособных граждан [16].

Попытки найти социальную базу для идей Франкфуртской школы связаны с конструированием социальной реальности Юргеном Хабермасом, критиковавшим ортодоксальный марксизм и считавшим его устаревшим. Философские взгляды Хабермаса отличались от старой Франкфуртской школы по двум пунктам: развитие Просвещения и науки (в отличие от многих франкфуртцев, он поддерживал эту тенденцию) и перспективы развития современного общества (он смотрел с оптимизмом на «одномерное общество» Маркузе) [15, с. 391]. С целью попыток выхода из кризиса «одномерного общества» он разработал теорию коммуникативного действия, где анализировались вопросы его специфики в рамках языка и дискурса как основы социальной обусловленности речевых высказываний. Конечная цель дискурса, в том числе, в рамках дебатов — достижение рационального консенсуса. В отличие от Адорно, Ха-

бермас считал реальными перспективы такого варианта развития событий. Общественное мнение формируется в рамках «публичной сферы», где власть государства находится под публичным наблюдением народа посредством критического и осведомленного дискурса [16]. В настоящее время Хабермас скептически отзывается о возможностях интернета и социальных медиа как публичной сферы из-за манипуляций и искажений вследствие влияния статусов. Также он видит риски устаревания газет из-за распространения интернета (по его мнению, газеты хотя бы иногда могут способствовать созданию «идеальной речевой ситуации», основанной лишь на рациональности) [15, с. 392].

Подводя итоги, можно заключить, что вышеуказанные концепты сформировали основные идеи Франкфуртской школы. Ее представители конструировали социальную реальность, в рамках которой повседневная жизнь могла быть поводом для кардинальных изменений, но стала их противоположностью. Свобода выбора в концепциях Франкфуртской школы существует лишь в «системе подавления» [15, с. 16]. От этого термина, обозначаемого Стюартом Джеффрисом, исходят практически все ее ключевые концепты.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

- Berger P., Luckmann T. The social construction of reality. A treatise in Sociology of knowledge. New York: Penguin Books; 1991. 256 p.
- Lynch M. The Sociology of Science and Social Constructivism. The Routledge Handbook of Social Epistemology. New York: Routledge; 2020.
- Чимириш Е. С. Легитимация власти: к формулированию операциональной модели. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового Университета*. 2020;10 (3):37–43.
Chimiris E. S. Legitimation of power: towards the formulation of an operational model. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(3):37–43. (In Russ.).
- Лиллекер Д. Политическая коммуникация. Ключевые концепты. Харьков: Гуманитарный центр; 2021. 304 с.
Lilleker D. Political communication. Key concepts. Kharkiv: Humanitarian Center; 2021. 304 p. (In Russ.).
- Матисон Д. Медиа-дискурс. Анализ медиа-текстов. Харьков: Гуманитарный центр; 2017.
Matison D. Media discourse. Analysis of media texts. Kharkiv: Humanitarian Center; 2017. (In Russ.).
- Грамши А. Тюремные тетради. М.: Издательство иностранной литературы; 1959. 564 с.
Gramsci A. Prison notebooks. Moscow: Publishing house of foreign literature; 1959. 564 p. (In Russ.).
- Тёрборн Й. От марксизма к постмарксизму. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики; 2021. 256 с.
Thorborn J. From Marxism to Post-Marxism. Moscow: Higher School of Economics; 2021. 256 p. (In Russ.).
- Geuss R. The Idea of a Critical Theory: Habermas and the Frankfurt school. Cambridge University Press; 1981.
- Jay M. The Dialectical Imagination: A History of the Frankfurt School and the Institute of Social Research 1923–1950. London: Heinemann; 1973. 382 p.

10. Horkheimer M. Traditional and critical theory. Penguin, Harmondsworth; 1976.
11. Elliott A. The Routledge Companion of Social Theory. London, New York: Routledge; 2009. 352 p.
12. Райх В. Психология масс и фашизм. СПб.; Moscow: Университетская книга; АСТ; 1997.
Reich V. Psychology of masses and fascism. St. Petersburg; Moscow: University book AST; 1997. (In Russ.).
13. Маркузе Г. Разум и революция. Гегель и становление социальной теории. СПб.: «Владимир Даль»; 2000.
Marcuse G. Reason and Revolution. Hegel and the formation of social theory. St. Petersburg: “Vladimir Dal”; 2000. (In Russ.).
14. Fromm E. Marx’s Concept of Man. Frederick Ungar Publishing: New York; 1961.
15. Джеффрис С. Гранд-отель «Бездна». Биография Франкфуртской школы. М.: Ад Маргинем Пресс; 2021. 448 с.
Jeffreys S. Grand Hotel “Abyss”. Biography of the Frankfurt School. Moscow: Ad Marginem Press; 2021. 448 p. (In Russ.).
16. Маркузе Г. Одномерный человек. М.: Refl-Book; 1994.
Marcuse G. One-dimensional man. Moscow: Refl-Book; 1994. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Дмитрий Владимирович Ульянов — студент 2-го курса магистратуры факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Dmitry V. Ulianov — 2nd-year Master’s student, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-8245-3860>

d30091998@ya.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 07.02.2022; принята к публикации 20.03.2022.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 07.02.2022; accepted for publication on 20.03.2022.

The author read and approved the final version of the manuscript.

Политическое участие молодежи на выборах в Государственную Думу в 2021 году: ценностные установки, электоральные предпочтения и политическое поведение*

Ю.А. Кудрина^а, Н.М. Печенкин^б, А.А. Косарева^с

^{а, б} Финансовый университет, Москва, Россия; ^с РГГУ, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье представлены данные изучения политического участия молодежи на выборах в Государственную Думу 2021 г. по трем основным параметрам: ценностные установки, электоральные предпочтения и политическое поведение. Авторами проведено комбинированное социологическое исследование: 9 фокус-групп (в 3-х городах) и количественный онлайн-опрос (количество респондентов – 400 человек с репрезентативностью по полу и возрасту для всей генеральной совокупности «молодежь России»). Теоретические результаты исследования дополняют накопленные знания за счет получения актуальных данных по ценностям, установкам, электоральным предпочтениям и политическому поведению молодежи, которые оказали непосредственное влияние на участие данной социальной группы на выборах в Госдуму в 2021 г.

Ключевые слова: выборы; Госдума-2021; политическое участие; молодежь; ценностные установки; электоральные предпочтения; политическое поведение

Для цитирования: Кудрина Ю.А., Печенкин Н.М., Косарева А.А. Политическое участие молодежи на выборах в Государственную Думу в 2021 году: ценностные установки, электоральные предпочтения и политическое поведение. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(3):142-150. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-3-142-150

ORIGINAL PAPER

Political Participation of Youth in the State Duma Elections in 2021: Value Attitudes, Electoral Preferences and Political Behaviour**

Yu.A. Kudrina^а, N.M. Pechenkin^б, A.A. Kosareva^с

^{а, б} Financial University, Moscow, Russia; ^с RGGU, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article presents data from a study of the political participation of young people in the elections to the State Duma in 2021 in three main parameters: value attitudes, electoral preferences, and political behaviour. The authors conducted a combined sociological study: 9 focus groups (in 3 cities) and a quantitative online survey (number of respondents – 400 people with representativeness by sex and age for the entire general population "Russian youth"). The theoretical results of the study supplement the accumulated knowledge by obtaining up-to-date data on the values, electoral preferences, and political behaviour of young people, which had a direct impact on the participation of this social group in the State Duma elections in 2021.

Keywords: elections; State Duma – 2021; political participation; youth; value installations; electoral preferences; political behaviour

For citation: Kudrina Yu.A., Pechenkin N.M., Kosareva A.A. Political participation of youth in the State Duma elections in 2021: Value attitudes, electoral preferences and political behaviour. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of Financial University*. 2022;12(3):142-150. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-3-142-150

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-32087.

** The study was financially supported by the Russian Foundation for Basic Research and ANO EISI within the framework of research project No. 21-011-32087.

ВВЕДЕНИЕ

Молодежь все активнее принимает участие в политических процессах — как в конвенциональной (реализация активного или пассивного избирательного права), так и в неконвенциональной (участие в несогласованных уличных акциях и митингах) форме. В 2020 г. в России произошли события, которые повлияли на формирование протестных настроений молодежи: общероссийское голосование по поправкам к Конституции РФ, а также протесты в Хабаровском крае и Белоруссии. До выборов рассматривались три основных сценария развития событий: возникновение протестной активности (повод — несогласие с результатами выборов и их возможная фальсификация); увеличение числа молодежи на избирательных участках; игнорирование выборов со стороны молодежи.

На протяжении последних лет в России постоянно усиливается кризис доверия молодых людей к государству и выборам, на фоне чего наблюдается приобщение молодежи скорее к неконвенциональным формам политического участия. В нашем исследовании рассматривается участие молодежи на выборах в Государственную Думу в 2021 г. по трем основным параметрам: ценностные установки, электоральные предпочтения и политическое поведение.

Основными задачами являются:

- изучение восприятия молодежью выборов в Госдуму в 2021 г. и определение причин такого восприятия;
- выявление соответствия или несоответствия электоральных предпочтений молодежи и кандидатов и партий, которые выдвигаются на этих выборах;
- определение факторов выбора стратегии политического поведения молодежи;
- прогнозирование социально-политических последствий выборов в Госдуму 2021 г. для молодежи.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Методологию изучаемого материала составили: социологическое исследование (групповые глубинные интервью и массовый онлайн-опрос); неоинституциональный подход (изучение отношения молодежи к существующим политическим институтам, в частности, к выборам); деятельностный подход; теория рационального выбора и теория ограниченной рациональности (изучение механизма принятия решения об

электоральном выборе молодежью); структурный функционализм (молодежь рассматривается как часть социальной системы, имеющей свою структуру и механизмы взаимодействия структурных элементов, каждый из которых выполняет собственную функцию, в том числе и политическую); психоаналитическая теория (политическое поведение молодежи выступает как часть общего поведения человека); теория групп интересов (рассмотрение молодежи как одной из групп интересов при участии в выборах в Госдуму в 2021 г.).

ОБЗОР НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ

Большой вклад в исследование молодежи в электоральном контексте внес Р.В. Парма [1, 2]. Он рассматривает общественно-политические и технологические факторы, влияющие на повышение электорального участия российской молодежи, сравнивает электоральную активность молодежи в США, Великобритании, Франции, Германии и России, анализирует влияние цифровых коммуникаций на политическое участие и изучает формирование протестных настроений молодежи в цифровой среде.

В исследованиях М. Горшкова и Ф. Шереги [3] говорится о том, что основные установки молодежи в условиях ухудшения жизненной ситуации в России — работать и ждать, надеяться на то, что ситуация временная, и будет лучше. Политическая активность молодежи, по мнению авторов, является средней, — она не склоняется к полной апатии или высокому уровню гражданского активизма. Треть молодежи рассматривает возможным вести общественно-политическую деятельность через интернет.

В процессе голосования большое значение приобретают поведенческие особенности, стимулирующие активность молодежной аудитории. Так, Е.В. Ефанова и А.Е. Самолазова [4], приводя в пример несколько типов поведения молодых людей на голосовании, утверждают, что на электоральную активность молодежи серьезно влияет социальное расслоение общества, т.е. отношение к политической системе и электоральному выбору во многом зависит от финансового состояния и уровня образования.

По мнению Н.В. Кабеевой [5], результаты анализа электоральных настроений студентов перед выборами в Государственную Думу седьмого созыва показывают «недоверие молодежи

к институту выборов». Вместо административного ресурса для привлечения молодых людей на избирательный участок необходимо разработать долгосрочную программу по формированию у молодежи ценностных установок и активной гражданской позиции.

С. Г. Зырянов и В. М. Зырянова [6], основываясь на данных, полученных в ходе исследования, формулируют особенности электоральной культуры молодых людей, проживающих в крупных городах. Авторы замечают, что сегодня большая часть молодежи ориентирована на ценности патерналистской электоральной культуры, а факторами, снижающими ее активность, могут стать воздействие административного ресурса или агрессивность информационно-коммуникационной кампании.

По мнению Л. Н. Курбатовой [7], электоральная культура студентов более объективна, рациональна и осмысленна, нежели принято считать на уровне политической власти, однако неудовлетворенность политической и социально-экономической ситуацией может привести к выбросу латентной энергии, которая присутствует в среде студентов при их кажущейся политической пассивности.

Результаты исследований У. Гэмсона показывают, что протестное участие должно быть выше у тех, кто верит в политическую эффективность («ощущение, что действие возможно и результативно»), но испытывает низкий уровень доверия.

Д. А. Ежов [8] отмечает актуальные тенденции и факторы электоральной активности российской молодежи в период электорального цикла 2016–2018 гг., среди которых выделяет технологические проекты, направленные на увеличение явки, как факторы, способствующие привлечению молодой аудитории на избирательные участки. К. Г. Устинкина [9] анализирует готовность молодежного электората к осуществлению мотивированной избирательной деятельности, а также рассматривает фак-

торы, влияющие на электоральное поведение молодых людей.

Результаты исследований У. Гэмсона показывают, что протестное участие должно быть выше у тех, кто верит в политическую эффективность («ощущение, что действие возможно и результативно»), но испытывает низкий уровень доверия. Граждане с высоким уровнем доверия и высоким уровнем чувства политической эффективности будут пассивнее, так как и без разнообразного политического участия удовлетворены системой. А те, у кого низкий уровень чувства политической эффективности, не будут участвовать в протесте при любом уровне доверия, так как они уверены в отсутствии эффекта от собственного участия.

В исследованиях типологии политических действий Л. Милбрата выделяются конвенциональные (легальные) и неконвенциональные (нелегальные: насильственные и ненасильственные) виды политического участия. Сложность понимания сущности политического участия усиливается множественностью определений и подходов, которые используют различные авторы в своих исследованиях. Это признают А. Фролов и С. Миронова [10], которые определили его как одну из форм активного или пассивного несогласия, выражаемую в конвенциональных и неконвенциональных формах с четким содержанием и предъявляемыми требованиями, направленную против конкретного объекта (группы, института власти, законопроекта и др.) с целью их преобразования.

ЦЕННОСТНЫЕ УСТАНОВКИ

По итогам проведения фокус-групп и массового онлайн-опроса, авторами были выделены три основные группы ценностей, разделяемых молодежью: личные (семья, здоровье, друзья), профессиональные (образование, карьера, финансы) и идеальные (патриотизм, вера, свобода). Абсолютное большинство респондентов считают «семью» ключевой ценностью, далее идут «свобода», «здоровье», «образование», «друзья», «карьера» и «финансы». При этом отмечается, что в молодежной среде одной из основных тенденций является нацеленность на финансовую составляющую.

«Все хотят прямо сегодня зарабатывать миллион, не занимая каких-то низших должностей. Хотят все и сейчас».

Рис. / Fig. Политические взгляды и политические предпочтения / Political views and political preferences

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

«Основная тенденция у молодежи — это самореализация и карьера, раньше это была семья. Сейчас институт семьи немного отошел у молодежи назад».

Рассматривая ценностные установки как психологические состояния предрасположенности субъекта к определенной активности в определенной ситуации в зависимости от его жизненных ценностей и предыдущего опыта, мы включили в исследование вопрос мотивации респондентов к совершению деятельности. Основные внутренние мотивы: интерес и желание, деньги и личная выгода, власть, вера в собственную уникальность, цель, стремление сделать свою жизнь комфортной, будущая карьера, страх перед неудачей. Основные внешние мотивы: конкуренция, желание обеспечить семью, примеры мотивированных и успешных людей.

«За нами — будущее».

«Есть два стула: стул один — ты что-то делаешь, потому что тебе это жутко нравится... Второй — страх облажаться и стать никем».

«Испытываю себя на прочность в разных сферах деятельности и задаю себе вопрос: “Могу ли я взять на себя еще больше?”»

ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ

По отношению к действующей власти у молодежи выделяются следующие политические взгляды: провластные — 15,7%, нейтральные — 47,8%, оппозиционные — 25,7%; 10,8% выбрали вариант «затрудняюсь ответить». Среди политических предпочтений молодежи можно выделить 4 наиболее массовые группы: умеренные, либеральные, социалистические и «неопреде-

лившиеся» (см. рисунок). Новым подходом, отвечающим на вызовы цифровизации, является «шкала политических предпочтений», за основу которой взята классификация «ВКонтакте» — самой массовой соцсети России.

Рассмотрим восприятие политических партий. «Единая Россия» ассоциируется у респондентов с партией власти, ведущей партией, партией действующей номенклатуры, партией бюджетников; политической силой, подавившей остальные политические силы в парламенте. Негативное отношение к партии мотивируется коррумпированностью и усталостью от нее. Респонденты полагают, что «Единая Россия» во многом ответственна за недоверие граждан к институту власти, но при этом оценивается участниками фокус-групп как один из немногих социальных лифтов.

«Поддерживаю ЕР просто потому, что мы все учимся в государственных вузах, некоторые живут в общежитии, кто-то посещает форум за деньги государства. После этого мы будем говорить, что мы оппозиция?»

«Партия власти, которая подмяла под себя все партии и сделала их подконтрольными».

«Внутренний негатив, но я понимаю, что это, скорее всего, мое карьерное будущее, и я готова проголосовать сейчас даже без денег за них».

«Внутреннее отторжение, — все то недоверие к власти, которое сейчас сложилось, в том числе, — заслуга политики партии “Единая Россия”».

«У меня “Единая Россия” ассоциируется со словом “коррупция”, причем, жесткая, которая вряд ли в течение этих пяти лет уйдет куда-то».

КПРФ ассоциируется у респондентов со второй партией в стране, теряющей актуальность

и смысл в современной России. Критика КПРФ заключается в следующем: во-первых, партия утратила свою идеологическую сущность и отошла от идей коммунизма к лояльному власти демократическому социализму; во-вторых, партия становится все более популистской. В результате ее деятельность нацелена на аккумуляцию протестного электората с разных сторон политического спектра.

«“Поддакивалки” в Госдуме, которые в случае несогласия просто встают и уходят, выражая, якобы, свою позицию, но их голоса не учитываются».

«Мне кажется, КПРФ — это пережитки прошлого, и нам не следует всем бежать и голосовать по “Умному голосованию”, лишь бы не прошла “Единая Россия”».

«Если партия не будет подпитывать молодой электорат, я думаю, она уйдет вместе с теми людьми, которые застали СССР».

«Партия устарела, она никому не нужна».

При характеристике ЛДПР респонденты в основном дают оценку роли В. В. Жириновского на посту руководителя партии и утверждают, что с его уходом у партии снизится рейтинг, исчезнет бренд, и, как следствие, она распадется. Согласно мнению респондентов, ЛДПР: «персонифицирована в лице В. В. Жириновского»; «популистская и расколота изнутри, но наиболее “зрелищная” партия в Государственной Думе, за которую многие голосуют “по приколу”»; «имеет негативный имидж»; «привлекает электорат, напоминающий сборище маргиналов».

«Жириновского вынесли на выборы, сдули пылинки, и убрали обратно».

«Если поставить на место Жириновского яркого инициативного лидера, может все поменяться в лучшую сторону».

«Партия одного человека».

«Наиболее популистская партия, которая есть у нас в стране. Сейчас держится за счет своего ядерного электората, который голосует по инерции».

«Электорат — мужчины, недовольные жизнью, алкоголики, возможно, даже женоненавистники».

«Справедливая Россия — Патриоты — За Правду» вызывает безразличие и отсутствие интереса у респондентов. Партия ассоциируется с неудачным проектом Кремля и критикуется за низкую активность и невыразительную агитационную кампанию, объединение трех

партий в одну и ее радикализацию с приходом З. Прилепина на пост сопредседателя, отсутствие идеологии и ценностных ориентиров.

«Раньше это была партия последнего выхода: ты мог голосовать за ЕР, но если тебе не нравятся ее депутаты, у тебя принципиальная позиция не голосовать за нее, но ты поддерживаешь общий курс, то голосуешь за Справедливую Россию...».

«Она не вызывает никаких чувств».

«Она создавалась, как левая нога “Единой России”, а получилось... ничего».

«Их программа — это программа КПРФ, только более умеренная».

«Я не знаю, за что они. За справедливость, наверное».

«Новые люди» вызывают противоречивые эмоции у респондентов. С одной стороны, партия ассоциируется с «глотком свежего воздуха», той политической силой, которая привлекает голоса молодежи современным дизайном, кандидатами и яркими акциями. С другой стороны, партия воспринимается как спойлер, созданный для оттягивания протестных «либеральных» голосов, отходивших до этого КПРФ, и напоминающий больше молодежное движение или бизнес-проект, а не парламентскую партию.

«Детище Единой России».

«Даже когда смотришь на лого этой партии, смотришь интервью с Нечаевым, то такое ощущение, будто она вообще не вписывается в этот институт классических бюрократических партий, которые сегодня есть».

«Это современная партия — от дизайна до представителей. Партия привлекательная, и поэтому молодежь идет туда. Пока придраться не к чему».

«Если бы в России была двухпартийная система, ни одна партия не смотрелась бы так органично, как “Новые люди”. Потому что у ЕР достаточно консервативный курс, а “Новые люди” предлагают достаточно прогрессивную историю, начиная от законов».

«Я их не поддерживаю, для меня это молодежное движение, которое прикрывается партией. Но все-таки новая сила, которая появилась в парламенте».

«Спойлеры, будут отбирать “либеральные” голоса».

Респонденты считают, что предпочтениям молодежи больше всего соответствует пар-

тия, которая имеет современную идеологию; ведет не фиктивную, а реальную борьбу за власть; отстаивает интересы молодежи и вкладывает в нее ресурсы, начиная от вовлечения молодых людей в проекты и заканчивая вкладыванием финансов в инфраструктуру; представляет «меньшее из зол» на политическом рынке.

Непривлекательная партия для молодых избирателей идет на выборы с популистской повесткой; представляет консервативные взгляды (под консерватизмом в данном случае респонденты понимают косность и негибкость кандидата или политической партии, неготовность их к внедрению новшеств в условиях меняющейся социально-политической реальности). Респонденты отмечают, что для молодежи наиболее привлекательной партией является «Новые люди».

Привлекательный кандидат для молодежи: внешне опрятный, имеющий высшее образование и среднюю зарплату молодой человек; деятельный и искренний, со свежим «несистемным» взглядом, не берущий взяток и имеющий список осуществленных инициатив, а не только красивую предвыборную программу; нацеленный на новые форматы взаимодействия с молодыми людьми и выступающий за развитие молодежной политики и инфраструктуры; имеющий активную общественную позицию; развивающий личный бренд, активный в социальных сетях. При этом заметим, что такие ценности, как патриотизм, принадлежность к коллективу и семья, не находят отражения в портрете идеального кандидата, несмотря на то, что являются важными для самих респондентов.

Непривлекательный кандидат для молодежи: старше 50 лет (в качестве исключения была названа Сардана Авксентьева, как возрастной, но отвечающий запросам молодежи кандидат); системный человек с консервативными взглядами, аффилированный с партией власти, «засидевшийся» в Государственной Думе и принимавший непопулярные законы; коррупционер и далекий от избирателя кандидат, принадлежащий к московской «золотой молодежи» или к «мажорам».

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ

Политическое поведение на выборах мы рассматриваем через два основных параметра:

участие или неучастие (абсентеизм), осознанное или случайное голосование. Большинство респондентов сначала думают о том, кого можно поддержать на выборах, и только после этого решают, идти на выборы или нет.

Среди тех, кто голосовал хотя бы раз, причинами для участия в выборах являются:

- потребность в голосовании и исполнение гражданского долга;
- желание повысить явку и уровень политической культуры;
- вера в то, что голос способен влиять на изменение обстановки в стране, желание, чтобы голос был услышан или нежелание, чтобы голос пропал.
- *«Не хочу терять свой голос, даже если он ничего не значит».*
- *«Лучше проголосовать, потому что хотя бы перед собой будешь честен».*
- *«Нужно предпринять попытку, чтобы потом не говорить, что в стране ничего не меняется».*
- *«Показать, что я существую, имею голос и право решать, что будет завтра в этой стране».*
- Неголосующие на выборах аргументируют свою позицию:
- отсутствием достойных кандидатов и политических партий;
- нежеланием тратить время на прикрепление к другому избирательному участку;
- бессмысленностью голосования в условиях, где «все решено»;
- предпочтением иных форм исполнения гражданского долга.

«Не вижу ни одного кандидата, за которого хотелось бы проголосовать».

«Не ходил на выборы. Не вижу в этом смысла. За плюшки бы даже не пошел».

«Из-за того, что процедура смены участка достаточно сложная, я просто не проголосовала».

«Лучше не использовать голос, чем использовать, выбирая те партии, которые мне не нравятся и не выгодны».

В качестве альтернативных форм политического участия респонденты назвали:

- согласованные и несогласованные митинги и пикеты;
- сбор подписей и подписание петиций;
- обращение в государственные органы;
- участие в деятельности молодежных организаций или политических партий;

- активное наблюдение за политической повесткой и ее комментирование.

Респонденты с низкой долей вероятности допускают для себя участие в митингах и пикетах. Такая форма политического участия представляет интерес исключительно в академическом плане. Более того, респонденты полагают, что участие в митинге нецелесообразно и может негативно отразиться на будущей карьере. Тем не менее часть респондентов допускает участие в митинге при определенных социально-экономических условиях, но страх за будущее является причиной для отказа от протестной активности.

«Молодежь активно заняла медиополюс, то есть интернет: политическое комментирование, мемы — это тоже политическое участие. “Лентач” — это пример одного из самых политически молодежных пабликов России».

«В органы обращаюсь, если нужно будет, на митинг и пикет не выйду».

«Я бы вышел на митинг, если бы это было безопасно».

«Можно выйти на митинг, когда ты понимаешь, что дальше уже нельзя. Но сейчас таких условий нет».

ВЫВОДЫ

Результаты исследования показывают, что на сегодняшний день большая часть молодежи считает себя аполитичной, редко следит за политическими новостями и не готова активно участвовать в политических процессах. Катализатором активности молодежи по большей части является эмоциональная окраска ряда политических процессов, связанная с категориями «справедливо» или «несправедливо». Главные ценности, лежащие в основе формирования установок: семья, свобода, здоровье, финансы, образование, карьера и друзья.

В политических предпочтениях молодежи можно выделить: умеренные (27,4%), либеральные (19,4%), социалистические (12,2%) и «неопределившиеся» (19%). Электоральные предпочтения ассоциируются с двумя партиями: «Единая Россия» как социальный лифт и партия власти (с трендом на уменьшение поддержки) и «Новые люди» как символ обнов-

ления и современности (с трендом на увеличение поддержки). КПРФ воспринимается только как возможность агрегирования протестных голосов. Остальные партии не соответствуют электоральным предпочтениям молодежи. Для того, чтобы соответствовать запросам молодежи, необходимо «говорить на ее языке и понимать ее проблемы, помогать их решать».

Большая часть молодежи не склонна принимать участие в выборах, что наблюдалось, в частности, на выборах в Государственную Думу. После митингов активные уличные протесты не происходили по нескольким причинам: аполитичность большей части молодежи; восприятие результатов выборов как «не совсем честных, но очень ожидаемых» (отсутствие относительной депривации в разрыве ожиданий и реальности); нежелание подвергать себя возможным негативным последствиям в виде арестов и во избежание «клейма» участника несогласованного митинга; коронавирусные ограничения.

При этом альтернативными формами политического участия, приемлемыми для молодежи, являются: чтение политических новостей и их комментирование, работа в органах государственной власти, деятельность внутри политических партий и участие только в согласованных митингах и акциях.

Социально-политические последствия выборов в Госдуму в 2021 г. для молодежи представлены тремя ключевыми векторами: индивиды, не склонные принимать участие в политических процессах, еще более «отдалились», их приоритеты — семья и работа; склонные к конвенциональным формам политического участия получили партию, которую они могут поддержать («Новые люди»); склонные к неконвенциональным формам еще больше радикализировались, но они находятся в состоянии апатии и не верят, что в ближайшем будущем смогут на что-то повлиять. При этом среди молодежи, в силу ее возрастных и психологических особенностей, в целом фиксируется скрытое недовольство, которое может перейти в активную фазу при наличии определенных эмоциональных мотивационных факторов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Пырма Р.В. Электоральное участие молодежи в выборах президента России 2018 года. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2019;9(2):50–57.

2. Пырма Р. В. Электоральная активность молодежи в США, Великобритании, Франции, Германии и России. Сравнительное исследование. *Полития*. 2019;(4):188–204.
3. Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований: монография. М.: ФНИСЦ РАН; 2020. 688 с.
4. Ефанова Е. В., Самолазова А. Е. Электоральный выбор молодежи: факторы формирования, поведенческие особенности. *Вестник Московского государственного областного университета*. Серия: История и политические науки. 2017;(4):169–177.
5. Кабеева Н. В. Электоральная активность студенческой молодежи. *Медико-фармацевтический журнал «Пульс»*. 2016;(4):138–143.
6. Зырянов С. Г., Зырянова В. М. Особенности электоральной культуры современной российской молодежи. *Социум и власть*. 2016;(2):65–73.
7. Курбатова Л. Н. Выборы 2016 года: post scriptum (по материалам социологического исследования студентов). *Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета*. Социально-экономические науки. 2018;(2):34–43.
8. Ежов Д. А. Актуальные тенденции и факторы электоральной активности российской молодежи. *Азимут научных исследований: экономика и управление*. 2018;3(24):356–358
9. Устинкина К. Г. Электоральное поведение российской молодежи. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2014;(1):139–145.
10. Фролов А. А., Миронова С. В. Протестные кампании в современной России: региональный аспект на примере Ярославской области. *PolitBook*. 2019;(1):6–21.

REFERENCES

1. Pyrma R. V. Electoral participation of youth in the 2018 presidential elections in Russia. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2019;9(2):50–57. (In Russ.).
2. Pyrma R. V. Electoral activity of youth in the USA, Great Britain, France, Germany and Russia. Comparative study. *Politia*. 2019;(4):188–204. (In Russ.).
3. Gorshkov M. K., Sheregi F. E. The youth of Russia in the mirror of sociology. To the results of many years of research. Monograph. Moscow: Federal Scientific Research Center of the Russian Academy of Sciences; 2020. 688 p. (In Russ.).
4. Efanova E. V., Samolazova A. E. Electoral choice of youth: factors of formation, behavioral features. *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: History and political sciences*. 2017;(4):169–177. (In Russ.).
5. Kabeeva N. V. Electoral activity of student youth. *Medico-pharmaceutical journal "Pulse"*. 2016;(4):138–143. (In Russ.).
6. Zyryanov S. G., Zyryanova V. M. Features of the electoral culture of modern Russian youth. *Society and power*. 2016;(2):65–73. (In Russ.).
7. Kurbatova L. N. Elections 2016: post scriptum (based on the sociological research of students). *Bulletin of the Perm National Research Polytechnic University. Socio-economic sciences*. 2018;(2):34–43. (In Russ.).
8. Ezhov D. A. Actual trends and factors of electoral activity of Russian youth. *Azimuth of scientific research: economics and management*. 2018;3(24):356–358. (In Russ.).
9. Ustinkina K. G. Electoral behaviour of Russian youth. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*. 2014;(1):139–145. (In Russ.).
10. Frolov A. A., Mironova S. V. Protest campaigns in modern Russia: a regional aspect on the example of the Yaroslavl region. *PolitBook*. 2019;(1):6–21. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Юлия Алексеевна Кудрина — политолог, ведущий эксперт отдела реализации проектов и программ в сфере патриотического воспитания граждан ФГБУ «Росдетцентр», Москва, Россия

Yulia A. Kudrina — political scientist, leading expert of the Department for the implementation of projects and programs in the field of patriotic education of citizens of the Federal State Budgetary Institution "Rosdetcenter", Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0003-1491-5386>

grkudrina19@gmail.com

Николай Михайлович Печенкин — политолог, ассистент департамента политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
Nikolai M. Pechenkin — political scientist, assistant of the Department of Political Science, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-7846-4847>
nick_pechyonkin@mail.ru

Анна Александровна Косарева — студентка факультета международных отношений, политологии и зарубежного регионоведения, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

Anna A. Kosareva — student of the Faculty of International Relations, Political Science and Foreign Regional Studies of the Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
<https://orcid.org/0000-0002-2965-4708>
anyakosareva06@gmail.com

Заявленный вклад авторов:

Ю.А. Кудрина — обзор литературы и теоретико-методологических подходов.

Н.М. Печенкин — проведение полевого этапа социологического исследования.

А.А. Косарева — анализ и интерпретация данных, полученных в результате социологического исследования.

Authors' declared contributions:

Yu. A. Kudrina — a review of the literature and theoretical and methodological approaches.

N. M. Pechenkin — conducting the field stage of sociological research.

A. A. Kosareva — analysis and interpretation of data obtained as a result of sociological research.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 16.02.2022; принята к публикации 15.04.2022.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 16.02.2022; accepted for publication on 15.04.2022.

The authors read and approved the final version of the manuscript.